

Н. А. ВЛАСОВ

Н. А. ВЛАСОВ

ГЕЛЬМУТ ФОН МОЛЬТКЕ ОТЕЦ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

ГЕЛЬМУТ ФОН МОЛЬТКЕ
ОТЕЦ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Серия «НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Н. А. ВЛАСОВ

ГЕЛЬМУТ ФОН МОЛЬТКЕ

**ОТЕЦ
СОВРЕМЕННОЙ
ВОЙНЫ**

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2018

УДК 94(470)
ББК 63.3(0)52
В58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

*Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон, И. О. Ермаченко, А. А. Исэров,
А. Ю. Карачинский (ученый секретарь), Н. Н. Крадин,
П. Ю. Уваров (председатель), Т. А. Филиппова (зам. председателя)*

Рецензент:

доктор исторических наук *А. Ю. Павлов*

Власов Н. А. Гельмут фон Мольтке. Отец современной войны. — СПб.: Наука, 2018. — 239 с.

ISBN 978-5-02-039677-7

Гельмут фон Мольтке (1800—1891) — одна из самых известных фигур в военной истории. Его личность, неожиданно выхваченная из сумерек яркими лучами мировой славы во второй половине 60-х годов XIX века, стала символом германской военной машины со всеми ее сильными и слабыми сторонами. Став начальником прусского военного штаба, Мольтке разработал планы франко-прусской войны 1870—1871 годов и знаменитой битвы под Седаном, где капитулировала французская армия во главе с императором Наполеоном III. Мольтке наряду с Бисмарком сыграл огромную роль в объединении германских земель и становлении Германской империи. Именно Гельмут фон Мольтке стоит у истоков военного искусства индустриальной эпохи, ему же во многом принадлежит заслуга создания «мозга армии» — генерального штаба современного типа.

© Власов Н. А., 2018
© Издательство «Наука», серия «Научно-популярная литература» (разработка, оформление), 2018
© Палей П., оформление, 2018

ISBN 978-5-02-039677-7

К ЧИТАТЕЛЮ

Гельмут фон Мольтке... Это имя слышал, пожалуй, каждый любитель военной истории. Сухощавый старик со спокойным, бесстрастным выражением лица еще при жизни стал символом и германского офицерского корпуса с его холодным профессионализмом, и германской военной машины с ее безжалостной эффективностью.

После него, конечно же, были и другие. Германская военная история не испытывает недостатка в громких именах. Шлиффен и Людендорф, Гальдер и Гудериан... Однако все они проиграли свои войны. Только Мольтке-старший почти не знал поражений. Именно поэтому героический ореол, окружавший его еще при жизни, не потускнел ни после Первой, ни после Второй мировой войны. Менялся лишь образ: на страницах сочинений разных лет он предстает перед нами то как верный паладин императора, то как образец истинного германца, то как «полководец-гуманист», не понятый своими преемниками. Фельдмаршал всегда оставался национальным героем — и в эпоху кайзера Вильгельма, и в лихорадочно-нестабильной Веймарской республике, и в воинственном Третьем рейхе, и в спокойно-буржуазной ФРГ. Хотя черты его личности, выдвигаемые почитателями на первый план, претерпели за это время довольно существенные изменения.

Имя Мольтке еще при его жизни оказалось окружено множеством мифов. Его называли одним из величайших полководцев мировой истории, провидцем и гением, не допу-

скавшим ошибок. Его считали единственным автором побед прусского оружия в войнах за объединение Германии; «не техническое превосходство, не лучшие ружья и не лучшая тактика в первую очередь обеспечили пруссакам победу. Это сделало полководческое искусство Мольтке» — писали немецкие историки сто лет спустя после его смерти.¹

Разумеется, в этом есть значительная доля преувеличения. Легенда далеко не во всем соответствовала исторической правде. Однако не подлежит сомнению, что фельдмаршал оказал огромное влияние на развитие как германских вооруженных сил, так и военного искусства в целом. И, что немаловажно, он был одним из тех людей, которые творили европейскую и мировую историю во второй половине XIX века.

Несмотря на все это, у «великого молчальника» оказалось не так много биографов. Литература, посвященная Мольтке, не идет ни в какое сравнение с горами биографий его современника и соратника — Отто фон Бисмарка. Почему? Возможно, прав был выдающийся германский военный историк Ганс Дельбрюк, однажды заявивший, что написание биографии фельдмаршала является одной из самых сложных задач, которая только может выпасть на долю исследователя. Причина заключается отнюдь не в обилии драматических эпизодов и крутых поворотов в судьбе главного героя. Дело, как полагал Дельбрюк, обстоит как раз наоборот. Более чем 90-летний жизненный путь полководца представлялся ему «равномерным, одинаковым во всех своих проявлениях, ясным, могучим, но тихо струящимся потоком»,² в котором чрезвычайно трудно сфокусировать свой взгляд на отдельных деталях.

Дельбрюк со свойственной ему проницательностью заметил и еще одну особенность жизненного пути Мольтке — неторопливое, словно бы замедленное, его течение. В 35 лет, когда судьба забросила его в далекую Турцию, он еще производил впечатление юноши — и многие биографы называют это время «годами учения». В сорок один женился на девушке, которая была младше его на четверть века, — и пережил

ее на долгих 24 года. В пятьдесят семь, когда многие его братья уже подавали в отставку, он стал шефом Генерального штаба. Первый свой оглушительный триумф он пережил, будучи, даже по сегодняшним меркам, пожилым человеком — в 66 лет, когда многие его сверстники давно покоились в могиле, — а главную победу одержал еще четыре года спустя. От руководства Большим генеральным штабом он отошел лишь в 88-летнем возрасте, но еще три года, до самой смерти, старец продолжал активно заниматься военными вопросами. Порой создавалось впечатление, что у этого человека вообще нет возраста. Даже Фридрих Энгельс, недолюбливавший его и называвший порой «штабным крикуном», признавал, что, «хотя генерал Мольтке и стар, но планы его, несомненно, проникнуты всей энергией молодости».³

Жизненный путь Мольтке до сих пор окружен множеством мифов и ставит перед исследователем массу вопросов. Чем объясняется его назначение на пост шефа Генерального штаба? Почему произошло его стремительное возвышение в середине 1860-х годов? Какую роль сыграл он в развитии военного искусства? Действительно ли Мольтке был стратегическим гением и не знал ошибок? Каково было реальное влияние начальника Генерального штаба на внутреннюю и внешнюю политику Германской империи? Какое наследство оставил он своим преемникам? Единого мнения по этим проблемам нет до сих пор. Загадкой во многом остается и внутренний мир этого сложного и неоднозначного человека, спрятанный под непроницаемой маской «примерного офицера».

Книга, которую Вы держите в руках, является итогом многолетних трудов автора над биографией Гельмута фон Мольтке-старшего и рассчитана на массовую аудиторию. Ее основная задача — познакомить российского читателя с этой неординарной и неоднозначной личностью и попытаться дать ответ на ключевые вопросы, упомянутые выше.

ГЛАВА 1

ЮНОСТЬ ПОЛКОВОДЦА

Гельмут Карл Бернгард фон Мольтке появился на свет 26 октября 1800 года в северогерманском городке Пархим. Он принадлежал к весьма древнему, но обедневшему дворянскому роду, представители которого оставили заметный след в истории Северной Европы.

Фамилия Мольтке впервые упоминается в Дании и Швеции в XII веке. Первые сведения о немецком Мольтке — рыцаре Маттиасе — относятся к 1246 году. Некоторые исследователи полагают, что сама фамилия имеет западнославянское происхождение и образована от слова «мольтек» — молоток.¹ К XIV веку Мольтке являлись могущественной дворянской семьей, представители которой занимали важные светские и духовные посты. Одна из ее представительниц даже стала основательницей шведской королевской династии Ваза. На тот момент род насчитывал три ветви — датскую, шведскую и северогерманскую. Германская ветвь, в свою очередь, делилась на две линии — старшую и младшую. Старшая, на фамильном гербе которой красовался девиз «Искренние и осторожные», владела несколькими крупными имениями в Мекленбурге, центром которых считался Самов, поэтому ее иногда называли «линией Сомова». Большинство ее представителей посвятили свою жизнь военной карьере. С начала XVIII века эта ветвь переживала неизбежный для многих древних дворянских фамилий закат. В течение сто-

летия Мольтке утратили основную часть своих родовых владений.

Дед Гельмута по отцовской линии Фридрих Казимир в юности служил пажом в Штутгарте, а затем поступил на службу в австрийскую армию. Не желая переходить в католическую веру, он, однако, не смог подняться по служебной лестнице выше звания капитана и вскоре вернулся на родину. Впоследствии у него родились тринадцать отпрысков обоего пола, и, чтобы справедливо разделить отцовское наследство после смерти Фридриха Казимира, пришлось в 1785 году продать родовое имение Самов. Доли получились настолько небольшими, что их не хватило надолго никому, в том числе и девятому ребенку, Фридриху Филиппу, который поступил на прусскую военную службу.

Фридрих Филипп фон Мольтке был небогат, но хорош собой. На его счету числилось немало любовных походов. Неудивительно, что дочь крупного любекского торговца Генриэтта Пашен также не смогла устоять и вспыхнула к нему страстью. настолько сильной, что девушке удалось сломить сопротивление строгого отца, изначально ни за что не желавшего давать свое согласие на брак дочери с молодым лейтенантом. Единственным условием, на котором ему удалось настоять, была отставка жениха.

Союз получался неравным, причем в двояком отношении. Семейство Пашен было гораздо богаче Фридриха Филиппа, зато в их жилах не текла голубая кровь. Тем не менее в мае 1797 года брак был освящен церковью. Впрочем, вскоре выяснилось, что строгий отец был прав — семейный союз не принес счастья ни той, ни другой стороне. Красавец офицер оказался никудышным хозяином и вскоре практически полностью растратил приданое своей супруги. Новобрачный никак не хотел вести себя так, как подобает достойному отцу семейства; как честно признавался он сам в своих воспоминаниях, «мое финансовое положение ухудшалось с каждым годом, поскольку я так и не смог найти в себе силы протягивать ножки по одежке».² Отношения супругов быстро испортились, тем не менее, на

свет один за другим появились восемь отпрысков обоего пола.

Третий ребенок четы Мольтке — маленький Гельмут Карл Бернгард, которому предстояло стать самым известным представителем своего рода за всю его историю, — родился в городке Пархим под чужой крышей, в доме своего дяди, в честь которого получил первое имя. Время, в которое будущий полководец впервые увидел свет, трудно было назвать спокойным. В Европе бушевали Наполеоновские войны, и бурная эпоха не могла не отразиться на судьбе семьи, в которой рос будущий фельдмаршал.

Семья Мольтке вскоре отправилась в новоприобретенное имение Гневитц, а в 1803 году, после очередного финансового краха, переехала в Любек. Именно с этим городом связаны первые детские воспоминания молодого Гельмута. Далеко не все они были безобидными: неудержимая волна Наполеоновских войн докатилась и до Северной Германии. В 1806 году Пруссия вступила в войну против Франции, и Наполеон провел одну из самых кратких и успешных своих кампаний, наголову разгромив прусскую армию в двойном сражении при Йене и Ауэрштедте. Лишь несколько разрозненных отрядов отступали, яростно огрызаясь, на север и восток. Один такой корпус занял оборону в Любеке. Силы были неравными, город был взят с боем и на три дня отдан на разграбление солдатам; не обошла эта беда стороной и дом семейства Мольтке.

Семейство переехало в приобретенное в 1805 году поместье Аугустенхоф, находившееся на территории Гольштейна. Это северогерманское герцогство было владением датского монарха, и здесь Мольтке были в безопасности. Однако злой рок, казалось, по пятам преследовал их. Открыл очередной акт семейной драмы крупный пожар; за ним последовала смерть отца Генриэтты, который, хотя и являлся одним из крупнейших торговцев Любека, оставил дела не в самом лучшем состоянии. Отмена крепостного права в Дании временно лишила поместье рабочей силы. Семья осталась почти без средств к существованию.

Отец поступил на службу в датскую армию. Дети, которых он и раньше нечасто баловал своим вниманием, стали видеть его все реже и реже. Заботу об их воспитании окончательно взяла на себя мать. Генриэтта искренне любила своих отпрысков. Хотя она была строгим и по-своему суровым человеком — а судьба сделала ее характер еще более твердым — мать старалась дарить детям все тепло, которое могла. Весьма образованная для своего времени, она была музыкальной натурой и владела несколькими языками. Пожалуй, именно Гельмут был ее любимым сыном.

Эпоха материнского воспитания закончилась в 1809 году, когда три старших сына — Вильгельм, Фриц и Гельмут — были отданы в дом пастора Кникебайна, жившего в местечке Гогенфельде. Пастор был достаточно образованным человеком и заставлял своих воспитанников с одинаковым рвением читать и Библию, и Гомера. Впоследствии Мольтке часто вспоминал с благодарностью добряка священника — ведь это время было настоящим раем по сравнению с той жизнью, которая началась для него двумя годами позже, когда, вырванный из деревенской идиллии, он был отдан своим отцом в кадетский корпус в Копенгагене. Годы, проведенные в этом заведении, наложили неизгладимый отпечаток на личность Мольтке и на его дальнейшую биографию.

Филипп Виктор тем временем успешно строил военную карьеру. В 1807 году Дания стала союзницей наполеоновской Франции, и два года спустя он отличился при взятии Штральзунда, занятого мятежным прусским майором Шиллем (который вскоре стал немецким национальным героем). Это придало решающий импульс его дальнейшему карьерному взлету, и в дальнейшем он дослужился до генерал-лейтенанта. Ему представлялось само собой разумеющимся, что сыновья пойдут по стопам отца.

Естественно, мнение самого Гельмута никто не спрашивал. Впоследствии многие почитатели фельдмаршала считали его словно специально созданным для армейской службы. Самому Мольтке это не казалось столь очевидным — уже на склоне лет он рассказывал племяннику, что, будь его воля,

он с большим удовольствием занялся бы археологией и стал профессором истории.

Порядки, господствовавшие в кадетском корпусе, напомнили бы человеку нашей эпохи скорее воспитательную колонию строгого режима для малолетних преступников. Спартанская обстановка, скудное питание, жестокая муштра. Палочная дисциплина была призвана либо сломать, либо закалить будущих офицеров. Телесные наказания считались лучшим воспитательным приемом. Однажды Гельмут, не слишком ровно державший голову в строю, получил удар по лицу. Из носа потоком хлынула кровь, но в ответ на хныканье мальчика последовал лишь грубый окрик. Лазарет, в который Мольтке попал с тяжелым тифом, воспринимался едва ли не как райские кущи. Как минимум раз в год мальчик лежал в лихорадке. Несколько недель, проведенных вместе с родителями в 1813 году, оказались лишь коротким антрактом. Год спустя, когда родители развелись, понятие «дома» стало для мальчика вообще чем-то призрачным.

В 1866 году в беседе с одним немецким журналистом полководец так вспоминал это время: «Без родственников и знакомых, в чужом городе, мы провели весьма унылое детство. Обращение с нами было строгим, даже жестким, и сегодня, когда я могу судить с беспристрастием, скажу: оно было слишком строгим, слишком жестким. Единственной положительной стороной было то, что подобная жизнь рано приучила нас к всевозможным лишениям».³ Гораздо более красочно рисуют это мрачное время ранние письма Мольтке. «Ты знаешь, что я был рано лишен родительского дома и твоей заботы и поэтому привык быть чужаком повсюду», — писал он матери в 1828 году.⁴

Практически единственным светлым пятном на этом фоне были визиты в дом отца его товарищей по кадетскому корпусу, генерала Йохана Хендрика фон Хегерманн-Линденкроне. В отличие от многих своих сослуживцев, генерал был весьма прогрессивно настроенным человеком. Его супруга, Луиза, устроила в своем доме нечто вроде литературно-музыкального салона, где собирались многие известные датча-

не того времени. Подросток оказывался в совершенно ином мире, где он мог спокойно играть со сверстниками, а также слушать беседы взрослых, оказавшие влияние на его развитие. Именно с тех пор Мольтке полюбил хорошую музыку, здесь он познакомился с творчеством Шекспира, Гете и Шиллера, а также с датской романтической поэзией, пристрастие к которой сохранил на протяжении всей своей жизни.

Генерал и его супруга относились к мальчику почти с отеческой нежностью, и он платил им почти сыновней любовью. Один из биографов фельдмаршала называет Хегерманнов его «эрзац-родителями».⁵ Связь с этой семьей сохранилась у Мольтке практически до конца его дней. Всю свою жизнь Гельмут помнил, чем он обязан этим людям, подарившим ему уголок тепла в холодном и враждебном мире. «Общение с благородными, образованными членами этой семьи оказало в высшей степени благодатное влияние на развитие моей личности», — рассказывал он в 1866 году.⁶

Впрочем, обучение будущих офицеров не сводилось к муштре. Оно отличалось достаточно высоким для того времени качеством. Помимо целого ряда специальных военных дисциплин, воспитанники изучали иностранные языки, историю и географию. Мольтке жадно впитывал в себя эти знания — во многом именно они скрашивали его серые будни.

Какое влияние оказало в итоге пребывание в кадетском корпусе на личность юного Гельмута? В письме своему младшему брату Людвигу в 1829 году он сам, оглядываясь, писал следующее: «Поскольку я получал не воспитание, а лишь побои, я не смог выработать в себе характер. Это часто мучит меня. Недостаток уверенности в себе, постоянная оглядка на мнение других, даже предпочтение разума чувствам вызывают у меня порой горькие жалобы на самого себя, в то время как у других они часто бывают вызваны прямо противоположными причинами. В отношении нас старались сгладить любую выдающуюся черту характера, любое своеобразие — так же, как подстригают время от времени саженцы в живой изгороди. Так во мне появилось одно из самых несчастных моих качеств — слабость характера. Но одновременно мне

был привит внутренний принцип — чувствительность, гордость, отторжение всего, что лишено благородства. <...> Как я завидую почти всем остальным людям — их ошибкам, их крепости, их беззаботности и прямоте».⁷

Хотя письмо выдержано в присущем Мольтке пессимистическом духе (заметно также влияние литературного романтизма), нет никакого сомнения в его искренности. Суровое детство и закалило, и искалечило характер Мольтке одновременно. Он привык не отступать ни перед какими трудностями — и в то же время страдал комплексом неполноценности. Он замкнулся в себе, научился прятать свои эмоции под маской непроницаемого спокойствия — способность, обеспечившая ему впоследствии славу «великого молчаливика», — и в то же время остался человеком, способным к глубоким и сильным чувствам. Он научился жить, повинаясь голосу рассудка, — и в то же время часто жалел о том, что не может с головой окунуться в омут страстей. Стальная воля и скромность, гибкий и острый ум, честолюбие, проницательность и самодисциплина — качества, которые оформились у юноши именно в эти годы. Воспитание в кадетском корпусе, несмотря на всю свою жесткость, помогло ему впоследствии преодолеть многие трудности, но оставило глубокие травмы, залечить которые удалось лишь спустя десятилетия.

В 1818 году Мольтке навсегда покинул стены кадетского корпуса. Выпускные экзамены были сданы блестяще, особенно хорошие оценки он получил по математике, фортификации, военной истории и языкам (датскому, немецкому и французскому). При этом пажеский экзамен Гельмут сдал лучше всех, а вот на офицерском оказался на четвертом месте. После этого он год прослужил в качестве королевского пажа (обязательная ступень для всех выпускников корпуса, обучавшихся за государственный счет). 1 января 1819 года Мольтке был зачислен в звании секонд-лейтенанта в Ольденбургский пехотный полк, дислоцированный в Рендсбурге.

Датская армия переживала в те годы не лучшие времена. Оказавшись по итогам Наполеоновских войн в лагере проигравших, Дания вынуждена была отказаться от многих своих

владений (в том числе Норвегии) и сократить армию. Государство лишилось двух третей своей территории и трети населения. Надежд на быстрое продвижение по службе у молодого офицера не было.

Поначалу это не сказывалось на рвении и дисциплине Мольтке. Начальство весьма положительно отзывалось о юном офицере, и в 1820 году состоялся его перевод в егерскую роту полка, что считалось отличием. Он был на хорошем счету и у своих коллег, хотя производил порой впечатление замкнутого человека и чуждался шумных компаний. «Это был стройный молодой человек с густыми светлыми волосами и добродушными голубыми глазами. По натуре он был тихим, но приветливым, его лицо производило впечатление честного и открытого, хотя порой его серьезное выражение затуманивалось случайно налетевшим облачком грусти. Его железное прилежание и энергичная воля не страшились никакой задачи, и он уверенно выполнял любую. Товарищи его уважали; он прекрасно это знал, но ни разу не злоупотребил своим превосходством. Общительный в частной жизни, он был весьма сдержанным на службе. В работе его вдохновляли неутомимое рвение и неутомимая добросовестность», — вспоминал командир полка Герц фон Гольштейн-Бек.⁸ За короткое время Мольтке создал себе репутацию весьма исполнительного и интеллигентного офицера.

Однако Гельмут прекрасно понимал, что в датской армии у него не будет возможности проявить себя. Здоровое честолюбие толкало его в объятия вооруженных сил другого, более крупного государства. В то время подобные переходы считались вполне нормальными, во многих странах Европы высокие должности занимали иностранцы.

Выбор Мольтке пал на Пруссию. На это повлияли в первую очередь карьерные соображения и в какой-то степени стечение случайных обстоятельств. Уже 5 января 1822 года он получил отставку в датской армии. Прошение принять его на прусскую службу было направлено заблаговременно и к тому моменту уже рассмотрено. 7 декабря 1821 года просителю был направлен ответ. В соответствии с ним, молодому

лейтенанту предстояло не только принести с собой рекомендации, но и сдать специальный экзамен. Кроме того, весь его офицерский стаж в датской армии терялся.

Однако эти условия не смутили юношу. Строгий офицерский экзамен в феврале 1822 года был сдан блестяще, несмотря на то что для подготовки у Мольтке имелось всего две недели. Как отмечал впоследствии председатель Верховной военной экзаменационной комиссии — а им был знаменитый прусский военный деятель и реформатор Нейхардт фон Гнейзенау, — молодой лейтенант заслуживал особого внимания, поскольку продемонстрировал «необычно высокий образовательный уровень и поразительную зрелость ума».⁹ Кроме того, благодаря способностям Мольтке и связям его отца ему выдали в Дании блестящие рекомендации, в которых командир полка помимо прочего заверял, что расстанется со своим подчиненным лишь с сожалением и неохотой. 12 марта Мольтке был зачислен секонд-лейтенантом в 8-й пехотный полк, фузилерный батальон которого дислоцировался во Франкфурте-на-Одере. Судьба Гельмута прошла первый резкий поворот.

* * *

Прусская армия тех лет представляла собой довольно примечательную картину. В 1806 году, когда старое войско, словно карточный домик, было сметено Наполеоном, даже самым закоренелым консерваторам в стране стало ясно, что пришла пора реформ. Пруссии, от которой после Тильзитского мира остался жалкий обрубок, предстояло модернизироваться или умереть.

В течение нескольких лет было сделано больше, чем за все предыдущее столетие. Была полностью реорганизована в соответствии с требованиями времени система подготовки солдат и офицеров. Ежегодно проводились военные маневры, были отменены телесные наказания для солдат и введены офицерские экзамены, изменилась организационная структура. Началась реформа военного министерства, которое те-

перь должно было стать центральным органом для решения всех вопросов, связанных с армией. В 1813 году Пруссия снова вступила в войну против Франции, а в следующем году ввела всеобщую воинскую повинность, опередив в этом отношении остальные европейские державы.

Однако по окончании Наполеоновских войн волна реформ пошла на спад. Последовавшие годы получили в историографии название эпохи реакции, реформаторы — как военные, так и гражданские — стремительно сходили с политической сцены. Однако было ясно, что восстановить прежнюю армию уже не получится при всем желании. Войско, которое приняло в свои ряды юного Гельмута, несмотря на все усилия консерваторов, все еще сохраняло дух Освободительных войн 1813—1815 годов.

Одним из ярых противников реформ был генерал Фридрих Август Людвиг фон дер Марвиц, командовавший 5-й кавалерийской бригадой, дислоцированной во Франкфурте-на-Одере. Генерал приходился юному лейтенанту дальним родственником — он был женат на одной из многочисленных представительниц семейства Мольтке. Впрочем, эти родственные связи не принесли Гельмуту никаких поправок. Прусская армия вообще отличалась от вооруженных сил прочих государств заметно более низким уровнем кумовства и семейственности. Мольтке пришлось сразу же привыкать к прусской дисциплине — гораздо более строгой, чем датская. Так, при первом посещении своего родственника-генерала он попытался поставить шпагу в угол его кабинета, но был остановлен грозным окриком — клинок следовало оставить в передней. Этот инцидент, впрочем, ни в коей мере не омрачил их взаимоотношений — как вспоминал сам Гельмут, «в этом доме я нашел благожелательный прием»,¹⁰ а генерала он называл «самым вежливым человеком в мире».¹¹

Здесь, во Франкфурте-на-Одере, произошла встреча, которая запомнилась Мольтке на всю жизнь. В его батальон прибыл с инспекцией молодой генерал, успевший поучаствовать в Наполеоновских войнах, хотя был всего на три года старше Гельмута. Это был принц Вильгельм Гогенцоллерн, второй

сын прусского короля. Принцу тоже бросился в глаза худой офицер, на котором новая форма буквально висела. Узнав от сопровождающих, что этот юноша недавно перешел с датской службы, Вильгельм пренебрежительно заметил: «Не слишком блестящее приобретение».¹² Впоследствии, впрочем, он рассказывал совсем иную историю первой встречи со своим будущим паладином. Якобы именно он открыл стратегический талант Мольтке, осматривая планы крепостей, изготовленные офицерами. Конструкция Гельмута была столь удачной, что принц немедленно приказал местному военному руководству уделять юноше особенное внимание. Однако это, скорее всего, лишь красивая выдумка.

Для Мольтке потянулись месяцы обычной строевой службы. Обучение резервистов, состоявшее главным образом из непрерывной муштры, стало одной из первых его задач. Юный офицер чувствовал себя не слишком уютно среди почтенных отцов семейств, которых ему приходилось гонять по плацу. Доход его в то время был весьма невелик. Младшие офицеры в прусской армии отнюдь не купались в роскоши; если они — как Мольтке — почти не получали помощи от родителей, то с трудом могли прокормить себя. Некоторые суммы от матери Гельмуту все-таки приходилось принимать. Отец не пересылал ему ровным счетом ничего.

В то же время молодые офицеры располагали массой свободного времени, которое могли тратить на самообразование и интеллектуальное развитие. Именно так поступал Мольтке. Помимо военного искусства, он изучал английский язык и читал в оригинале романы Вальтера Скотта, который на долгие годы стал одним из его любимых писателей. Конечно, ему были не чужды и простые радости жизни. В теплое время года он вместе со своими товарищами частенько ходил купаться на Одер, а затем лакомился свежими вишнями. Нельзя сказать, что он стал душой компании, однако он все же довольно быстро обзавелся новыми приятелями. «Прилагает большое усердие к службе, энергичен и деятелен, — характеризовал его батальонный командир майор фон Цастров в 1823 году. — Его моральная направленность хороша».¹³

Тем временем у молодого офицера уже появилась новая цель. Его мечтой стала Всеобщая военная школа — учебное заведение, созданное для формирования интеллектуальной элиты прусской армии. Судя по всему, Мольтке прекрасно понимал, что ни по характеру, ни по складу ума он не подходит на роль лихого полевого «офицера-рубачи», кумира солдат и покорителя женских сердец. В мае 1823 года он направил свои письменные работы на рассмотрение высокой экзаменационной комиссии. Конкурс был не особенно велик — всего 68 человек на 50 мест, — но это не спасло Мольтке от серьезных волнений. «Еще неизвестно, попаду ли я осенью в военную школу», — писал он матери.¹⁴ Однако в конечном счете все оказалось даже лучше, чем он смел надеяться. Работы молодого офицера произвели весьма благоприятное впечатление, и в октябре Мольтке был принят. Это произошло даже с определенным нарушением правил, поскольку одним из требований к поступающим был трехлетний стаж службы в прусской армии.

Мольтке перебрался в Берлин. Суэта столичной жизни мало что изменила в этом молчаливом, прилежном юноше. Да и жалованье, остававшееся весьма скромным, не располагало к роскошной жизни. Впрочем, в одном удовольствии он все же не мог себе отказать, регулярно посещая театр. В остальном же «выходы в свет» ограничивались прогулками по вечерней столице.

Берлинский период оказал большое влияние на формирование личности Мольтке. Его верным спутником стало одиночество. В письмах матери он рассказывал о том, как угнетает его вынужденное отшельничество, в общении с остальными предпочитал шутить над собой: «...мне осталась почти исключительно моя собственная приятная компания, которая, между нами говоря, оставляет желать много лучшего».¹⁵ Правда, в Берлине жил его младший брат Людвиг, заканчивавший образование, однако их контакты были не столь уж частыми. Тем не менее в этот период он стал наиболее близким для Гельмута человеком.

Ни других родственников, ни друзей в Берлине у него практически не было. Тайный советник Карл Баллхорн,

женатый на тетке Гельмута, уже взял под свою опеку Людвига и не имел никакого желания заботиться еще об одном отпрыске своего нерадивого шурина. Сам Мольтке писал об их отношениях как о «холодном родстве».¹⁶ Дядя иногда ссужал юному лейтенанту небольшие суммы денег (никогда не забывая потом потребовать возвращения долга) и приглашал к себе на Рождество — скорее по обязанности, нежели от чистого сердца.

Мольтке становился все более замкнутым, сдержанным и независимым.

Ругаете меня, что слова не скажу,
Что мрачно я на мир вокруг себя гляжу,
Что не умею низко поклониться
Или над глупой шуткой веселиться,
По-вашему, смеяться надлежит,
Когда душа к серьезному лежит!
Вы правы! Так ругайте меня страстно
За то, что низкое не назову прекрасным,
Что не могу я думать, как толпа... —

Так писал он в стихах своему брату Людовику.¹⁷ В то же время Гельмут не был «железным человеком», каким его часто изображали впоследствии многие биографы. В письмах, отправленных матери, звучат порой нотки слабости, стремление отдохнуть от нагрузки, которую он взвалил на свои хрупкие плечи. «Конечно, ты права — тот внутренний покой, которым ты сейчас, благодарение Богу, можешь заслуженно наслаждаться — это единственное настоящее счастье, во имя которого стоит бороться, — писал он в августе 1825 года. — Как часто я с израненным сердцем стремился к этому, когда обманутые надежды, болезни и вражда подавляли во мне всякую волю к жизни». Но «в мои годы подобные мысли — это болезнь. Только после шторма покой становится счастьем, и лишь тогда он позволителен».¹⁸ Сражение ума и воли с телом и чувствами продолжалось. Однако всерьез Мольтке никогда не ставил под вопрос сделанный выбор. «Честно говоря, я ни за какие деньги не хотел бы вернуться в мое прежнее состояние, — писал он брату Людвигу

гу. — Я никогда не раскаивался, что выбрал свой нынешний путь».¹⁹

Некоторое время спустя у Мольтке появились друзья. В первую очередь, речь идет о графе Густаве Александре фон Вартенслебене и Франце фон Фробеле, которые вместе с ним проходили курс во Всеобщей военной школе. Несмотря на то что по своему характеру оба молодых человека представляли собой практически полную противоположность Гельмуту, они все же сумели достаточно успешно найти общий язык. Их отношения были обусловлены в основном совместной учебой и общими интересами. Когда молодые офицеры разъехались по своим гарнизонам, дружба постепенно иссякла, хотя на первых порах Мольтке часто задумывался о том, чтобы перевестись в полк к одному из них.

Молодого офицера продолжали преследовать финансовые проблемы. Квартирная плата в столице пробивала смертельную брешь в его бюджете. Содержание лошади тоже влетало в копеечку, и в одном из писем Мольтке сравнивал себя с античным Диомедом, сожранным своими конями. Тем не менее он старался инвестировать максимум возможного в свое интеллектуальное развитие — постоянно недоедая, все же брал уроки иностранного языка. Экономить приходилось на всем, и в первую очередь на себе. Мольтке практически полностью перешел на одноразовое питание. «В юности я настолько привык к голоду, что теперь не замечаю его», — бравировал он в своих письмах.²⁰ Такой образ жизни наносил удар по здоровью, которое и в детстве не было особенно крепким. В 25 лет ему пришлось отправиться на курорт Бад Зальцбрунн в Силезии. Мольтке мог позволить себе лишь несколько дней лечения — но, очевидно, положительный эффект был ощущим.

Мольтке старался всеми силами поправить свое материальное положение. Время от времени он давал частные уроки, а затем взялся за перо. В 1827 году в одном из берлинских журналов был опубликован его рассказ (который вполне можно назвать небольшой повестью) «Два друга». Сюжет его

достаточно прост и соответствовал канонам литературного романтизма той эпохи. Время действия — последние дни Семилетней войны. Два друга, прусские офицеры граф Густав Вартен и Эрнст фон Хольм, командуют небольшим отрядом, противостоящим превосходящим австрийским силам. Они оказываются в окрестностях замка, принадлежащего австрийскому роду Эйхенбах. Оба друга в разное время попадали сюда и были очарованы молодой графиней Идой Эйхенбах. Любовь к девушке они несут в своем сердце. В стремлении узнать, кто станет счастливым избранником, Эрнст устремляется в замок, при этом по пути неожиданно для самого себя оказывая услуги его хозяину. Рассказ заканчивается счастливо — пруссаки и австрийцы заключают мир, а друзья выясняют, что существуют две разные Иды, которые приходится друг другу кузинами.

Произведение написано прекрасным литературным языком, стиль Мольтке лаконичен, но в то же время выразителен. Для начинающего автора рассказ был очень неплох, но путь литературного творчества остался тупиковым. За следующие годы Гельмут написал лишь несколько небольших рассказов, рассчитанных в первую очередь на заработок, и не придавал им серьезного значения. Свои творения он называл «детьми настроения или, в большей степени, нужды в деньгах».²¹ Однако этот эпизод весьма интересен потому, что, подобно многим начинающим авторам, молодой офицер сделал свой рассказ глубоко автобиографичным.

Мольтке вольно или невольно придавал главному герою свои черты — вернее, черты того человека, которым он хотел бы быть. «Весьма стройный юноша, образец северянина. Светлые локоны окружали довольно бледное, но в высшей степени выразительное лицо, которое, ни в малейшей степени не претендуя на красоту, обладало исключительно серьезными и благородными чертами. Его поведение было элегантным, и военная форма была ему настолько к лицу, что могло показаться, что он вырос из шпаги, висевшей на его бедре»... «Он был подобен глубокому потоку, который неудержимо течет под ровной поверхностью и лишь там, где на дне высятся

скалы, пенясь, преодолевает их»... Во время обороны крепости от превосходящих сил австрийцев «все взгляды были направлены на Хольма, чьи хладнокровные, четкие и осторожные приказы выполнялись с точностью, покоившейся на убежденности в том, что судьба каждого зависит от их строгого исполнения».²²

Имели своих прототипов и другие герои рассказа. К примеру, юная Ида Эйхенбах, с которой главный герой соединил в конце концов свою судьбу. История реального Мольтке оказалась куда более печальной — между ним и молодой графиней Рейхенбах, которую он встретил на водах в 1825 году, вспыхнула если не любовь, то сильная взаимная симпатия. Молодой офицер задумывался даже о женитьбе — однако титул был единственным приданым девушки. От матримониальных планов пришлось отказаться.

Вообще говоря, история с графиней Рейхенбах — чуть ли не единственный достоверно известный нам случай из его молодости, когда Мольтке захлестнули чувства. Стержнем жизни Гельмута оставалась его военная карьера.

В момент, когда Мольтке поступил в Королевскую всеобщую военную школу, это учебное заведение было еще исключительно молодо и находилось на этапе становления. Основанное в 1810 году одновременно с Берлинским университетом, оно стало детищем эпохи реформ и соответствовало высоким современным стандартам. Здесь изучались не только военные дисциплины, воспитанники школы получали прекрасное общее образование. Им преподавали, в частности, математику, тактику, стратегию, стрелковое дело, военную географию, французский и немецкий языки, физику, химию и коневодство. Общеобразовательные предметы составляли примерно 60 % учебного плана школы, общая учебная нагрузка — около 30 часов в неделю. Учебный год продолжался с октября по июль, оставшиеся три месяца офицеры должны были проводить в своих частях. Помимо решения чисто образовательных задач, школа выступала еще и в роли своеобразного форума наиболее интеллектуально одаренных молодых офицеров прусской армии.

В 1818 году директором школы стал знаменитый сегодня Карл фон Клаузевиц. Впрочем, широко известен он стал лишь после смерти, когда увидел свет его труд «О войне». Пока же он мало выделялся из шеренги других прусских генералов и в Военной школе занимал чисто административную должность, не оказывая большого влияния на содержание образования. Молодой Мольтке, вопреки легенде, никогда не вступал в тесный контакт с человеком, имя которого впоследствии будут часто ставить рядом с его именем.

Обучение длилось три с половиной года, в течение которых Мольтке старался впитать в себя столько знаний, сколько мог. Одним из любимых предметов Гельмута была география, а проведение топографических съемок доставляло ему настоящее удовольствие. Хороших результатов он добился и в математике. Военная история тоже принадлежала к числу его любимых предметов; он, например, усвоил мысль своего учителя Каница о том, что опыт прошедших времен необходимо творчески обрабатывать, формируя на его основе собственные представления, и история войн необходима для подготовки офицера — впоследствии в трудах самого Мольтке мы найдем удивительно похожие высказывания. Гельмут смог впитать в себя многие взгляды, существовавшие тогда в прусской армии: к примеру, тезис о превосходстве обороны перед наступлением или убеждение, что в военном искусстве не существует твердо установленных и безотказно действующих «рецептов победы». В дальнейшем эти постулаты, соответствующим образом переработанные, станут частью его собственной концепции.

Молодой офицер, как и прежде, не стремился подчеркнуть свое превосходство, успех не кружил ему голову. «Он выглядел тогда так же, как и гораздо позднее, и в общем был примерно таким же, — вспоминал много лет спустя его одноклассник Ганс фон Глисчински. — Я никогда не встречал человека, который в течение всей своей жизни так мало изменился, как Мольтке. Вместе с ним я решал сложные математические задачи, часто получал от него хорошие советы. В остальном он никогда не показывал мне, как и осталь-

ным нашим товарищам, собственного превосходства».²³ Одноклассники в шутку называли его «компендиумом военной науки».²⁴

1 июля 1826 года Мольтке получил свой аттестат. В нем стояли исключительно блестящие отметки. По всем предметам — начиная с литературы и французского языка и заканчивая теорией и практикой топографических съемок — он продемонстрировал прекрасные знания. Казалось очевидным, что дорога юноши лежит в Генеральный штаб — «мозг армии», как назовут его впоследствии военные теоретики.

История развития прусского Генерального штаба носит достаточно запутанный характер. Даже по поводу того, когда он окончательно оформился в системе военных институтов, существуют различные точки зрения. Дело в том, что процесс происходил поэтапно, мелкими шагами. В середине XVIII века Фридрих II организовал генерал-квартирмейстерский штаб, который ведал расквартированием и передислокацией войск. У этого органа не было, однако, ни тактических, ни стратегических задач, и генеральным штабом в современном понимании он не являлся. Следующий шаг был сделан в 1803 году, когда генерал-квартирмейстерский штаб был реформирован и на него возложили задачу изучения потенциальных театров военных действий и планирования возможных кампаний по запросам военного руководства. Дальнейшее развитие происходило в контексте масштабных военных реформ. В 1808 году был создан специальный отдел военного министерства, занимавшийся штабной работой (в 1814 году он был преобразован в департамент). В ходе Освободительных войн 1813—1815 годов всем прусским командующим армиями и корпусами впервые были приданы штабные офицеры, которые принимали самое активное участие в подготовке и проведении операций и разделяли ответственность за их успехи и неудачи.

Система штабных органов окончательно оформилась к середине 1820-х годов. Официальное название «Большой генеральный штаб» появилось в 1817 году. В его структуру входили секции для трех театров военных действий, военно-

историческая секция, секция с тригонометрическим и топографическим бюро, склад топографических карт и литографий. Постоянный штат насчитывал 16 офицеров. В частях действовал так называемый Войсковой генеральный штаб — по три штабных офицера при каждом корпусе и по одному при каждой дивизии. В 1824 году Генеральный штаб был выведен за рамки структуры военного министерства, хотя и остался в его подчинении. Шефом Большого генерального штаба в тот момент являлся генерал-лейтенант Карл фон Мюффлинг.

«Один из тех офицеров, о которых всю свою жизнь вспоминаешь с глубоким уважением, если когда-либо посчастливилось тесно общаться с ними», — писал о Мюффлинге Мольтке.²⁵ Шеф Генерального штаба ориентировался, в первую очередь, на практическую работу, являясь специалистом в области топографии. К неоспоримым заслугам Мюффлинга следует отнести создание им особого корпуса штабных офицеров со своими собственными знаками различия. Система отбора в Генеральный штаб была весьма строгой. Подготовка офицера длилась, как правило, девять лет, из которых три он проводил в стенах Всеобщей военной школы и шесть — будучи прикомандированным к Генеральному штабу. Стоит упомянуть, что обычно Военную школу заканчивало не более половины поступивших, а в Генштаб попадало не более трети выпускников. Штабная работа чередовалась со службой в войсках, что позволяло сотрудникам не отрываться от практики.

Положение Большого генерального штаба в системе военных институтов было весьма неоднозначным. С одной стороны, на бумаге он обладал весьма значительным кругом обязанностей: в его компетенции находились военное планирование, сбор информации о потенциальном противнике и театрах военных действий, военно-исторические исследования, подготовка штабных кадров. В области штабной работы Пруссия находилась впереди всей Европы. С другой — его реальное влияние в рамках армейского механизма было довольно ограниченным. Стратегическое планирование осу-

ществлялось только по запросам военного министерства, где деятельности Генерального штаба часто не придавали большого значения. Многие представители генералитета относились к Генеральному штабу как к малопонятной и в принципе ненужной организации.

Дорога к заветной должности оказалась для Мольтке непростой. После окончания обучения он был отправлен обратно, во Франкфурт-на-Одере, в тот самый полк, где не был уже почти два года. Вскоре он приступил к работе в офицерской школе 5-й дивизии. Здесь он готовил кандидатов к офицерскому экзамену, преподавал различные дисциплины, в том числе топографию и черчение. «Разносторонне развитый молодой человек, которого можно смело рекомендовать в адъютантуру, генеральный штаб или внешнеполитическое ведомство» — так отзывался о нем его непосредственный начальник, майор фон Барфус, с которым у Мольтке сложились прекрасные отношения.²⁶

Мольтке, действительно, стремился не останавливаться в своем развитии. В 1828 году увидел свет написанный им «Краткий курс военно-топографических съемок». Весной того же года он стал сотрудником топографического бюро при Генеральном штабе. Это было несколько неожиданным и оттого еще более приятным известием — ранее на настойчивые просьбы молодого офицера следовал ответ, что его обязательно привлекут к работам, но не ранее лета 1829 года. Гельмут пока еще оставался вне основного штата, но важный шаг на пути к заветной должности был сделан.

В Генеральном штабе Мольтке сразу же включился в большую и ответственную работу — составление топографических карт Пруссии, — которой в числе прочих офицеров занимался с 1828 по 1831 год. «На меня обрушилась такая лавина дел, что я не представляю себе, как справиться с ними», — писал он матери.²⁷ Работа проводилась каждый год в летне-осенний период. Для Мольтке, направленного в восточные области страны (Нижняя Силезия и Позен), существовало еще одно немаловажное преимущество: молодой офицер квартировал у местных помещиков и питался за

их счет. «Ах, как прекрасно для бедного малого вроде меня, который постоянно окружен нехваткой денег, начальством, служебным долгом, дисциплиной и прочими несчастьями, словно выскакивающими из ящика Пандоры, попасть в ситуацию, где все мелкие неприятности, способные отменно отравить мне жизнь, исчезают, где все прекрасно, пышно и благородно, где удовольствие может стать целью, и даже работа — наслаждением»,²⁸ — писал он родным.

На зиму Мольтке возвращался в Берлин, где трудился непосредственно над созданием карт. Здесь рабочий график был не особенно напряженным — с 8.00 до 14.00, при этом у офицеров оставалось время на обсуждение газетных новостей и театральных премьер. Массу свободного времени Мольтке использовал для того, чтобы изучать творчество Гете и французскую литературу, совершенствовать свой английский и брать уроки экзотического русского языка. «Русский язык я считаю весьма значимым, — писал он матери. — Россия сегодня очень важна для Пруссии, а ее язык известен очень немногим, поэтому я изучаю его с большим энтузиазмом».²⁹ Учил он и итальянский, и шведский языки, активно посещал всевозможные лекции, совершенствовал свое мастерство танцора и навыки верховой езды.

Бросается в глаза, что в свободное от службы время Мольтке повышал, в первую очередь, свой общеобразовательный уровень, уделяя чисто военным дисциплинам гораздо меньше внимания. Впоследствии немецкий историк Г. Риттер с известным преувеличением написал, что «никогда ни один прусский офицер не был в меньшей степени ограничен профессиональными рамками».³⁰

Европейская политика также привлекала его внимание. Главным событием 1830 года стала революция во Франции. Династия Бурбонов была свергнута окончательно, и на трон сел «король-буржуа» Луи-Филипп Орлеанский. Революция гремела и к западу от Пруссии, в Бельгии, и к востоку от нее, в Царстве Польском. Над Европой нависла угроза новой большой войны, которую Мольтке ждал с нетерпением. «Мы, офицеры, хотим и надеемся на нее», — писал он своим зна-

комым в октябре 1830 года.³¹ В будущей кампании он увидел шанс разом достичь заветной цели. Мобилизация армии стала бы, по мнению Мольтке, его билетом в Генеральный штаб. Это не было пустыми мечтами — весной 1831 года молодого офицера официально запросили, согласен ли он в случае войны приобщиться к когорте штабных работников, и продлили его прикомандирование к топографическому бюро. Вскоре Мольтке уже смог принимать участие в работе 3-го отделения, занимавшегося западными театрами военных действий.

Однако речь шла не только о собственной карьере, Мольтке мыслил более масштабными категориями. Будучи по своим уже сложившимся политическим убеждениям консерватором, он не одобрял революции. Он весьма высоко оценивал возможности Пруссии: она — практически единственная страна, располагающая в Европе сильной боеспособной армией и настолько уверенная в сохранении внутреннего порядка, что может позволить себе наступательную войну. В то же время Гельмут пристально наблюдал за событиями в русской части Польши, где бушевало национальное восстание. В данном случае симпатии офицера, пусть и сдержанные, были на стороне повстанцев. Никаких теплых чувств к империи Романовых он не питал.

Надеждам Мольтке не суждено было сбыться — «мнение высших офицеров таково, что мы сохраним мир, несмотря на все вздохи секунд-лейтенантов».³² Разочарование было настолько глубоким, что он некоторое время играл с мыслью покинуть службу.

Молодой офицер взялся за перо. В 1831 году появилось первое произведение, которое он опубликовал под своим собственным именем. Речь на сей раз шла об историческом исследовании под длинным названием «Отношения Голландии и Бельгии со времени их разделения при Филиппе II до их воссоединения при Вильгельме I». По большому счету работа носила компилятивный характер, однако для нас она интересна тем, что здесь ярко проявилось политическое кредо Мольтке, которое он сохранил на всю жизнь. Он был монархистом и консерватором, но в то же время не закрывал глаза

на требования времени и не боялся признать необходимость реформ. Спокойствие и порядок в Европе обеспечиваются «сердечным согласием» монархов, прочно сидящих на своих тронах. Революции ужасны и бессмысленны, потому что создают тиранию чаще, чем свободу, «в такие времена даже наилучшая власть вспоминается с добрыми словами».³³ Однако они неизбежны, если правители пытаются замкнуться в прошлом и не видят потребностей сегодняшнего дня. Лишь своевременные преобразования могут предотвратить политические катаклизмы. «Прогресс — это необходимая потребность для человечества, чтобы оно не вырождалось, и потому сегодняшние институты создаются не на веки вечные. Подобно обновляющей самое себя природе, им необходимо модернизироваться с каждым новым поколением, но эта регенерация должна исходить сверху, а не снизу. Правительство должно проводить революцию на пути закона, не дожидаясь, пока это сделает масса, игрушка в руках партий, слепое, но острое оружие в руках страстей».³⁴ Современная Пруссия являлась для Мольтке политическим идеалом.

Актуальным событиям была посвящена и его следующая работа — «Очерки внутренних условий и общественного состояния в Польше». Произведения Мольтке не получили широкого общественного резонанса, однако у тех, кто все же прочел эти книги, они удостоились высокой оценки. Так, цензор, изучавший произведение о Польше, сказал своему приятелю, что не ожидал увидеть в качестве автора молодого офицера; когда он знакомился с текстом, ему представлялся зрелый человек в возрасте около 50 лет. Любопытно, что уже в это время Мольтке начинает как бы «терять» свой возраст, ломая все связанные с данным понятием стереотипы. Лаколичность и беспристрастность, стремление установить точную взаимосвязь причин и следствий, докопаться до сути происходящего — черты, ставшие характерными для научных работ Мольтке.

Финансовая сторона дела обстояла далеко не так благополучно. «Все страдания юного писателя, который работает с издателем, не миновали меня», — жаловался он в письме

матери.³⁵ Карьера молодого офицера тем временем складывалась успешно. 30 марта 1832 года он был прикомандирован к Генеральному штабу, а ровно год спустя вошел в его постоянный штат в звании премьер-лейтенанта. Оба события, помимо всего прочего, повлекли за собой серьезное повышение жалованья. Мольтке теперь смог тратить больше на свое питание и здоровье. Результаты не замедлили сказаться. Уже в 1834 году он писал, что болезнь отступила и он чувствует себя совершенно здоровым человеком. Это ставит перед нами законный вопрос о том, не имели ли его недуги в первую очередь психосоматическую природу.

Через некоторое время он смог полностью отказаться от материнских дотаций, а также побочных приработков. При первой возможности Мольтке постарался хотя бы частично вернуть матери долг. В это же время он начал регулярно помогать своим родственникам. В 1833 году младший брат Адольф, готовившийся сделать карьеру юриста, несколько недель провел у него в Берлине. Из всех братьев и сестер именно с Адольфом у Гельмута в дальнейшем сложились наиболее тесные отношения.

Теперь Мольтке часто обедал в кафе, был постоянным клиентом у парикмахера и нередко гостем на светских балах. Утро молодого офицера начиналось с работы в стенах Генерального штаба. Затем — прогулка верхом, обед и «изучение национальной экономики, хотя моя собственная доставляет мне достаточно много забот».³⁶ В восемь часов вечера — бал у какого-нибудь принца или министра. Вопреки сложившимся мифам, Гельмут отнюдь не чуждался общества. Служившие в Берлине офицеры являлись непременно участниками многих придворных церемоний. «Почти не желая того, я вовлечен в водоворот высшего общества, из которого не так-то легко вырваться», — писал сам Мольтке.³⁷ На самом деле, этот водоворот не был ему неприятен — одиночество страшило больше: «Я не могу этого вынести — каждый вечер оставаться дома в одиночку».³⁸

Шефом Генерального штаба стал осенью 1829 года генерал-лейтенант Иоганн Вильгельм фон Краузенэек. Именно

он разглядел талант Мольтке и оказал в дальнейшем весьма серьезное положительное влияние на его судьбу. Первоначально Гельмут был направлен во второе, «срединное» отделение и занимался военно-топографическим описанием Тюрингии. Этой области была посвящена в текущем году и учебная поездка офицеров Генерального штаба. На осенних маневрах, в которых Мольтке принимал деятельное участие, он упал с лошади и получил серьезную травму. После выздоровления в 1833 году он был переведен в первое, «восточное» отделение. Здесь молодой офицер занялся изучением русской армии, кроме того, его весьма широко привлекали к работам, посвященным Скандинавии. В 1834 году он был направлен в трехмесячную командировку в Копенгаген, во время которой успел увидеться и с родственниками, и с давними знакомыми. Из Дании Мольтке направил в Генеральный штаб два отчета, посвященных техническим характеристикам датского огнестрельного оружия, которое он считал превосходящим прусское. По возвращении он составил подробный отчет о датской армии, рассматривая ее не только с чисто военной стороны, но и в политическом и социальном контексте. Одновременно Мольтке считался в отделении главным экспертом по вопросам военно-морского флота, принимал участие в подготовке маневров, посвященных десантированию на морское побережье.

Именно в этот период Мольтке открыл в себе страсть к путешествиям. К счастью, на долю офицера Генерального штаба выпадало много возможностей выехать в различные уголки и даже за пределы родной страны. Саксония и Лаузиц, Тюрингия и Силезия — в совершенно разных частях раздробленной Германии побывал он в начале 1830-х годов. При этом он умел сочетать собственное удовольствие со служебными интересами, так что руководители неизменно оставались довольны итогами его поездок. В 1833 году, формально находясь в отпуске, Мольтке объездил всю Ломбардо-Венецианскую область, присутствовал на австрийских маневрах, осматривал оборонительные сооружения знаменитого «четырёхугольника крепостей». Он должен был проана-

лизировать состояние австрийских войск, в том числе прояснить различные технические вопросы, связанные с их вооружением.

Помимо изучения актуальных проблем, Мольтке, как и другие его коллеги вне зависимости от их принадлежности к тому или иному отделению, широко привлекался к военно-историческим исследованиям. В 1835 году он несколько недель прослужил командиром роты в гвардейском гренадерском полку. С тех пор и до конца жизни ему уже ни разу не пришлось быть строевым офицером.

Результаты его деятельности приходились по вкусу руководству. Первая характеристика нового сотрудника, данная ему в стенах Генерального штаба, звучала: «Весьма образован, особенно в вопросах, связанных с его профессией. Деятелен, прекрасно подходит для службы в Генеральном штабе».³⁹ С каждым годом она становилась все более лестной. Даже сам король Фридрих Вильгельм III, интересовавшийся военными вопросами, выделил молодого офицера из числа его сослуживцев, отметив его в специальном приказе. Шеф Генерального штаба Краузенекк отзывался о своем подчиненном: «В течение прошедших лет у него была возможность блестяще доказать свою полезность <...>. Он особенно хорошо приспособлен для выполнения заданий, требующих воображения, кругозора и умения легко распознать мельчайшие нюансы».⁴⁰ Продвижение по службе происходило в весьма быстром для тех лет темпе — 30 марта 1835 года ему было присвоено звание капитана. Его руководители подумывали даже о том, чтобы отправить его в качестве военного атташе в Париж. Но судьба Мольтке готовилась сделать новый крутой поворот...

ГЛАВА 2

ВОСТОЧНАЯ МИССИЯ

Улучшение материального положения Мольтке в первой половине 1830-х годов позволило ему реализовать свою страсть к путешествиям. В голове молодого офицера созрел план масштабной и длительной поездки, целью которой стала экзотическая для тогдашних европейцев Османская империя. Для большинства немцев того времени Турция была таинственной и сказочной страной, царством «Тысячи и одной ночи». На улицах Стамбула было трудно услышать европейскую речь, а на окраинах империи было немало уголков, куда вообще не ступала нога европейца.

Мольтке планировал добраться до турецкой столицы через Балканы, а вернуться морем через Италию, которая продолжала манить молодого офицера своей красотой. Очевидно, начальство сочло подобный маршрут весьма полезным и для служебных интересов — 23 сентября 1835 года Мольтке получил шестимесячный отпуск с сохранением половинного жалованья.

Османская империя в начале XIX в. переживала один из самых непростых периодов своей истории. Страна, некогда державшая в страхе европейские дворы, стремительно слабела, превращаясь в «больного человека Европы». Османская империя стремительно превращалась в поле соперничества великих держав. Англия и Россия, Австрия и Франция боролись за влияние на нее. «Восточный вопрос» становился одной из самых больных тем европейской дипломатии.

В Стамбуле понимали, что средневековые безвозвратно ушло в прошлое и необходима модернизация. В первую очередь нужно было реформировать армию, однако процесс этот оказался сложным. Не хватало многого, в том числе подготовленных офицерских кадров. Османское правительство приглашало многочисленных иностранных инструкторов из Австрии, Франции и Пьемонта, однако результаты их деятельности скорее разочаровывали. Турки так и не смогли подавить восстание в Греции, плачевными были для них и итоги русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Одновременно до предела обострился египетский вопрос. Египет, формально входивший в состав империи, стал под руководством честолюбивого Мухаммеда Али практически независимым государством. Здесь в начале века были проведены реформы, оказавшиеся достаточно успешными. Целью Мухаммеда Али была Сирия, богатая ресурсами и важная с геополитической точки зрения. Первый конфликт между султаном Махмудом II и его непокорным подданным развернулся в 1831—1833 годах и закончился только благодаря вмешательству России. По условиям мирного договора, Мухаммед Али получил в ленное владение территорию Сирии. Естественно, подобный исход не смог удовлетворить ни одну из сторон — ни султана, лишившегося одной из богатейших провинций, ни Мухаммеда Али, стремившегося сделать свою власть наследственной и еще более независимой от Порты. На горизонте маячила новая война.

7 октября 1835 года Гельмут вместе со своим приятелем бароном фон Бергом выехал из Бреслау и уже 10-го оказался в Вене. Столица империи Габсбургов произвела на Мольтке приятное впечатление. В Будапеште, который показался путешественникам своеобразным «концом света», границей между двумя мирами, Мольтке и Берг сели на пароход и отплыли вниз по Дунаю. Затем от Орсовы началась сухопутная дорога на Бухарест — столицу княжества Валахии, зависимо-го и от турок, и от русских. Здесь путешественники оказались 6 ноября. «Азия и Европа соприкасаются в этом городе», — писал Мольтке.¹ Бухарест казался городом контрастов,

где дворцы соседствовали с хижинами и европейская пышность — с азиатской нищетой.

Постоянный дождь сильно ухудшал общее впечатление от страны и ее жителей. Впрочем, удивительное природное богатство земель не смогла скрыть от наблюдательного пруссака даже пелена ливня. В одном из своих писем домой он выдвигал программу распространения германского влияния в Восточной Европе: «Как много наших земляков эмигрируют, чтобы в других частях света достичь лучшей доли, и сколь немногие пытаются черпать из источников этой богатой страны, где окупилась бы любая работа, если бы имелись гарантии личной и имущественной неприкосновенности».² Идея расширения германского пространства на восток будет сохранять для него свою актуальность и в дальнейшем.

Тем временем наступил ноябрь, и на Балканах выпал первый снег. Повозку пришлось сменить на сани. «Мы продолжили наше путешествие на сани, если это лестное название можно применить к транспортному средству, которое не представляет собой ничего большего, чем запряженную четырьмя лошадьми волокушу, настолько узкую и короткую, что ноги свешивались по краям и во время быстрой езды можно было удержаться на месте только благодаря исключительным усилиям. Мы еще не достигли первой почтовой станции, а наш почтальон уже единожды упал с повозки, а я проделал это целых два раза. Возница миниатюрных саней, казалось, совершенно не беспокоился по этому поводу; он несся дальше на своих маленьких лошадях, и необходимо было приложить огромные усилия, чтобы криками привлечь его внимание к тому, что он потерял значительную часть своего груза».³

Именно так Мольтке и Берг добрались до Рушука, первого населенного пункта на собственно османской территории. Городок очень понравился путникам. Они впервые увидели настоящий, неподдельный Восток. А далее — скачка верхом, в татарском седле, по полузаброшенным трактам. В Шумле пруссаки посетили турецкую баню, которая произвела на них неизгладимое впечатление и — что гораздо более важно — позволила впервые за много дней по-настоящему со-

греться. Затем товарищи продолжили свой путь по практически дикой местности, в которой не замедлили заблудиться. Неизвестно, чем бы закончилась эта история, если бы им навстречу случайно не попался пастушок-болгарин. Правда, он ни в какую не желал понимать, что именно от него требуется, и поэтому проводникам Мольтке пришлось привязать мальчика к седлу и насильно заставить его показывать дорогу. Как только караван выбрался на верный путь, мальчик было немедленно отпущен и вознагражден деньгами. «Это было противоречивое чувство — наблюдать несправедливость, но мы не могли ни договориться, ни обойтись без помощи мальчика», — писал Мольтке.⁴ Цель оправдывает средство — правило, которому он следовал и в дальнейшем.

23 ноября, на десятый день после выезда из Рушука, пруссаки увидели вдалеке Стамбул. Город произвел на Мольтке глубокое впечатление. Пестрые дома, бесчисленные купола мечетей, огромный султанский дворец — «город в городе» — все это удивляло и поражало путешественника. В Стамбуле Мольтке планировал сделать достаточно продолжительную — трехнедельную — остановку, чтобы поближе познакомиться с обычаями экзотического Востока. Целыми днями он прогуливался по городу и катался на лодке по водной глади Босфора. Практически все — начиная с мелочей — было ново и необычно для него. Он наблюдал за молитвами правоверных, за уличным писцом, за посетителями кофейного домика, которые добрую половину суток проводили в одной и той же позе, неспешно покуривая трубку.

Наблюдательный Мольтке видел не только то, что лежало на поверхности. В глаза ему бросались симптомы тяжелого кризиса, стоявшего у порога исламской империи. Внешне «мощное политическое образование», османское государство предстало перед прусским гостем «картиной распада, которая предвещает скорый конец»,⁵ конгломератом независимых территорий, связанных лишь общей верой. Именно эту веру — ислам — Мольтке считал основной причиной сначала быстрого возвышения, а потом постепенного упадка Османской империи. Именно на почве религии, по его мнению,

консервировались старые порядки и обычаи, отвергалось все новое и прогрессивное.

Нужно отметить, что прусский капитан стремился оценить окружающую его действительность Османской державы максимально объективно, насколько это было возможно. В тогдашней Европе отношение к исламскому Востоку было снисходительно-враждебным, что не могло не оказать своего влияния на заранее сформировавшиеся представления Мольтке. В дальнейшем он был вынужден частично пересмотреть их.

Прусский гость не остался незамеченным. Изначально инициатива представить Мольтке османским правителям исходила от прусского посланника в Стамбуле — графа Кенигсмарка, который таким образом хотел проинформировать их о европейских новостях. Однако вскоре личность офицера заинтересовала правящую верхушку. Он был удостоен аудиенции у султана Махмуда II в новом дворце на берегу Босфора, построенном в европейском стиле в качестве символа разрыва со старой традицией. Мольтке запомнилось «впечатление благожелательности и добродушия, которое производили все слова государя».⁶

Султан отчаянно нуждался в военных специалистах. Интерес именно к прусской армии созрел в правящих кругах задолго до приезда Мольтке. Практически все великие державы Европы активно вели свою политику в регионе, и посылка инструкторов со стороны одной из этих стран ставила бы Турцию в нежелательную зависимость, да к тому же вызвала бы протесты других игроков. Лишь Пруссия, не имевшая никаких интересов на Востоке, могла стать «честным партнером» — справедливо рассуждали при дворе султана. Приезд офицера прусского генштаба рассматривался в Стамбуле почти как подарок судьбы.

Его покровителем стал Хозрев-паша, занимавший пост сераскира (главнокомандующего) и военного министра, — второй после султана человек в государстве. «Почти 80-летний старик, который сохранил живость, подвижность и чувствительность юноши», — так описывал его Мольтке.⁷ Искусный интриган, властолюбивый и накопивший огромное богатство,

Хозрев уже в течение 35 лет занимал высшие государственные посты в империи и являлся сторонником реформ — не по убеждению, а поскольку видел в этом выгоду для себя. 15 декабря состоялась его первая встреча с прусским гостем. Впоследствии паша неоднократно приглашал Мольтку к себе, расспрашивал его о прусской военной системе, позволявшей содержать боеспособную армию с минимальными расходами (что было весьма актуально для Османской империи), выслушивал обстоятельные ответы и хвалил чужеземные порядки. Визиты капитана происходили не менее двух раз в неделю, и каждый раз ему выделялся весьма внушительный кортеж. Сераскир все более утверждался в мысли задержать молодого офицера на продолжительный срок.

В итоге, когда 22 декабря Мольтке и Берг собирались отправляться в Смирну, Гельмута настигла просьба Хозрева, больше походившая на приказ: остаться в качестве военного советника. Перед Мольтке встал непростой выбор. Он мог продолжить свое путешествие и вернуться домой, к привычной работе в стенах Генерального штаба. А мог остаться в чуждой стране с незнакомой культурой, среди множества опасностей, зато открыть перед собой новые горизонты.

Мольтке не стал долго колебаться. Решающую роль сыграли — наверное, в последний раз в его жизни — финансовые соображения. Брешь, пробитая в бюджете продолжительным путешествием, могла заполниться в мгновение ока, прими он предложение сераскира. В итоге Берг отправился дальше в одиночестве. Правда, Мольтке не подозревал, насколько длительным окажется его пребывание в Турции, и, естественно, не хотел быть отчисленным из рядов Генерального штаба. Начались долгие и трудные переговоры — осторожный Фридрих Вильгельм III долго не хотел назначать Мольтку официальным инструктором, опасаясь негативной реакции великих держав. Однако ни Вена, ни Петербург не имели ничего против. В итоге отпуск Мольтке был продлен с сохранением полного жалования, а 8 июля 1836 года он официально получил статус командированного в Турцию в качестве военного инструктора.

Прусский капитан с рвением взялся за дело. Первой задачей, вставшей перед свежеиспеченным инструктором, стала выработка рекомендаций по созданию турецкого аналога прусского ландвера — обученного резерва, который с началом войны мог бы быть мгновенно призван под знамена. Мольтке прекрасно понимал, что на этом пути придется приложить массу усилий, в первую очередь из-за необходимости учитывать местные особенности. «Нынешняя турецкая армия — это новая постройка на старом, полностью расшатанном фундаменте», — писал Мольтке родным.⁸ Некоторые исследователи считают поставленную перед ним задачу в принципе неразрешимой. В любом случае, он отчасти справился с ней — «турецкий ландвер» был создан, хотя в последовавшей вскоре войне проявил себя не лучшим образом. Мольтке занимался составлением плана разбивки страны на военные округа, дислокации частей, ежегодных учений. Он не строил себе иллюзий, понимая все несовершенство создаваемого при его участии механизма. Для формирования боеспособной армии необходимо было, по его мнению, перестраивать всю государственную и общественную систему.

На случай возможной войны Мольтке рекомендовал оборонительную стратегию с использованием крепостей в качестве основных узлов обороны. Поэтому он вплотную занялся укрепленными районами в окрестностях столицы (на Проливах) и на Балканах. Здесь Мольтке удалось достичь значительных успехов — прогресс османской фортификации был налицо. Именно такого рода работу, посвященную частным улучшениям, он считал в сложившихся условиях наиболее эффективной.

Не забывал Мольтке, конечно же, и об исторических памятниках, уцелевших в тех местах. Развалины древней Никеи, знаменитой своим церковным собором, место, где, как предполагалось в то время, находится воспетая Гомером Троя... Именно им посвящена львиная доля его писем домой. Мольтке постепенно узнавал обычаи восточных народов. В письмах родным он опровергал многие стереотипы, существовавшие в Европе относительно Османской империи. О своей непосредственной работе он рассказывал довольно скупно.

Летом 1836 года Мольтке осматривал крепости Варна и Шумла и составлял рекомендации по их дальнейшему развитию. После этого он проводил топографическую съемку Стамбула и его окрестностей, включая берега Босфора. По их завершении султан в начале 1837 года пригласил его на аудиенцию, где показал детальную осведомленность о работе чужестранца и с благодарностью говорил о помощи, которую Пруссия оказывает его стране посылкой военных инструкторов. В конце своей речи правитель не забыл выразить надежду на то, что Мольтке продолжит свою работу. 22 января 1837 года ему был пожалован турецкий орден.

В 1837 году Мольтке сопровождал султана в поездке по Балканам. Прусскому офицеру предстояло инспектировать балканские крепости и по возможности представить свои соображения по их модернизации. «Поскольку я являюсь абсолютной аномалией среди свиты султана, было весьма нелегко найти в ней подходящее для меня место; в таком странном положении ты вообще значишь то слишком много, то слишком мало; поскольку повелитель постоянно приказывает позвать меня, я должен находиться поблизости от него», — писал Мольтке родным.⁹

Тем временем турецкое правительство, вдохновленное успешным началом, решило продолжить сотрудничество с Пруссией. Порта просила прислать 11 прусских офицеров и 4 унтер-офицеров сроком на три года. В ходе сложных переговоров с участием представителей ряда держав эта группа сократилась до трех офицеров Генерального штаба и одного представителя инженерных войск. Изначально Мольтке предполагал, что с прибытием прусской миссии он будет немедленно отправлен на родину, однако судьба распорядилась иначе. 28 августа 1837 года в турецкую столицу прибыли капитаны Карл фон Винке, Фридрих Леопольд Фишер и Генрих фон Мюльбах. В дальнейшем за ними последовали еще несколько офицеров и унтер-офицеров.

«Я неописуемо счастлив ввиду скорого прибытия офицеров, которых султан запросил у короля», — писал Гельмут родным.¹⁰ Руководство всей прусской военной мисси-

ей было возложено на Винке. Мольтке остался в ее составе; он занимался проектом военной школы, а также участвовал в обсуждении противочумных мероприятий. Он к тому моменту был уже довольно скептически настроен относительно перспектив сотрудничества двух стран. Мольтке видел, что правительство султана старается обойтись малыми шагами и не желает идти на масштабные преобразования. Ни орден Нишан с бриллиантами, ни почетное имя Барон Бей, данное турками, не могли заставить прусского капитана закрыть глаза на главное: практически все его усилия пропадали даром. Обширные памятные записки и проекты преобразований, выходявшие из-под его пера, после долгих и громких похвал отправлялись в небытие архивов. Основная масса турецких военных относилась к чужеземцам холодно, враждебно и даже презрительно — понимание они находили только у высшего руководства.

Тем не менее, определенных успехов достичь все же удалось. Было налажено снабжение, освоены правила выполнения маршей и устройства лагерей, впервые прошли большие маневры. Но все эти изменения на проверку оказались поверхностными — «войско напоминало клинок, выкованный по всем правилам искусства, но не из стали, а из свинца, и потому плавившийся при попытке закалить его в огне опыта», — писал Мольтке впоследствии.¹¹ Вскоре этому клинку предстояла проверка на прочность, а самому Гельмуту — участие в первой в его жизни настоящей военной кампании.

* * *

Курдская проблема, одна из наиболее болезненных в политике современной Турции, была не менее острой и два столетия назад. В 1838 году Порты решила направить воинские части в восточные районы страны, где местное население было покорено лишь номинально. Султан и его советники не хотели на пороге столкновения с египтянами оставлять в тылу непотушенный очаг мятежа.

Мольтке и Мюльбах, каждому из которых султан вручил по дамасскому клинку, были отправлены в армию Хафиза-паши, концентрировавшуюся на Верхнем Евфрате («Таур-русская армия»). Паша считался одним из самых просвещенных и ученых людей в турецкой армии. По крайней мере, он был грамотным и не смотрел на чужестранцев с презрением. Мольтке стал у него кем-то вроде начальника штаба — высшая должность, о которой европейский офицер вообще мог мечтать в османской армии.

Прусскому капитану предстояло, в первую очередь, исследовать пути для передислокации армии Хафиза-паши в пограничную с владениями египтян область Сирии. 23 марта 1838 года началось полное опасностей и приключений путешествие. Осмотрев верхний Евфрат, он пересек горы Тауруса и, спустившись вниз по течению великой реки, углубился в пустыню. Ему пришлось побывать в таких местах, куда со времен античности не ступала нога европейца. «В наблюдении прорыва Евфрата через курдские горы моим ближайшим предшественником, видимо, являлся Ксенофонт», — писал Мольтке.¹² Помимо военных задач, он не забывал о научных, и его наблюдения существенно обогатили познания европейских географов. У одного турецкого солдата он купил найденную в пещере сирийскую рукопись несторианского Нового завета, которую затем привез в Берлин.

Весьма опасным предприятием стало прикладное исследование судоходности Тигра в его верхнем течении. 15 апреля Мольтке, Мюльбах и несколько турок отправились на плоту из бревен и надутых овечьих шкур по опасной реке. Путешествие начиналось в весьма комфортабельной обстановке — обеспеченные едой, вином и чаем, расположившись на мягких подстилках, путешественники неслись по реке со скоростью экспресс-почты, не прикладывая к этому практически никаких усилий. Идиллию прервал жуткий дождь, моментально вымочивший всех до нитки и смывший часть багажа за борт. К счастью, скоро поблизости показался остров, на который путники высадились, чтобы просушить свою одежду. В это время плот чуть не унесло течением. В конеч-

ном счете, на следующий день путники достигли Мосула. Главный вывод был сделан — Тигр в его верхнем течении может использоваться в качестве транспортной артерии для переброски войск.

Затем Мольтке вернулся на север — как раз вовремя для того, чтобы принять участие в экспедиции против курдов. Прусский капитан присоединился к отряду, отправившемуся 3 мая к практически неприступному замку одного из курдских князей, Саид-Бея. Крепость находилась на высокой скале, и туркам под руководством прусского капитана пришлось приложить немало усилий, чтобы доставить орудия на соседнюю господствующую высоту. После начала обстрела и работ по подведению мины под стены крепости обороняющиеся предпочли капитулировать. Одним из факторов, повлиявших на решение осажденных, явилось присутствие европейца, которого они считали кем-то вроде колдуна. Справедливости ради следует сказать, что и Мольтке многому научился у турецких офицеров, командовавших осаждающими войсками.

Прусский офицер регулярно проводил рекогносцировки в авангарде наступающей армии Хафиза, неоднократно бывал под пулями. Штурм горной деревни, проведенный по плану Мольтке, тоже добавил ему авторитета в глазах турок. Пруссак, попавший в необычный климат, подхватил лихорадку и не мог передвигаться на своих двоих — но мужественно руководил битвой верхом на ослике. После боя ему пришлось стать свидетелем ужасных сцен — турки расправлялись с местным населением с невероятной жестокостью. Однако Мольтке считал, что это вполне оправданно, потому что заставит остальных курдов отказаться от сопротивления и сэкономит множество жизней с обеих сторон. «Как можно вести войну против народа в горах, не прибегая к жестокости?» — задавал он риторический вопрос.¹³

Предельно рациональное, реалистичное, даже циничное отношение к ужасам войны будет характерно для него и впоследствии. Война не представляет собой ничего хорошего, но, раз уж она была неизбежна и началась, следует понимать, что невозможно сделать яичницу, не разбив яиц, — считал Мольт-

ке. Более того, жестокость, способствующая скорейшему окончанию войны, позволяет избежать гораздо больших ужасов.

В результате курдского похода Мольтке стал счастливым обладателем двух вещей: боевого опыта и определенного признания со стороны турецких командиров. Теперь на очереди была кампания против египтян, в неизбежности которой не сомневался никто.

В 1838 году турецкая и египетская армии начали сосредоточение по обе стороны сирийской границы. Немецкие офицеры, приданные турецким частям, не имели четких полномочий и должны были выступать в роли советников. В конце лета Хафиз-паша, командовавший главной турецкой группировкой, начал концентрировать свои войска в Малатии. Жара, эпидемические заболевания, дезертирство подрывали силы его армии. Мольтке, находившийся при Хафизе вместе с Мюльбахом и Лауэ, страдал не столько от жары, сколько «от безделья, в котором все мы тут пребываем».¹⁴ Он страстно скучал по родине. Здесь, на берегах Евфрата, он с трепетом разворачивал страницы «Аугсбургской всеобщей газеты» почти месячной давности, проделавшей путь через полувину Европы и всю Малую Азию. В своих письмах Мольтке проходил по поводу германских либералов, критиковавших абсолютизм немецких монархов: «Если бы можно было каким-нибудь волшебством перемещать всех недовольных и фрондеров время от времени на пару недель в Малатию, как бы страстно возжелали они вернуться к тем институтам, на которые обрушиваются со всей остротой и горечью своей критики сейчас».¹⁵ Сам Гельмут к этому времени перенял ряд элементов турецкого образа жизни, с удовольствием посещал турецкую баню и кофейные дома, носил местную одежду, начал свободно изъясняться на турецком языке.

В конце 1838 года султан принял окончательное решение — воевать. Благодаря чрезвычайным усилиям всей монархии армию удалось обеспечить всем необходимым и даже создать некоторые запасы. Прусские офицеры одновременно работали над повышением ее боеспособности. Они не стремились достичь идеала, максимально упрощали вводимые

мероприятия, делая упор на быстроту и эффективность. Тем не менее среди них часто возникали разногласия; испортились отношения между Мольтке и Мюльбахом, который чувствовал себя обойденным и слал жалобы Кенигсмарку.

С началом нового года Хафиз-паша стал готовить переброску войск из Малатии в Биреджик, укрепленный лагерь в излучине Евфрата. Место было выбрано при непосредственном участии Мольтке, который неоднократно бывал здесь. Он считал, что корпус Хафиза должен занять фланговую позицию, которую египтяне вынуждены будут атаковать. Популярная в то время идея сильных фланговых позиций будет и в дальнейшем постоянно присутствовать в планах Мольтке. Парадоксально, но ни один из последних так и не воплотился в реальность.

Позиция у Биреджика на первый взгляд была ниже всякой критики. Евфрат с трех сторон окружал укрепленный лагерь, лишая османских солдат пути к отступлению. Мольтке, прекрасно знавший специфику восточной армии, смотрел на это другими глазами. Войско Хафиза в значительной степени состояло из насильно согнанных под знамена курдов, только и ждавших благоприятного момента для того, чтобы разбежаться. Прижатые к реке, они вынуждены будут сражаться как львы. Все, что оставалось теперь делать, — сосредоточить армию и ждать неизбежной атаки египтян.

Турецкие советники Хафиза, которых Мольтке впоследствии называл «муллами и предсказателями», настаивали на скорейшем наступлении. Прусский капитан возражал. «Муллы могут сказать тебе, справедлива ли война — но умно ли она ведется, ты можешь решать только самостоятельно <...>. Вся честь и вся ответственность падают на тебя, и ты не должен ни от кого ждать совета», — убеждал Мольтке Хафиза.¹⁶ Тем не менее в первых числах июня турецкая армия выдвинулась к Низибу, местечку в трех часах марша от Биреджика на пути к сирийской границе, и разбила там свой лагерь.

Соотношение сил накануне решающей схватки не позволяло заранее назвать победителя. У египтян было некоторое численное превосходство, а также более качественная артил-

лерия, но своих проблем тоже хватало. В отличие от Хафиза, раздававшего деньги пригоршнями, египетский военачальник не платил своим войскам уже полтора года; в итоге ежедневно к туркам переходило до полусотни его солдат. Всем им немедленно выплачивалось задержанное египтянами жалование — правда, султанский фирман, широко объявлявший об этой мере, увидел свет слишком поздно. Большинство египетских солдат были слабо обучены, население Сирии в тылу ждало только сигнала для того, чтобы восстать.

По мнению Мольтке, положение Ибрагима становилось хуже с каждым днем, в то время как Хафиз мог спокойно дожидаться уже шедших к нему подкреплений. В такой ситуации Гельмут рекомендовал терпеливое выжидание, но к нему не прислушались. Он страдал от дизентерии, но еще больше — от того, что «многое случалось вопреки моим убеждениям и советам, что привело нас потом к печальной катастрофе».¹⁷ В конечном счете перед ним встал выбор: либо сложить с себя всякую ответственность, либо участвовать в мероприятиях, против которых он сам деятельно выступал, в надежде исправить хоть что-нибудь. Мольтке выбрал второй путь.

Искрой, которая воспламенила порох, оказалось восстание в Айнтабе — небольшой приграничной египетской крепости. Ее гарнизон в полном составе перешел на сторону турок в обмен на выплату задержанного жалования и попросил помощи Хафиза. Османский военачальник не смог отказать повстанцам. Война началась. Армия Ибрагима, отеснив турецкие передовые части, подошла к Низибу. Турки ждали немедленного удара, но египтяне остановили свое продвижение, ограничившись на следующий день разведкой боем. Как выяснилось впоследствии, французские офицеры, занимавшие должности военных советников Ибрагима, сочли позицию турок слишком сильной.

Отчасти это было справедливо — фланги турок были защищены местностью, войска могли выстроиться широким фронтом. Позиция была выбрана лично Мольтке, но прусский капитан настаивал на возвращении в Биреджик. Он говорил о том, что египтянам так или иначе придется атаковать

Хафиза, и весь вопрос в том, в каких условиях это будет сделано. Однако отступать в самом начале кампании турецкий военачальник не захотел.

22 июня на рассвете турецкие наблюдатели заметили движение в лагере противника. Вскоре стало ясно, что речь идет об обходном маневре. Предложенная немцами общая атака была урезана до небольшой кавалерийской вылазки. Мольтке вновь настаивал на отступлении в Биреджик, давал на отсечение правую руку, что египтяне не уйдут без боя. Затем он заявил, что слагает с себя всякую ответственность за последствия. Он не знал, что паша обладает секретной инструкцией от султана, предписывающей ему искать сражения, и больше всего боится, что египтяне отступят.

Мольтке отправился в свою палатку, объявив по дороге двум присоединившимся к походу господам из Лондонского географического общества, чтобы они на всякий случай паковали чемоданы. Турецкому военачальнику он заявил, что будет принимать участие в сражении как простой солдат. Однако Хафиз вскоре послал за ним, попросив не бросать его на произвол судьбы в трудную минуту и помочь войскам занять наиболее выгодную позицию для битвы.

К утру 24 июня египетская армия заняла позицию между Низибом и Биреджигом. Накануне ночью Мольтке предпринял смелую вылазку — взяв пехотную бригаду и 12 гаубиц, он с близкого расстояния обстрелял египетский лагерь. Это не причинило противнику значительных потерь, но подняло дух собственных войск. Мюльбах советовал нанести ночной удар по египетской армии всеми силами, но Мольтке выступил против, заявив, что турецкий корпус просто не в состоянии успешно выполнить такую операцию. Вопрос о том, кто из них был прав, остается открытым по сегодняшний день.

24 июня сражение при Низибе началось. Обе армии были в достаточно плохом состоянии, и главным для их командиров было не нанести противнику максимальный ущерб, а сохранить боеспособность как можно дольше. «Решение висело на волоске», — писал впоследствии Мольтке.¹⁸ Битва началась с артиллерийской дуэли. Египетская артиллерия продемонстрировала свое превосходство, и части Хафиза

дрогнули. Египтяне начали атаку, выстроившись косым боевым порядком и атаковав сначала левый фланг турецкой армии. Турецкий военачальник задумал наступать своим правым крылом, но ситуация все больше выходила из-под его контроля. Солдаты поодиночке и целыми подразделениями покидали позиции. Были и обратные, но не менее печальные примеры: элитная кавалерийская часть без приказа бросилась в смелую атаку, но под огнем египтян быстро отступила и обратилась в бегство, смяв собственную пехоту. Хотя египетское наступление на некоторое время было остановлено огнем турок, последние уже были не в состоянии предпринять эффективный контрудар. В конечном счете в рукопашный бой вступила лишь одна турецкая бригада.

Паша попытался лично возглавить атаку, искал смерти, но ни того, ни другого у него не получилось. Распад принял всеобщий характер. Курдские новобранцы бросали оружие и уходили в сторону дома. Увидев необратимость поражения, прусские офицеры встретились в центре позиции и договорились держаться вместе. О местонахождении паши им ничего не было известно, зато итог сражения был вполне очевиден. Им приходилось опасаться не столько противника, сколько остатков собственных войск. Поэтому они старались двигаться как можно быстрее и уже через два дня оказались в Мараше, бросив все свои вещи.

Сложно упрекать пруссаков в дезертирстве с поля боя — к моменту бегства сражение было однозначно проиграно. Низиб стал поистине тотальным поражением. Несмотря на то что непосредственно в бою было потеряно не более тысячи человек, Хафизу удалось собрать не более шестой части своей разбежавшейся армии.

Прусские офицеры, тем не менее, попытались как-то повлиять на ход событий. Они присоединились к корпусу Иссета-паши, состоявшему из свежих войск. Ситуацию еще можно было исправить, если бы Иссет послушался разумного совета и сконцентрировал все имеющиеся силы. Вместо этого он бросил свой корпус в утомительные марши по трудным дорогам и без всякого столкновения с противником привел его в абсолютно небоеспособное состояние. Дальнейшее пребы-

вание пруссаков при турецкой армии не имело смысла, тем более что и армии как таковой практически уже не существовало. 4 июля они попросили у Иссета отпуск, который и был им предоставлен. Война не затянулась надолго — вмешавшиеся англичане и австрийцы охладили пыл египтян, и мирный договор оказался вполне сносным для Османской империи.

Пруссаки сначала направились в Малатию, где собирались остатки разгромленной армии, а затем — в черноморский порт Самсун. Здесь товарищам удалось успеть на австрийский пароход, шедший в Стамбул. «Один шаг с набережной на пароход привел нас из азиатского варварства в европейскую утонченность. Мы первым делом заказали картофель, отсутствие которого было наиболее болезненным для нас в течение последних полутора лет, а также бутылку шампанского, и подняли бокал за здоровье нашего короля, день рождения которого мы отмечаем на волнах Черного моря», — писал Мольтке.¹⁹

4 августа на горизонте показался Босфор. Пруссаков в Стамбуле встречали со всеми почестями. После смерти Махмуда II на престол вззошел 16-летний Абдул Меджид, и делами заправляла его мать при помощи старого сераскира Хозрев-паши, давнего покровителя Мольтке. Козлом отпущения, как и предполагалось, власти решили сделать Хафиза. Прусским военным предложили написать отчеты о сражении; Мольтке постарался восстановить справедливость, честно упомянув все ошибки разбитого полководца, но опровергнув ту напраслину, которая возводилась на него со всех сторон. Хафиз отплатил благородством за благородство — он с самого начала заявлял, что немецкие инструкторы абсолютно невиновны в произошедшем. Лично Мольтке он выдал специальную грамоту, гласившую: «Это письмо свидетельствует, что прусский офицер Барон-Бей, талантливый человек, приданный мне Оттоманским правительством, <...> исполнял свой долг храброго и верного человека с самого начала пребывания и до настоящего момента и решал все поставленные задачи наилучшим образом. Я постоянно был свидетелем того, как этот офицер давал доказательства сме-

лости и мужества и верно служил Османскому правительству, не щадя своей жизни».²⁰

Вопрос о виновности пруссаков в поражении встал с новой остротой, когда Мюльбах в своих отчетах начал писать о многочисленных ошибках Мольтке. Последний, впрочем, достаточно жестко отклонил упреки, заявив о готовности объяснить любое свое действие. Этим он снискал у турок уважение, любые претензии были сняты. На аудиенции юный султан щедро одарил офицеров, заявив, что всецело удовлетворен их действиями. Для Мольтке и его товарищей это было исключительно важно — существовала вероятность того, что на родине, не разобравшись, объявят виновниками поражения именно их.

9 сентября 1839 года Мольтке вместе с Винке навсегда покинул Стамбул, Турцию, «слабую, как дитя, и дряхлую, как старец».²¹ Наконец-то его путь лежал домой.

Итоги турецкой миссии Мольтке трудно оценить однозначно. Несмотря на все усилия прусских офицеров, их деятельность по объективным причинам не принесла заметных плодов. Однако Порта оценила первый опыт взаимодействия весьма положительно, и Мольтке фактически стал родоначальником военного сотрудничества двух стран. Для самого Гельмута период пребывания в Турции оказался исключительно плодотворным. Пусть его сочинения нередко оставались бумажным грузом в турецких архивах — работа над ними позволяла ему стремительно развиваться. Именно в Османской империи Мольтке принял участие в первой в своей жизни настоящей кампании, став одним из немногих прусских офицеров младшего поколения, имевших боевой опыт. Кроме того, высокий оклад позволил капитану значительно улучшить свое материальное положение. Времена нужды окончательно остались позади.

Называть турецкий период жизни Мольтке «годами учения»²² не вполне справедливо. В Турции он действовал как вполне зрелый офицер, а учиться он продолжал всю свою сознательную жизнь. Однако не приходится сомневаться в том, что этот период наложил неизгладимый отпечаток на его последующую биографию.

ГЛАВА 3

ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ

Не отличавшийся крепостью организм, который работал с огромным напряжением четыре года, в итоге все же не выдержал. На обратном пути в Берлин Мольтке скосила лихорадка, сопряженная с расстройством пищеварительных органов. «Внезапное перемещение из сирийского лета в позднюю немецкую осень, в высшей степени нездоровое пребывание в карантине в Орсове, а также последствия серьезного напряжения привели к весьма сильной скрытой лихорадке. Я вынужден был три недели оставаться в Пеште и лишь с трудом добрался до Вены, где началось серьезное лечение. Сейчас я уже могу вставать, даже немного гуляю, ем с аппетитом, но выздоровления придется ждать как минимум до середины декабря»,¹ — писал он родным из Вены 23 ноября. В Берлин Мольтке прибыл только в 1840 году.

Однако телесные страдания были не единственной проблемой. Против Мольтке возникла одна из первых в его жизни интриг. В берлинских кругах стали распространяться слухи о том, что капитан плохо выполнил свой долг. Прикованный к постели больной с трудом мог защитить себя от наветов, о которых узнал из «Аугсбургской всеобщей газеты», полученной им еще в Будапеште.

Источником слухов был Мюльбах, продолжавший обвинять Мольтке в неграмотных действиях при Низибе. Его поддерживал Кенигсмарк, который позаботился о том, чтобы эти

обвинения получили максимальную огласку, и представил Мюльбаха к одному из самых почетных прусских орденов «Pour le merite». Версия противников Мольтке, действительно, выглядела на первый взгляд вполне убедительно.

В ответ Мольтке, для которого подобная ситуация стала тяжелым ударом, написал оправдательное письмо Краузенэку. Кроме того, в его защиту выступил Винке: «Мольтке во всех ситуациях вел себя как рыцарь без страха и упрека. Невзирая на болезнь, дававшую ему полное право оставаться в постели, он никогда не пользовался этим правом, когда в его услугах нуждались. Он всегда был в первых рядах, лихой и отважный. Турки смотрели на него как на легендарного героя».² Возмущенный попыткой опорочить доброе имя его подчиненного, Краузенэк немедленно вступился за Мольтке и, в свою очередь, представил последнего к ордену. Помимо этого, каждый год пребывания в Турции был засчитан ему за два. В итоге репутация Мольтке была восстановлена.

Неприятности на этом закончились, а положительный эффект от турецкой командировки только начал сказываться. Четыре года в Османской империи послужили своеобразным трамплином для последующей карьеры Мольтке, который вернулся в Большой генеральный штаб с уникальным боевым опытом. В течение нескольких последующих лет одно за другим вышли в печати произведения, связанные с его поездкой на Восток. После ряда служебных отчетов весной 1841 года увидели свет «Письма о жизни и событиях в Турции 1835—1839 годов». В основе этой книги, которая до сих пор переиздается большими тиражами и считается одним из наиболее знаменитых в своем жанре произведений немецкой литературы первой половины XIX века, лежат письма Мольтке родственникам. Автор с присущей ему наблюдательностью рассказывал об экзотической для тогдашнего европейца Турции, о населяющих ее людях, их обычаях и традициях. Книга содержит массу исторической, географической и этнографической информации и отличается великолепным литературным стилем — на каждой странице встречаются за-

вораживающие описания природы, людей, городских и сельских пейзажей.

Одной из главных целей Мольтке было представить свою версию событий, связанных с его пребыванием в Турции. Конфликт вокруг битвы при Низибе все еще не был исчерпан. В итоге Гельмуту удалось достичь своей цели; именно рассказанная им история стала впоследствии канонической. Однако эффект от книги оказался существенно больше ожидаемого. Став бестселлером, она сделала его имя знаменитым за пределами узких профессиональных кругов и значительно способствовала его дальнейшей карьере.

Сведения, собранные Мольтке во время его путешествий по Балканам, легли в основу еще одной книги — «История русско-турецкой войны 1828—1829 гг. в европейской Турции», опубликованной в 1843 году. Автор лично беседовал с турецкими военачальниками и осматривал места всех крупных сражений, поэтому его изложение отличалось большой точностью и вниманием к мелочам. Публиковался он и в газетах, выступая с политической программой, связанной с распространением германского влияния на Балканах. К примеру, в заметке «Устье Дуная» в «Аугсбургской всеобщей газете» Мольтке выражал надежду на то, что «Австрия позаботится о правах и будущем дунайских стран, и Германия наконец-то сумеет освободить устья обеих своих великих рек». Имелись в виду, конечно же, Рейн и Дунай.³ Другая статья была посвящена возможному созданию в Палестине христианского государства под скипетром немецкого принца.

Мольтке продолжал учиться. Русский язык, танцы, курсы по изучению французской литературы и творчества Гете — этот список далеко не полон. Надломленное на Востоке здоровье постоянно напоминало о себе; за полученный опыт приходилось платить дорогой ценой. Назначенный 18 апреля 1840 года в штаб IV армейского корпуса, находившийся в Берлине, он уже осенью вынужден был испросить отпуск, чтобы отправиться на курорт в Ильменау. Небольшая поездка переросла в достаточно продолжительное путешествие, когда Мольтке решил заодно посетить и Южную Италию.

Италия произвела на него огромное впечатление, а ее климат оказался весьма благоприятным для его организма. Из путешествия он привез с собой, помимо красочных впечатлений, материалы об армии Неаполитанского королевства и австрийских вооруженных силах в Северной Италии, а также ювелирное украшение, предназначенное будущей супруге.

Пока Мольтке был в Турции, его письмами зачитывалась вся родня — послания с Востока передавались в семейном кругу из рук в руки. Рано или поздно они попадали в семью его любимой младшей сестры Аугусты, вышедшей замуж за англичанина Джона Хейлиджера Бурта. Бурт владел плантацией в Вест-Индии, но жил в северогерманском Итцехоэ. Брак оказался счастливым. Аугуста не только родила Джону детей, но и достаточно быстро сдружилась с его отпрысками от предыдущего брака, в том числе с Марией, появившейся на свет в 1826 году. Бойкая, энергичная девочка, которую в семье за большие карие глаза называли «кофейным зернышком», была всеобщей любимицей.

Существуют разные версии того, как и почему состоялся брак между юной девочкой, почти подростком, и зрелым мужчиной. Согласно одной из них, именно Аугуста первой начала задумываться о том, не соединить ли вместе эти две судьбы, после чего стала упорно и целенаправленно воплощать в жизнь свою идею. Согласно другой версии, решение относительно Марии принял сам Мольтке, и для ее мачехи оно стало такой же неожиданностью, как и для всех остальных. И те, и другие ссылаются на полусутопливую фразу из его письма Аугусте: «Если я когда-нибудь женюсь, то хотел бы выбрать девушку, которую воспитаешь ты».⁴ Бесспорным, в любом случае, является тот факт, что Аугуста весьма благосклонно отнеслась к предстоящему браку.

Со стороны Мольтке речь вряд ли шла о глубокой любви с первого взгляда. С течением времени к сердечным делам у него выработалось весьма трезвое и рассудительное отношение. В одном из своих писем матери в 1832 году он писал: «Любая женитьба — это риск, на который идешь вслепую», но браки по расчету гораздо чаще оказываются счастли-

выми, чем браки по любви. «Одним словом, я считаю, что мечтательная юношеская страсть и супружеское счастье по меньшей мере никак не связаны друг с другом и что там, где нет взаимной неприязни и вражды, уже в браке может возникнуть длительная, глубокая, искренняя и счастливая привязанность», — писал Мольтке.⁵ Рассматривая перспективы брака с девушкой, которая была младше его на четверть века, он, вероятно, серьезно обдумывал все доводы «за» и «против» и лишь потом принял окончательное решение.

Основные события развернулись весной 1841 года, после возвращения Мольтке из Италии. Первая, к кому он обратился со своим предложением, была Аугуста. Именно она взяла в свои руки ведение всей кампании на начальном этапе и 2 мая впервые поведала дочери о намерениях брата. Мария пришла в изумление и попросила время на размышление. Предложение, судя по всему, стало для нее настоящим шоком. В детстве дядя выглядел в ее глазах неким сказочным героем, совершавшим подвиги в далекой стране. Именно этот сказочный герой и предлагал ей теперь руку и сердце. Перспектива брака с мужчиной, гораздо старшим по возрасту, не могла не пугать Марию — хотя, с другой стороны, подобные браки были не редкостью в те времена. В конечном счете, во многом благодаря мягкому давлению мачехи и весьма аккуратным действиям самого претендента, она все же согласилась. Ее отец был не в восторге от подобной комбинации и настоял на отсрочке свадьбы. Невесте должно было, по крайней мере, исполниться 16 лет! В течение следующего года жених и невеста виделись лишь эпизодически. Основным средством общения для помолвленных стали письма.

Нельзя сказать, что это было большой проблемой для Мольтке — в конце концов, эпистолярным жанром он владел мастерски. В письмах, адресованных Марии, он предстает перед нами в образе ласкового и заботливого «жениха-отца», который относится к своей нареченной с нежной предупредительностью. «Я боюсь, что ты сначала будешь чувствовать себя одинокой, поскольку тебе придется полностью расстаться с привычным кругом, в котором ты выросла и где все так

любят тебя. Я бы хотел иметь возможность возместить тебе все потери, которые ты понесешь из-за меня. Да, дорогая Мария, я молю бога о том, чтобы он лучше призвал меня к себе, если я не смогу сделать тебя счастливой»; «Ты должна стать моим добрым ангелом, и я сам хочу стать лучше, чтобы быть достойным тебя»,⁶ — эти строки в духе литературного романтизма писал сорокалетний капитан 27 мая 1841 года. В другом письме Мольтке говорил о незримой связи, установившейся между помолвленными, о том, что он чувствует на расстоянии ее мысли, состояние ее души.⁷

«Как стремлюсь я, дорогая Мария, снова получить от тебя весточку, — писал он 3 июля. — Быть может, письмо уже в пути, но я не хочу его дожидаться, а немного поболтаю с тобой прямо сейчас. Полная луна сверкает напротив моего окна, наверняка ты тоже любишь ее. Ах, если бы она была зеркалом, и я мог бы увидеть в ней твои любимые, прекрасные черты, твои карие глаза и мягкую улыбку! Рядом с луной — большая звезда, о которой я уже писал тебе. Часто, когда после долгой скачки по азиатским степям на меня опускалась ночь прежде, чем я достигал места своего ночлега, или когда на крыше своего дома я расстилал ковры для сна, она выступала с южной яркостью на фоне вечерней зари и светила так нежно, как будто хотела сказать: скачи спокойно и позабудь все заботы, ты еще найдешь любящее тебя сердце. И я нашел тебя, драгоценная Мария; но звезды нашей судьбы живут в нашей груди, и каждый счастлив настолько, насколько он этого заслуживает. Если мне не суждено стать счастливым с тобой, то лишь потому, что я не так чист и прекрасен, как ты».⁸ В этом же письме он заверял Марию, что не собирается лишать ее радостей юности, светских развлечений, балов и концертов — лишь бы она всегда с радостью возвращалась в скромную комнату к своему «старому медведю», который любит ее больше, чем кто бы то ни было на целом свете.

Одним словом, Мольтке выступал в новом для себя амплуа с завидным искусством. Своей основной цели — стать более понятным, родным и близким для собственной невесты — он успешно достиг. Одновременно он старался оказы-

вать мягкое влияние на ее характер, постепенно превращая в ту «идеальную супругу», о которой мечтал. Он советовал Марии практиковаться в танцах, изучать цветоводство. «Я хочу, чтобы твой нрав был спокойным и дружелюбным, пусть даже несколько горячим. Уступчивость в мелочах, порядок в хозяйстве, опрятность в одежде и — в первую очередь — любовь ко мне. Конечно, ты вступаешь в новое окружение в очень юном возрасте, но твой ум и прекрасное чутье помогут тебе быстро найти нужный тон в общении с людьми»,⁹ — писал Мольтке невесте. С течением времени он все лучше узнавал свою будущую супругу. Мария относилась к роли невесты — а впоследствии жены — со всей серьезностью. Однажды приняв решение, она стремилась стать как можно лучшей супругой, сделать так, чтобы ее муж никогда не имел повода сожалеть о своем выборе. «Конечно же, ты больше всех других мужчин заслуживаешь счастья, и я понимаю, сколь высок и священен данный мне Богом долг быть спутницей твоей жизни»,¹⁰ — писала она жениху. Мария даже несколько расстраивалась, замечая четко просматривавшуюся разницу между их письмами, обусловленную возрастом и жизненным опытом. «Я очень беспокоюсь о том, что не смогу стать тебе хорошей женой, ведь я еще так молода и неопытна, — писала Мария в одном из своих писем. — Поэтому я хотела бы, чтобы ты руководил мною во всем».¹¹

Летом 1841 года будущим супругам удалось провести вместе несколько дней во время поездки на Гельголанд. До нас дошло любопытное описание Мольтке, оставленное известным в то время писателем Адольфом Штаром, который случайно встретил его во время этой поездки. «Это был высокий, худой человек, с резкими чертами узкого, загорелого лица, чьи узкие губы и молчаливая серьезность, казалось, ни в коей мере не соответствовали молодецкой горячности, юмору и красноречию его произведения». Он еще не совсем оправился от потрясений 1839 года и выглядел лет на десять старше своего возраста.¹²

20 апреля 1842 года в церкви Св. Лаврентия в Итцехоз Гельмут и Мария сочетались браком.

Тем временем служба шла своим чередом. 12 апреля 1842 года Мольтке был произведен в майоры. Его деятельность в штабе корпуса не требовала большого напряжения сил — в основном речь шла о присутствии на больших маневрах и периодическом инспектировании частей. Естественно, он не терял связи с Большим генеральным штабом, принимая участие в его мероприятиях. Он исследовал пути сообщения в Гарце, писал памятную записку о состоянии датской армии. В 1845 году из-под его пера вышло сравнительно большое исследование, посвященное стратегическому значению Эльбы.

Одновременно Мольтке проявил себя в новой ипостаси — делового человека. За время пребывания в Турции он сумел скопить неплохой капитал в 10 тысяч талеров. Вставал вопрос о том, как его использовать. В итоге Мольтке, вошедший в историю как первый великий полководец «железнодорожной эпохи», стал одним из первых предпринимателей, вложивших свой капитал в новый транспорт. В июне 1841 года капитан стал членом правления в совете директоров железной дороги Берлин-Гамбург. «Это дело очень интересует меня», — писал он Марии 16 июня.¹³ Конечно же, речь шла не только о том, чтобы «стричь купоны» — участие в делах компании потребовало от Мольтке достаточно напряженной работы. Он лично инспектировал ход строительства, участвовал в выборе места для вокзала. Дорога была завершена в 1846 году и достаточно быстро стала одной из наиболее востребованных в Германии. В 1843 году из-под пера Мольтке вышла статья «Какие соображения следует принимать во внимание при выборе направления железных дорог?». Для самого Мольтке ответ был предельно ясен: должны учитываться как экономические, так и военные требования.

Параллельно с возможностями росли и потребности. Мольтке, еще недавно не знавший, как оплатить счета у портного, теперь мечтал о собственном поместье. Он буквально кусал губы, когда узнал в 1844 году о продаже имения Найн-

штедт в Гарце. Однако денег на его покупку пока не было. Поместье оставалось одним из «мечтаний, которые все время откладываются, пока внезапно не приходит конец. Поток событий несет нас с собой, мы считаем, что движемся, — а на самом деле он движет нас».¹⁴

Мольтке в это время стал широко известным в придворных кругах. Будучи прекрасным рассказчиком и располагая столь благодатным материалом, как впечатления об экзотическом Востоке, он почти сразу по возвращении из Турции превратился в достопримечательность светских салонов столицы. «Весьма любезный человек с притягательным талантом собеседника», — характеризовала его в эти годы принцесса Марианна.¹⁵ Бросается в глаза контраст со сложившейся позднее репутацией «великого молчальника». Именно в этот период Мольтке завязал множество полезных знакомств.

Своими связями он был также обязан принцу Карлу, командиру IV армейского корпуса, который часто использовал Мольтке в качестве своего адъютанта. Это позволило ему попасть в круги политической элиты, вплоть до знакомства с новым, вступившим на престол в 1840 году королем Фридрихом Вильгельмом IV. Так, во время столетнего юбилея Берлинской оперы в декабре 1841 года Мольтке сидел вместе с 50 другими персонами в королевской ложе.

Весной 1845 года умер адъютант жившего в Риме принца Генриха, и уже 30 мая Мольтке в одном из писем сообщил о возможности своего назначения на вакантную должность. В тогдашней Пруссии карьера адъютанта считалась одним из лучших вариантов для интеллектуально одаренных офицеров. Место в Риме считалось весьма теплым, притом не только из-за южного климата: высокое жалованье сочеталось с весьма необременительными должностными обязанностями. Принц Вильгельм Прусский иронично высказывался о «легионах жаждущих в Рим».¹⁶ Назначение Мольтке состоялось 18 октября.

Принц Генрих считался в королевской семье чудачком. Отличившийся в годы Освободительных войн, он вскоре обосо-

бился от семьи, а в 1819 году перебрался в Рим. Ходили упорные слухи, что принц перешел в католическую веру — дело неслыханное для представителя монаршего рода крупнейшего из германских протестантских государств. В настоящее время он лежал, прикованный к постели неизлечимой болезнью.

Предстоящее свидание с Римом очень радовало Мольтке. Его всю жизнь тянуло в теплую солнечную Италию, подальше от балтийских туманов и дождливых берлинских вечеров. 18 декабря семейство прибыло в Рим. «Вечный город», однако, предпочел повернуться к гостям спиной: их встретили дождь, грязь на улицах, бесконечные попрошайки («Здесь нищенством занимаются все, даже слуги послов»¹⁷). Временами Мольтке сожалел, что покинул Берлин. Найти приличную квартиру удалось лишь с огромным трудом.

Адъютант отправился к своему принцу. Комната напомнила Мольтке обиталище доктора Фауста — обилием всевозможных книг, картин, чертежей, газет, приборов и инструментов. Обоюдное впечатление, впрочем, оказалось вполне благоприятным. Мольтке убедился в том, что курсировавшие в Берлине слухи в большинстве своем оказались ложными и принц пребывает в здравом уме, твердой памяти и превосходном настроении. Принц назвал Мольтке «благовоспитанным, талантливым и образованным молодым человеком»,¹⁸ которого не стал обременять лишними делами. Свежеиспеченный адъютант мог посвящать своим прямым обязанностям не более одного-двух часов в день, сидя у постели принца и рассказывая новости, а остальное время употреблять по своему усмотрению. «Моя служба у принца предоставляла мне много досуга», — вспоминал Мольтке.¹⁹

Свое свободное время адъютант в итоге посвящал прогулкам по «Вечному городу» и его окрестностям. Он занимался исторической географией — с книгой по римской истории в руках осматривал местность, где происходили события, и устанавливал места древних сражений. Это натолкнуло его на мысль о создании точной карты Рима и его окрестностей, а также специального исторического путеводителя.

Топографические работы велись в достаточно сложных условиях. Несмотря на то что ему удалось заинтересовать своей инициативой местных ученых, никто не давал прусскому офицеру карт-бланш и военный эскорт, как это было в турецкой столице. Множество частных владений затрудняли работу. Тем не менее энтузиазм преодолевал все преграды. «Труд автора с лихвой вознаграждается радостью, которую он ему приносит, — писал Мольтке. — Это чудесное чувство, ехать свежим утром через еще спящий город, из тесноты садовых оград — в просторную долину, и там начинать свой ежедневный труд. <...> Ты возвращаешься домой в испорченной одежде и с израненными ногами, голодный и усталый; но зато ты обнаружил гробницу или надпись, колонну или кусок лавы, которые не указаны ни на одном плане или путеводителе, и эта добыча наполняет тебя гордостью».²⁰ К концу июня 1846 года большая часть работ оказалась выполненной. Карта Рима в масштабе 1:25 000 увидела свет в 1852 году в Берлине, высоко оцененная знаменитым Александром фон Гумбольдтом и изданная при финансовой поддержке самого короля. Менее успешным оказалось второе его начинание — «Путеводитель по Кампанье», для которого были созданы лишь небольшие фрагменты.

Римская идиллия прервалась в ночь с 11 на 12 июля 1846 года, когда Мольтке был разбужен криком одного из итальянских слуг Генриха, доложившим ему о смерти принца. На адъютанта сразу же свалилась куча обязанностей. Позабывшись о бальзамировании тела, Мольтке ринулся в Потсдам, чтобы доложить королю о случившемся. Путь, который он меньше года назад не спеша проделал за месяц, теперь был преодолен за неделю. Фридрих Вильгельм IV, выслушав печальную новость, приказал адъютанту сопровождать тело принца на военном корвете «Амазонка» в Германию.

Отправив Марию к кухне в Неаполь и ударными темпами завершив свои топографические работы, Мольтке вместе с телом принца погрузился 19 сентября на борт корвета. Средиземное море отнюдь не радовало прекрасной погодой; шестнадцать дней до Гибралтара корабль находился в зо-

не штормов. Мольтке жестоко страдал от морской болезни. «Я решил высадиться, поскольку полностью вышел из строя, — писал он жене 6 октября. — Это решение далось мне тяжело, и, возможно, я в нем еще раскаюсь; но я сдал настолько, как будто перенес тяжкую болезнь. Море противостоит моей природе».²¹ В Кадисе Мольтке сошел на берег — как утверждалось впоследствии, по настоянию капитана, не желавшего доставить на родину два трупа вместо одного, — и продолжил свой путь посуху.

Поступок Мольтке граничил с нарушением воинского долга. Адьютант не имел права покидать тело принца. Зная его любовь к путешествиям, невольно закрадывается вопрос: была ли морская болезнь опытного путешественника действительно настолько сильной? Не захотел ли он под благовидным предлогом осмотреть новую для себя страну — Испанию? Не случайно автор официальной биографии, вышедшей еще при жизни Мольтке, назвал в числе причин, побудивших его героя сойти на берег, «любовь к путешествиям и тягу к странствиям, интерес к жизни чужих народов».²²

Как бы то ни было, представившуюся возможность познакомиться с Испанией Мольтке использовал. Он добрался до устья Гвадалквивира и поднялся вверх по этой знаменитой реке. Посетив крупнейшие города Испании и осмотрев их достопримечательности, он 14 октября прибыл в Мадрид. Не обошлось, конечно же, без посещения корриды — впрочем, Мольтке не увидел в ней ничего, кроме бессмысленного избиения животных. Однако красота Испании завораживала его, и ускорять путь заставляло лишь опасение опоздать к прибытию «Амазонки» в Германию. Именно оно помешало ему посетить величественную Гранаду. Испанцы произвели на Мольтке благоприятное впечатление: «По сравнению с итальянцами, испанцы были мне намного милее, — писал он в одном из своих писем. — Ни разу у меня не просили милостыни, для этого самый беднейший слишком горд. <...> Даже самый незначительный из испанцев ожидает уважительного отношения к себе».²³

Мольтке пересек Францию на поезде и 26 октября добрался до Гамбурга. Далее его путь лежал в Куксхавен, куда должна была прибыть «Амазонка». В ожидании корабля Мольтке успел навестить родственников жены и посетить могилу отца. 4 ноября корабль вошел в порт. Далее Мольтке предстояло играть одну из главных ролей на похоронах принца 7 ноября. В соборе было так душно, а мундир — так неудобен, что адъютант едва не потерял сознание. «Я не знаю, что было тому виною, — писал он жене. — Напряженное ли путешествие, неудобный ли костюм, крепкий ли кофе или еще что-то, но у меня началось настолько сильное сердцебиение, что я уже не надеялся удержаться на ногах».²⁴ Самым трудным моментом была часть церемонии, когда адъютант вместе с гробом плавно опускался в склеп. Выбравшись на свежий воздух, Мольтке испытал огромное облегчение: любой инцидент во время похорон мог бы серьезно осложнить его и без того незавидное положение.

Высадка в Кадисе могла не остаться безнаказанной. Капитану «Амазонки» Яну Шредеру пришлось долго и горячо доказывать невиновность своего пассажира. В конечном счете Мольтке удалось отделаться легким испугом. После недолгой паузы (шли споры о том, продвигать его дальше по адъютантской или по штабной линии) он был 24 декабря назначен в штаб VIII армейского корпуса в Кобленце. В конце 1846 года Мольтке, забрав жену из Неаполя, отправился на Рейн.

Место назначения понравилось чете Мольтке. Кроме того, здесь они нашли новых друзей — капитана Тюмплинга, также служившего в штабе корпуса, и его супругу. Основной задачей Мольтке стала разработка оборонительных мероприятий на случай военного конфликта с Францией. Правда, начальник штаба VIII корпуса, подполковник фон Хёпфнер, забраковал составленный своим заместителем план сооружения укрепленной позиции в районе Трира. Согласно концепции Мольтке, сильный укрепленный лагерь для двух рейнских корпусов должен был представлять собой фланговую позицию на пути неприятеля, которую было достаточно трудно взять и в которой корпуса избежали бы угрозы окру-

жения. Его шеф, однако, придерживался иного мнения, считая, что предложенный Мольтке вариант приведет к быстрому разгрому обоих корпусов.

Хёпфнер даже хлопотал об отзыве подчиненного, ввиду отсутствия у него всяких способностей. Командир корпуса генерал фон Тиле вполне разделял это мнение, не считая Мольтке особенно выдающимся офицером, который, в дополнение ко всему прочему, еще и регулярно манкирует богослужениями. «Его религиозные воззрения, на мой взгляд, не содержат ничего, кроме безразличия», — писал генерал.²⁵ Однако у Мольтке в тот момент были достаточно могущественные друзья в Берлине, в первую очередь Краузенэкк, и обоим недоброжелателям пришлось умерить свой пыл. Однако ему самому подобное отношение, естественно, настроения не поднимало, и он начал потихоньку подумывать об отставке, называя в качестве вершины карьеры должность начальника штаба корпуса.

Однако для спокойных расчетов времени оставалось совсем немного. Неумолимо приближалась пора потрясений. Европейский кризис назревал в течение 1840-х годов. В германских государствах резко оживился немецкий национализм, либеральные и национальные ценности соединились в один комплекс, все большее число людей воспринимали старую политическую систему как препятствие на пути германского единства. Попытка прусского короля, созвав в 1847 году Соединенный ландтаг, использовать его для получения гарантий внутренних и внешних займов провалилась. А в конце февраля 1848 года всю Германию всколыхнуло известие о революции во Франции. Немецкие либералы и демократы увидели в ней возможность осуществить свои мечты.

В первых числах марта начались волнения в Рейнской провинции, а 18—19-го произошло восстание в Берлине. Король вынужден был вывести из города войска, обнажить голову перед телами погибших повстанцев, отменить цензуру и привести к власти либеральное министерство. Прошли выборы в прусское и общегерманское Национальные собрания. На

повестку дня встали вопросы германского единства и конституционной монархии.

Мольтке, находившийся в Рейнской области, буквально с первых же дней оказался в эпицентре событий. Сначала предполагалась возможность военной кампании против революционной Франции, и даже начался призыв резервистов; однако вскоре, когда движение перекинулось на германские государства, об этом пришлось забыть. В создавшейся ситуации он не мог отнестись с полной симпатией ни к одной из сторон: консерватор по своим политическим симпатиям, он не принимал революцию, но не мог закрыть глаза на ее объективные причины.

Однако по мере нарастания революционной волны его взгляды становились все более консервативными. «Речь идет больше не о монархии или республике, — писал он 29 марта 1848 года. — А о законе или анархии. Какая ответственность для тех, кто вызвал к жизни нынешнюю ситуацию! Боже, прости им то, что они причинили бедной, несчастливой стране. Где давление обстоятельств было столь велико, кто был настолько ущемлен в своих правах, чья свобода была столь ограничена, что могло показаться справедливым прокладывать новый путь, о котором никто не знает, куда он заведет?»²⁶

16 мая Мольтке был отозван из бурлящей Рейнской области в Берлин, на должность начальника одного из отделений Большого генерального штаба. Назначение носило откровенно временный характер. Кадры прусской армии лихорадило, на ряде командных должностей началась откровенная чехарда. Ничего отрадного для себя майор не увидел и в прусской столице. Повсюду были расположены посты «гражданского ополчения», офицеры предпочитали ходить в штатском, повстанцы чувствовали себя хозяевами города. «Вчера я в первый раз присутствовал на заседании Национального собрания, — язвительно писал Мольтке 2 июля. — Печальное зрелище! Там читают проповеди, а не говорят, звучит много слов с минимумом смысла. Во время голосования значительная часть депутатов не способна решить, выступить им

«за» или «против»; они встают, озираются, садятся — короче, совершенно ясно, что эти люди не знают, о чем идет речь. И это — наши законодатели!»²⁷

Мольтке относился весьма неодобрительно даже к тем идеям либералов, которые в теории были ему близки, таким, как объединение страны. Да, парламент во Франкфурте выступает за национальное единство — но что это за Германия, которая основана на решениях кучки не нашедших себя в реальной жизни интеллектуалов? «Жаль, что на трехцветном знамени налипло столько грязи», — говорил он в одном из писем.²⁸ Единство страны, считал Мольтке, может быть достигнуто только волей монархов. Революционные события лишь отдаляют момент объединения, ведут к слабости и разобщенности. Демократию он называл «опаснейшим из всех врагов».²⁹

В то же время, в отличие от многих коллег, Мольтке не считал панацеей реставрацию старых порядков, понимая, что революция вызвана вполне объективными причинами. Он полагал, что Пруссия должна воспользоваться ситуацией и проводить активную политику в Германии. Именно установление прусской гегемонии поможет предотвратить дальнейшие революционные взрывы. С этих позиций высказывался он в дискуссиях с коллегами по Генеральному штабу.

Одним из испытаний для германской революции стал шлезвиг-гольштейнский вопрос. Принадлежавшие Дании на основе личной унии герцогства Шлезвиг и Гольштейн, с которыми была тесно связана судьба семейства Мольтке, считались германскими княжествами, причем второе из них являлось еще и членом Германского союза. В соответствии со старинным договором, княжества должны были представлять собой в политическом плане единое целое. Все это создавало в эпоху национального подъема практически неразрешимый клубок проблем. В марте 1848 года, воспользовавшись событиями в Германии, датчане решили полностью включить Шлезвиг в состав своей страны. Немецкое население немедленно восстало и заявило о своей независимости. Франкфуртское Национальное собрание горячо поддержало

стремление северных братьев к вхождению в состав единого германского отечества. Оно санкционировало посылку в герцогства немецких (фактически — прусских) войск. Совместно с восставшими они быстро отбросили датчан вглубь Ютландии.

Мольтке изначально рассчитывал на примирение враждующих сторон на основе статус-кво. Сердцем он был на стороне жителей герцогств. «По поводу вас — шлезвиг-гольштейнцев — я могу только радоваться. Датчане не смогут вас заполучить», — писал он одной из своих родственниц.³⁰ После начала военной кампании в армейских верхах обсуждалась мысль о назначении Мольтке начальником генерального штаба или даже главнокомандующим новорожденной шлезвиг-гольштейнской армии. Однако война продлилась недолго. Великие европейские державы, в первую очередь Британия и Россия, весьма настороженно относились к событиям в Германии и после первых успехов прусских войск потребовали прекратить конфликт. Фридрих Вильгельм IV счел за благо уступить. 26 августа было подписано перемирие в Мальмё, которое фактически сохраняло герцогства под властью Дании. Несмотря на то, что переговорный процесс длился еще несколько лет, итогом стало лишь незначительное изменение довоенного статуса герцогств.

Шлезвиг-гольштейнские события 1848—1849 годов раскололи семейство Мольтке. Практически все братья Гельмута занимали те или иные посты в герцогствах или в Дании. Во время восстания одни из них встали на сторону немецких националистов, другие остались лояльны королю. Фритц фон Мольтке, принадлежавший к числу последних, даже перестал отвечать на письма Гельмута. Лишь постепенно возникшее отчуждение удалось преодолеть.

С лета 1848 года Мольтке начал снова задумываться об отставке. Он не видел перспектив прославить себя на поле брани и опасался, что победа революции будет иметь для армии самые печальные последствия. В то же время падение цен на земельные владения, казалось бы, предоставляло ему шанс воплотить в жизнь свою давнюю мечту. «Мое заветное

желание — собрать нас всех в каком-нибудь поместье, куда каждый внес бы столько капитала и сил, сколько есть у него в наличии», — мечтал он в письме Адольфу 9 июля.³¹ А если дела в родном отечестве пойдут совсем плохо — что ж, он готов эмигрировать даже в Австралию! Правда, Мольтке опасался, что Мария не одобрит столь смелых планов.

Однако намерения руководства в отношении него были совершенно иными. 22 августа его назначили начальником штаба IV армейского корпуса, и Мольтке отправился к новому месту службы — в Магдебург. Революция в Германии тем временем пошла на спад. Франкфуртское Национальное собрание теряло всякую тень реальной власти. В Пруссии одно правительство сменялось другим, с каждым разом все менее либеральным. К концу года от революционного подъема остались одни воспоминания. «У меня ощущение, что дела понемногу улучшаются, — писал Мольтке. — Маятник революции, как мне кажется, завершил свое движение, он возвращается обратно к стабильности. Качнется ли он в противоположную сторону? Природный закон гравитации это позволяет. Но сначала должен вернуться порядок, и этого можно только желать, потому что, как правильно отмечалось, свобода вырастала из порядка, но никогда наоборот».³²

Одновременно Мольтке выступал за более активную политику в германском вопросе. По его мнению, в данный момент монархия Гогенцоллернов вполне могла закрепить за собой гегемонию, по крайней мере в северной части страны. «Энергичное правительство — и Пруссия сможет осуществить объединение Германии», — писал он.³³ Такие идеи витали в воздухе. В мае 1849 года прусский король выступил с предложением о создании новой Германской унии, которая была бы гораздо более консолидированной, нежели прежний Германский союз, и не включала бы в себя Австрию. Излишне уточнять, что гегемоном в этой унии должна была стать Пруссия. Против этой идеи выступили в Вене. «Если бы Австрия и Пруссия смогли договориться, все было бы легко», — писал Мольтке.³⁴ Однако дело явно шло к войне.

В сентябре 1850 года Пруссия объявила мобилизацию. Принц Вильгельм Прусский возглавил армию, выдвинувшуюся к саксонской границе; в ее состав входил и IV армейский корпус. Настроение в войсках было боевым, значительная часть солдат рвалась в бой. Неизвестно, чем бы завершилось вооруженное столкновение, однако ему не суждено было состояться — вмешался Николай I, назвавший действия пруссаков противозаконными. 29 ноября в Ольмюце при его посредничестве было подписано соглашение, по которому Пруссия отказывалась от всех своих проектов. Германский союз восстанавливался в прежнем виде.

Большинство пруссаков — в их числе и Мольтке — рассматривали Ольмюцское соглашение как позор. Однако у Берлина в этот момент практически не было иной альтернативы. Мольтке прекрасно понимал это: «Как выйти из сегодняшней ситуации, сохранив хоть толику чести, я не вижу».³⁵ Тем не менее он не терял надежды на то, что его мечта о германском единстве когда-нибудь исполнится.

В семейной жизни были свои проблемы. К этому моменту окончательно выяснилось, что Мария не сможет иметь детей. Для Мольтке такой поворот событий был, очевидно, серьезным ударом. Не менее тяжело переживала и Мария. К тому же ей было откровенно скучно в небольшом прусском городке, каким являлся Магдебург, и она старалась проводить побольше времени у родственников в Гольштейне. Впрочем, говорить о серьезных конфликтах между супругами не приходилось. Период «притирки» двух разных по возрасту, жизненному опыту и уровню образования людей давно остался позади. Мария стремилась разделять интересы своего мужа, по возможности помогать ему в работе. В дни мобилизации, когда у Мольтке не было времени даже на то, чтобы написать родственникам, она фактически стала его личным секретарем. Тогда же она писала своему дяде Адольфу, что, если бы разразилась война, «я с таким удовольствием пошла бы за Гельмутом в качестве рекрута (без всяких шуток), но это, конечно же, и невозможно, и неразумно».³⁶

Вскоре в Магдебург приехал тринадцатилетний Генри Бурт, сын Аугусты. Бурты в тот момент испытывали серьезные материальные трудности, поэтому забота о племяннике стала для Мольтке посильной помощью сестре и тестю. Бездетная чета Мольтке начала относиться к Генри как к собственному ребенку, а тот увидел в подполковнике второго отца. Мольтке в 1850-е годы все больше входил в роль главы большого семейства. Материальное положение позволяло ему оказывать помощь родственникам. Он заботился о своей сестре Магдалене, брак которой оказался неудачным, и ее многочисленных детях, а также об овдовевшей в 1856 году Аугусте.

После Ольмюца дни Мольтке заполняла по преимуществу канцелярская работа. Осенью 1850 года он стал подполковником, в конце 1851 года — полковником. Отношения с начальством снова складывались непросто — командир корпуса Аугуст фон Хедеманн отличался исключительным педантизмом, что было весьма не по душе его энергичному подчиненному, стремившемуся расправляться с делами как можно скорее. Доклады затягивались на долгие часы, Мольтке безуспешно пытался уменьшить масштабы документооборота. Не слишком приятной стала и замена в 1848 году на посту начальника Большого генерального штаба Краузенэка, который давно знал и ценил Мольтке, на Карла фон Рейера. Отнюдь не лишенный дарований, Рейер первоначально отнесся к своему подчиненному с некоторым предубеждением и называл «приближающимся к инвалидности».³⁷ Хотя впоследствии он признал незаурядные качества Мольтке как штабного работника, но все еще сомневался в том, что в случае назначения, к примеру, командиром бригады ему удастся утвердить свой авторитет у подчиненных.

Тем не менее Мольтке принимал участие в крупных осенних маневрах 1853 года — где, к слову сказать, произвел на начальство весьма благоприятное впечатление, — и в учебных поездках Генерального штаба. Осенью 1854 года ему доверили даже руководство одной такой экспедицией — правда, в присутствии Рейера, который контролировал своего

подчиненного и наблюдал за тем, насколько успешно тот справляется с задачей. Для самого Мольтке несколько недель, проведенных в кругу коллег в Лаузице, были напряженными, но в то же время весьма радостными. Он с головой окунулся в любимую работу и вынырнул на поверхность освеженным и помолодевшим. «Да, в такой поездке полно дел, — писал он жене, — и работа должна быть сделана в кратчайший срок, потому что без этого другие офицеры не смогут начать. Итак, все ждут, седлают лошадей, и, как только поступает приказ, несутся вперед. Потом начинают поступать доклады, которые нужно точно проанализировать. Здесь мне никто не может помочь, в дополнение к этому я должен сам посмотреть местность. За этим следуют долгие обсуждения у шефа <...>, так что для работы приходится использовать часть ночного времени. Это несколько утомляет, но работа очень интересна».³⁸

Мольтке внимательно следил и за событиями на международной арене, в частности, за начавшейся в 1853 году Крымской войной, которая грозила перерасти в общеевропейскую, втянув в свою орбиту и Пруссию. Он откровенно высказывался в пользу турок и порицал пророссийскую политику прусских верхов, выступая за тесное сотрудничество с Австрией. «Мне кажется, немецкие державы играют печальную роль, — писал он Адольфу 25 января 1854 года. — Очевидно, что опаснее всего для них новое усиление России, и все же они предоставляют западным державам таскать каштаны из огня. Этого нам не забудут, наш авторитет в Европе на такой основе вырасти не сможет».³⁹ «Я, по меньшей мере, желаю честным мусульманам успеха в борьбе против москалей», — писал он полковнику Фишеру 12 декабря того же года.⁴⁰ Такую позицию разделяли очень многие в тогдашней Европе.

Середина 1850-х годов ознаменовалась новыми изменениями в судьбе Мольтке. 1 сентября 1855 года он был назначен первым личным адъютантом 24-летнего принца Фридриха Вильгельма — племянника короля и старшего сына принца Вильгельма Прусского. Фридрих Вильгельм стал одной из

самых сложных и спорных личностей в германской истории XIX века. Его отец был человеком с достаточно ограниченным кругозором, убежденным консерватором, солдатом по духу. В период революции Вильгельм Прусский попытался решительно действовать против восставших, однако в итоге получил прозвище «карточный принц» и вынужден был несколько месяцев скрываться в Англии. Человеком другого склада была его супруга Аугуста. Урожденная принцесса Саксонии-Веймара, она была воспитана на идеалах Просвещения и постаралась привить их своему сыну. Опыт оказался удачным — принц действительно с молодых лет пользовался репутацией либерала. Однако это привело к достаточно серьезному конфликту с отцом-консерватором; впоследствии они далеко не всегда могли найти общий язык.

Мольтке познакомился с принцем в 1854 году, во время уже упомянутой штабной поездки в Лаузиц. Фридрих Вильгельм произвел на него весьма благоприятное впечатление своими простыми и дружелюбными манерами. Достаточно сложен вопрос о том, почему именно Мольтке был избран в качестве адъютанта принца. Среди историков на этот счет имеются различные мнения. Понятно, что подобный выбор делался достаточно тщательно и имел под собой определенные политические основания. Возможно, Мольтке был идеальной компромиссной фигурой между консервативной «камарильей» короля и либеральным окружением Аугусты.

У этого назначения было и немало противников в придворных и военных кругах. Однако у Мольтке за плечами уже имелся достаточно успешный опыт службы в качестве адъютанта и положительные отзывы принца Генриха. К тому же он заслуженно считался весьма талантливым и образованным человеком, способным стать если не наставником, то, по крайней мере, достойным спутником молодого принца. Генерал Радзивилл хвалил Мольтке за его педагогические способности, большую роль сыграл положительный отзыв Рейера — впрочем, неясно, хотел ли последний помочь своему подчиненному или попросту избавиться от него. Свое слово в пользу Мольтке сказал и Герлах — один из самых влия-

тельных людей в окружении короля. Да и сам монарх был высокого мнения о нем.

«Полковник весьма спокоен и малообщителен, — описывал Мольтке еще один человек, которого попросили дать ему характеристику, его бывший подчиненный капитан фон Штранц. — Он говорит очень, очень мало. Тем более удивительно, что он может быть очень приятным собеседником и рассказчиком. У него прекрасное всеобщее и военное образование, и редко случается вести с ним разговор, из которого не почерпнешь ничего нового и интересного. <...> Полковник понимает и любит юмор и может в веселом обществе быть очень приятным и много шутить, пусть это и случается редко».⁴¹ Стиль общения Мольтке, о котором впоследствии будут ходить легенды, к этому моменту, действительно, уже полностью сложился. Он не был болтлив и даже особенно разговорчив — и поэтому у многих, особенно при первом знакомстве, создавалось представление о нем как о молчуне. Так, при первой встрече в 1856 году он произвел на знаменитого в свое время публициста В. Бернхарди впечатление замкнутого и молчаливого человека. На самом деле, Мольтке никогда не стремился первым завести разговор, навязать собеседнику свое мнение, не погружался в продолжительные бесплодные споры. Было несколько тем, которые он старательно обходил вплоть до резкого прекращения беседы; к таковым относились его личные переживания, политические взгляды и религиозные убеждения. В то же время Мольтке мог быть весьма приятным собеседником, особенно в импонирующей ему компании.

Перед назначением он получил своеобразный «испытательный срок». 28 мая 1855 года ему было приказано сопровождать принца по провинциям Западная и Восточная Пруссия. Предварительно он был принят королем, который долго рассказывал ему о предстоящей миссии, не скрыв и того обстоятельства, что согласие родителей принца еще не получено. Вильгельм Прусский, который в будущем, во многом благодаря Мольтке, станет императором Германии и будет испытывать глубокую, почти дружескую привязанность

к своему полководцу, первоначально относился к нему достаточно прохладно.

Совместная поездка оказалась успешной, однако впереди были беседы с родителями принца. Мольтке, попавшему в центр придворных интриг, пришлось непросто. Он был вынужден долго оправдываться и лавировать, заявляя, что он не является ни консерватором, ни либералом в полном смысле этого слова и вообще старается держаться подальше от политических тонкостей. Аугусту он убеждал, что не станет ее врагом, не ищет для себя «теплого местечка» и не собирается оказывать на молодого принца какого-то политического влияния. В конечном счете усилия увенчались успехом. Мольтке переехал из Магдебурга в Берлин, что не могло не понравиться его супруге. Гораздо меньше Мария была довольна тем, что ее муж очень мало времени проводил дома — служба требовала от него почти постоянного присутствия рядом с принцем. Пришлось супругам расстаться и с юным Генри, который отправился к своему дяде Фрицу во Фленсбург.

Отношения между двумя полковниками сложились достаточно спокойные, уважительные, хоть и не слишком тесные. Адьютант не нашел в принце ничего выдающегося, но считал его «в высшей степени любезным, подающим надежды господином».⁴² Фридрих Вильгельм оценил ум адъютанта и его способность не становиться навязчивым. Именно поэтому принц просил Мольтке сопровождать его в некоторых заграничных вояжах даже после того, как тот был назначен главой генерального штаба. Не все черты адъютанта пришлись Фридриху Вильгельму по вкусу: принц жаловался, что с Мольтке абсолютно невозможно вести беглый разговор.

Официальное назначение состоялось 1 сентября 1855 года, и уже в том же месяце Мольтке отправился вместе с принцем в Британию. Гогенцоллернам предстоял достаточно удачный династический брак — Фридрих Вильгельм должен был взять в жены принцессу Викторину, дочь английской королевы. Этот брак впоследствии оказал большое влияние на политические воззрения принца; супруга воздействовала

на него в духе британского либерализма, усугубив, тем самым, конфликт поколений в доме Гогенцоллернов.

Чтобы попасть в Балморал, пруссакам пришлось пересечь практически всю страну, посетить прекрасные уголки Шотландии, еще не тронутые индустриальной эпохой. Лондон, Йорк, Ньюкасл, Эдинбург... города мелькают в путевых заметках Мольтке, архитектурные достопримечательности и красоты природы сменяют друг друга. Но... «весь Нортумберленд и Дархем затянуты дымом, портящим все окрестности. Море выглядит как серая каша».⁴³ Промышленный переворот явственно давал о себе знать.

Королевский двор поразил Мольтке своей скромностью. «Почти невероятно, что могущественнейшая монархия может до такой степени отказаться от двора. Здесь — чисто семейная жизнь <...> Нет ни портье, ни армии лакеев, ни одного стражника».⁴⁴ Обитатели резиденции произвели на него весьма благоприятное впечатление — возможно, не в последнюю очередь потому, что королевская чета бегло говорила по-немецки. Смотрины прошли успешно, и 29 сентября состоялась помолвка.

Зимой 1855—1856 годов принц проходил практику государственного управления в берлинских министерствах; вместе с ним на заседаниях совета министров присутствовал и Мольтке. Кроме того, он преподавал Фридриху Вильгельму военную историю и вел с ним беседы о литературе.

Не менее интересным, чем поездка в самую западную из великих держав Европы, стало путешествие в самую восточную из них — Россию. Поводом для визита стала коронация Александра II, намеченная на сентябрь 1856 года. Несмотря на Ольмюцкое унижение, «особые отношения» между Россией и Пруссией продолжали крепнуть и развиваться. Свою роль играли и родственные связи — матерью молодого императора была прусская принцесса, сестра Фридриха Вильгельма IV. Именно в ее обществе на русском корвете принц и его адъютант проделали путь до Петербурга.

Корабль причалил к берегу Финского залива напротив роскошного петергофского дворца. Вдалеке, в туман-

ной дымке, блестел на солнце купол Исаакиевского собора. Мольтке разместили в одном из парковых павильонов, откуда он мог видеть знаменитые на весь мир фонтаны. «Все в целом производит ошеломляющее впечатление», — писал он домой.⁴⁵ Каждый день принцу и его адъютанту пришлось совершать множество визитов. Мольтке был представлен императору, который «произвел на него весьма благоприятное впечатление. У него нет ни стати, ни мраморной строгости его отца, но он впечатляюще хорошо сложенный мужчина с величественной осанкой».⁴⁶ Прусский полковник впервые в жизни присутствовал на православном богослужении; ему особенно понравилось церковное пение.

20 августа гости перебрались в имперскую столицу, Петербург, встретивший их не слишком приветливо — столбик термометра практически не поднимался выше десяти градусов, шли постоянные дожди. Может быть, именно поэтому Мольтке считал, что русские монархи поступили бы более разумно, построив свою столицу где-нибудь на месте Севастополя. Нева, «могучий, величественный, медленно текущий поток»⁴⁷ с чистой прозрачной водой, произвела на него большое впечатление. Из архитектурных достопримечательностей ему больше всего приглянулся Исаакиевский собор, однако в целом Петербург пришелся ему не по душе. Он отмечал огромные размеры улиц и площадей, в сравнении с которыми невысокие дома просто теряются, «казарменный стиль», который преобладает в архитектуре города,⁴⁸ болотистую почву, на которой построена столица и которая создает ее жителям неизмеримые сложности.

25 августа состоялся переезд из Петербурга в Москву. Древняя столица России понравилась Мольтке гораздо больше, чем новая. Именно ее он считал сердцем страны. «Петербург — гордость русского человека, но Москва ближе его сердцу», — писал Мольтке жене 28 августа.⁴⁹ «Я все так же гуляю здесь с тихим изумлением, — рассказывал он в другом послании. — Я пытаюсь привести в порядок свои мысли и сравнить то, что я вижу сейчас, с чем-либо из того, что я видел раньше <...>. Но здесь все иначе, и центр этого ми-

ра, Кремль, вообще уникален».⁵⁰ В Кремль Мольтке ходил ежедневно. Москва смутно напоминала Стамбул — но лишь отдельными своими элементами. В конечном счете он назвал стиль древней столицы «византийско-мавританским», но все равно не считал это определение особенно удачным. Больше всего поразил прусского гостя собор Василия Блаженного.

Мольтке пытался понять и осмыслить особенности России. Здесь, писал он, «семья является моделью государства. Вся власть покоится на отцовском авторитете. Все теории представительного правления в России бессмысленны <...>. Неограниченная власть в руках императора — необходимость и благо в стране, где ничего не происходит без специального на то приказа».⁵¹ «Если вдуматься в то, что ядро нации, великороссы — 36 миллионов человек одного происхождения, одной веры, одного языка — составляют крупнейшую гомогенную расу мира, трудно усомниться в том, что у России большое будущее», — заявлял Мольтке. Громадная страна не распадется никогда, ведь «ни одна часть империи не может существовать без другой, лесистый север без хлебобороного юга, индустриальный центр — без них обоих, глубинка — без побережья, все вместе — без огромной судходоходной водной дороги четырехсотмильной Волги. Но более всего удерживает вместе отдаленнейшие части чувство принадлежности к общему целому».⁵²

Русские, писал Мольтке, по природе своей — люди добродушные и мирные. Основная беда русского государства — это коррупция и некомпетентность чиновников. К ней прибавляются паразитизм дворянства, отсутствие сильного буржуазного сословия, огромная пропасть, разделяющая образованные слои и основную массу простого народа. Русские еще долго не смогут шагать в ногу с современной цивилизацией без помощи иностранцев, в первую очередь немцев. Мольтке отмечал «резкие контрасты без каких-то промежуточных положений»,⁵³ в его письмах перед нами предстает картина двух миров — европеизированного мира столиц и патриархального, старорусского мира провинции.

Прусский гость высоко оценивал общинную систему, благодаря которой «социализм и коммунизм реализованы на практике» и «есть бедные общины, но не бедные индивидуумы». ⁵⁴ Весьма неоднозначно он относился и к крепостному праву: «Каждый чувствует, что крепостное право, находящееся в противоречии с цивилизацией, не может дольше существовать, но большая сложность заключается в том, как его отменить?» ⁵⁵ Мольтке писал о необходимости просвещать народ; первую скрипку в этом, по его мнению, должно играть духовенство.

Не проходила мимо его внимания и обратная сторона российской действительности. Однажды на набережной Москвы-реки его остановил израненный под Севастополем солдат, просивший милостыню. Он не был нужен ни своему прежнему барину, ни общине. За долгие годы солдатской службы он стал чужим у себя на родине. «И теперь милостыню просил человек, который несколько месяцев назад проливал кровь за свою родину, рядом с Кремлем, который стал великим, существует и будет существовать именно благодаря своим верным, богобоязненным, смелым и готовым к любым лишениям солдатам». ⁵⁶

Торжественная церемония венчания на царство состоялась 7 сентября. Ее пышность и блеск впечатлили Мольтке. Несколько дней спустя пруссаки пустились в обратный путь. Для Мольтке поездка в Россию имела еще одно немаловажное последствие — 15 октября он стал генерал-майором. Впоследствии это назначение дало недоброжелателям повод называть его «придворным генералом». В определенной степени это было верно — именно близостью Мольтке к придворным кругам объясняются многие его карьерные успехи. Однако считать его исключительно выдвигенцем двора нет никаких оснований. Характерно, что Мольтке даже в это время не терял связи с Большим генеральным штабом — в частности, направил туда работу о состоянии русской армии.

Судьба распорядилась так, что в течение считанных месяцев прусскому принцу и его адъютанту удалось посетить практически все великие европейские державы. На обратном

пути из Великобритании (Фридрих Вильгельм присутствовал на дне рождения своей невесты) в декабре 1856 года они оказались во Франции, где правил император Наполеон III. Франция в этот период претендовала на то, чтобы играть первую скрипку в европейской политике. Мольтке негативно относился к этой стране, считая ее, как и многие немцы, «наследственным врагом» Германии. Императора он изначально оценивал критически и в начале 1850-х годов предсказывал Бонапарту достаточно быстрый конец политической карьеры, называя его «авантюристом, который скоро поймет, что быть императором сложнее, чем стать им».⁵⁷ Однако в ходе визита отношение понемногу изменилось. Он высоко оценил способность Наполеона сохранять спокойствие в сложных ситуациях — «не апатия, а результат духовного превосходства и твердой воли». Однако в то же время Мольтке отмечал, что в его лице «мало наполеоновских черт» и «он император, но не король».⁵⁸

Еще более сильное впечатление произвела на прусского гостя супруга Бонапарта — императрица Евгения. «Потрясающее явление. Она красива и элегантна. <...> Шея и руки — непревзойденной красоты, фигура стройна, туалет тщательно подобран, отличается вкусом и богат, но не чрезмерно. <...> Она говорит много и оживленно».⁵⁹ Редко приходилось слышать такие характеристики из уст обычно весьма сдержанного Мольтке. Уже на обратном пути из Франции, в Кобленце, он в беседе с супругой местного чиновника восторгался талантами и манерами Евгении. Прусский офицер тоже запомнил императрицу. «Сопровождающий принца генерал Мольтке (или вроде того), — рассказывала она, — скупой на слова господин, но ни в коей мере не мечтатель; он все время начеку и очень интересен, поскольку в любой момент может ошеломить весьма кстати сказанной фразой».⁶⁰

Гораздо меньшее впечатление на Мольтке произвела французская армия. После парада и посещения знаменитого офицерского училища Сен-Сир он счел ее недостаточно хорошо выученной и в целом отстающей от требований времени.

22 декабря прусские гости покинули Париж. На обратном пути, проезжая через Эльзас — провинцию, находившуюся под властью Франции, но еще сравнительно недавно являвшуюся немецкой, — Мольтке позволил себе грустные замечания: «Было печально слышать немецкую речь местных жителей и сознавать, что они — хорошие французы. Мы, конечно же, бросили их в беду!»⁶¹ Принц и его адъютант вернулись в Силезию, где Фридрих Вильгельм был назначен командующим 11-м пехотным полком. Щедрое разнообразие в армейскую службу вносили всевозможные развлечения. Адъютант не слишком одобрял их, но, как всегда в подобных случаях, держал свое мнение при себе. Радовали его лишь выезды на охоту. Кроме того, он обзавелся новыми знакомыми и увиделся с некоторыми старыми друзьями (в частности, с Винке, который еще в 1841 году оставил службу и с тех пор вел жизнь обычного помещика).

Вскоре силезская эпопея должна была завершиться в связи с женитьбой принца; одновременно должно было закончиться адъютантство Мольтке. Что будет дальше, последний не представлял себе даже смутно.

ГЛАВА 4

ШЕФ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

6 октября 1857 года у Фридриха Вильгельма IV, который и раньше не отличался крепким здоровьем, случился удар. Король остался жив, но уже не мог полноценно править страной. Местоблюстителем престола, а вскоре и регентом с перспективой в ближайшие годы надеть королевскую корону стал принц Вильгельм Прусский.

На следующий день после «выхода из строя» прусского короля умер Рейер. Незамедлительно начались поиски преемника. В числе первых было названо имя Мольтке, который в итоге и получил заветную должность. Вопрос о том, почему выбор пал именно на него, достаточно сложен. Многие апологеты Мольтке впоследствии делали акцент на его таланте и незаурядных способностях. Однако известно, что эти факторы далеко не всегда играют главную роль.

На деле выбор был обусловлен целым рядом обстоятельств, не последним из которых стала близость генерала ко двору (некоторые коллеги даже называли его за глаза «придворным танцором»). Письма Мольтке этого периода показывают действительно глубокую осведомленность их автора обо всех тонкостях придворной жизни. Ближайшее окружение Фридриха Вильгельма IV («камарилья») рассматривало его как свою креатуру. С другой стороны, в последнее время генерал стал пользоваться определенным доверием Вильгельма Прусского, который выходил теперь на первый план.

Контакты с обеими сторонами делали Мольтке идеальной компромиссной фигурой. Кандидатуру Мольтке поддерживал также Эдвин фон Мантойфель — руководитель военного кабинета короля, один из ближайших сподвижников Вильгельма. В конечном счете, и сам Рейер незадолго до смерти, по достоверным сведениям, говорил о нем как о своем вероятном преемнике. Способности, конечно, тоже сыграли весомую роль; ни один из его соперников, принадлежавших к консервативной остэльбской элите, не обладал необходимыми познаниями и опытом.

В итоге 29 октября 1857 года увидел свет приказ о назначении Мольтке исполняющим обязанности начальника Генерального штаба армии. «Вы должны видеть в этом доказательство моего личного доверия к Вам, и я ожидаю, что Вы полностью оправдаете последнее и будете исполнять возложенные на Вас важнейшие обязанности в интересах армии», — значилось в приказе Вильгельма.¹ Мольтке воспринял новое назначение с радостью, несмотря на то что должность шефа Генерального штаба не считалась в прусской армии ни особенно почетной, ни перспективной. Многие представители офицерского корпуса рассматривали ее как своеобразный «карьерный тупик», предпочитая должность командира корпуса или даже дивизии.

Такое отношение имело под собой основания. Генеральный штаб в середине 1850-х годов по-прежнему играл далеко не первостепенную роль в системе военных институтов Пруссии. Военный министр являлся главным советником короля в своей области; начальник Генерального штаба был не более чем его помощником, которого, в принципе, могли и не привлекать к планированию и тем более проведению военных операций. Несмотря на то что офицеры Генерального штаба занимались изучением потенциальных театров военных действий и созданием планов кампаний, они не имели в этом вопросе монополии; такие планы разрабатывались и еще рядом военных инстанций. Необходимость заблаговременного профессионального планирования не была осознана военным руководством, составить план кампании счита-

лось делом не особенно сложным. При Рейере Генеральный штаб занимался в первую очередь подготовкой квалифицированных штабных кадров, военно-теоретическими и военно-историческими исследованиями. Военное планирование осуществлялось лишь по прямому указанию короля или военного министра. Никакого влияния на обучение или организацию войск Большой генеральный штаб не оказывал.

Впрочем, было бы ошибкой изображать Генеральный штаб до вступления Мольтке в должность как бесполезную организацию, влачившую жалкое существование. И Краузенэкк, и Рейер проделали большую работу, заложив основы для будущего развития. Самое главное — они сформировали кадровую основу, необходимый фундамент, без которого было бы невозможно дальнейшее строительство. Тем не менее, приход Мольтке означал смену поколений. Впервые во главе Большого генерального штаба встал офицер, не участвовавший лично в Наполеоновских войнах, получивший специальное образование (Всеобщая военная школа) и сделавший карьеру в самом Генеральном штабе. Однако вопрос о том, какие последствия повлечет за собой эта смена, пока оставался открытым.

В 1857 году в прусском Генеральном штабе по штату насчитывалось 64 человека, из которых 45 входили в Войсковой генеральный штаб. При этом они находились в двойном подчинении: шефу Генерального штаба и командиру своего соединения. В Большом генеральном штабе в Берлине по штату числилось лишь 19 офицеров. Он располагался в небольшом, но очень красивом особняке, построенном в конце XVIII века в стиле раннего классицизма. Здесь же находилась и служебная квартира Мольтке. Весьма удобно для работы, однако новое положение обязывало устраивать светские приемы, которые происходили каждый четверг и воспринимались генералом скорее как досадная помеха. Марии, напротив, они доставляли удовольствие. Муж предоставил ей лучшие комнаты в просторной квартире, оставив себе небольшой рабочий кабинет.

Именно в это время появилась еще одна знаменитая привычка Мольтке — ежевечерняя игра в вист. По его словам, это помогало снять накопившееся за день напряжение. В качестве партнера обычно выступала жена. Мольтке не любил проигрывать, и те, кто знал об этой его особенности, старались незаметно ему поддаваться. Другим способом релаксации служили регулярные конные прогулки. Часто Мария читала ему вслух, чтобы поберечь его глаза, которые быстро уставали и начинали болеть. Мольтке старался как можно больше двигаться и дышать свежим воздухом, почти каждое лето отправлялся на курорт — обычно в австрийский Гаштайн.

Первое время деятельность Большого генерального штаба продолжалась в старом русле. Подготовка штабных офицеров, топографические работы, ежегодные учебные поездки, участие в больших маневрах. Осенью 1858 года маневры состоялись в Силезии, в них принимали участие V и VI армейские корпуса. Мольтке играл роль посредника и по их завершении был окончательно назначен начальником Генерального штаба. В мае 1859 года ему было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Однако с первых же дней пребывания Мольтке на посту появились и новые черты. Во-первых, активизировались военно-исторические исследования, в которых шеф сам принимал деятельное участие. Мольтке считал, что изучение опыта недавних войн является лучшим средством для воспитания офицеров, в большинстве своем не нюхавших пороха. 20 мая 1859 года он подал прошение об учреждении военно-научного отделения в рамках Генерального штаба, однако военный министр ответил отказом. Во-вторых, Мольтке стремился постепенно увеличивать значение Генерального штаба, выступая с различными инициативами. В своих памятных записках, адресованных военному министру, он выступал за более активную политику в германском вопросе. При этом все предложения политического характера давались под маской чисто стратегических соображений — способ, которому он сохранит верность и в дальнейшем. Как и ранее, планы

кампаний официально создавались лишь по запросам вышестоящих инстанций; однако, оставаясь в рамках прежних разработок, Мольтке все в большей степени делал упор на подготовку войны с Францией — главным, как он был уверен, противником Пруссии. В принципе, он считал своей задачей иметь готовые планы на любой случай и, несмотря на то что его слабо информировали о внешнеполитических коллизиях, обеспечивать высокую степень актуальности своих разработок. Кроме того, Мольтке уделял большое внимание развитию системы военных атташе в европейских столицах.

Гораздо больше внимания стало уделяться вопросам железных дорог. В 1859 году в Генеральном штабе была создана специальная железнодорожная секция, тогда же увидело свет первое расписание движения поездов на случай мобилизации. Рациональность в работе, четкое разграничение обязанностей между различными отделениями при их постоянном взаимодействии — эти принципы Мольтке положил в основу работы своих подчиненных.

Особое внимание уделялось анализу технических новинок в военной области. Ряд памятных записок, касавшихся военно-технических и тактических вопросов, были представлены Вильгельму и одобрены последним, хотя и остались практически неизвестными в армии. Так, в 1858 году Мольтке подготовил докладную записку «Изменения в тактике вследствие улучшения пехотного оружия». Здесь он писал о том перевесе, который в последнее время получила обороняющаяся сторона, о необходимости мощной артиллерийской подготовки и о падении роли кавалерии как ударной силы на поле боя. Тактику прусской армии необходимо менять, считал Мольтке: конница должна использоваться для разведки и охранения; новое стрелковое оружие делает невозможными атаки плотными колоннами через открытые участки местности, тактическая оборона становится очень сильной; любое наступление должно быть подготовлено артиллерийским обстрелом.

Важной составной частью деятельности Генерального штаба оставались ежегодные учебные поездки. В 1858 году

Мольтке разработал основные положения, по которым должны были проводиться учения. В них он особо подчеркнул два момента: приказы должны быть, во-первых, как можно более немногочисленными и лаконичными и, во-вторых, реалистичными. Кроме того, новый шеф Генерального штаба призывал обращать особое внимание на скорость передвижения и развертывания войск. Он предостерегал от преждевременной концентрации всех сил в одной точке или на одной дороге. Армию, считал Мольтке, следует для маршей разбивать на максимально возможное число колонн, которые, однако, движутся параллельно на ограниченном пространстве и всегда готовы прийти на помощь друг к другу. Фактически этим уже была заложена основа знаменитой теории «маршировать раздельно — сражаться вместе». «Концентрация крупных воинских частей может иметь место лишь в том случае, если дело идет к сражению», — сказал он во время учебной поездки в Силезию в 1858 году.²

Кадровая политика Мольтке продолжала традиции, заложенные его предшественниками, и была направлена на привлечение лучших из лучших. Основным критерием для отбора служило наличие специального образования, меньше внимания уделялось общему кругозору. Сотрудник Генерального штаба должен был быть лоялен своему шефу, но в то же время обладать достаточной степенью самостоятельности и инициативы. Кроме того, по-прежнему практиковалась постоянная ротация — отслуживший определенное число лет в Берлине получал назначение в штаб одной из воинских частей. Однако Мольтке сознательно ограничил ее, чтобы избежать негативного влияния «текучки» на состояние дел. Наиболее ценных сотрудников он вообще не позволял забирать в войска. В то же время он установил внутреннюю ротацию, при которой начальники отделений периодически сменяли друг друга, чтобы владеть всей полнотой информации.

В 1859 году Пруссия вновь оказалась на грани войны. Причиной стал конфликт в Италии, в котором приняли непосредственное участие Австрия с одной и Франция и Пьемонт с другой стороны. В верхах прусского государства образова-

лись две партии. Одна, более влиятельная и многочисленная, считала необходимым «защищать По на Рейне» и ударить по Франции в союзе с Австрией. Другая выступала за политику нейтралитета, полагая, что спор Австрии с Францией не затрагивает жизненных интересов Пруссии. Мольтке придерживался точки зрения первой группировки; он считал, что единственный шанс для Пруссии сыграть в Германии достойную роль — это встать на сторону Австрии в начавшейся войне. Тогда малые германские государства вынуждены будут тоже принять участие в кампании — естественно, под руководством Пруссии. Австрийское руководство увидит, что его лучший друг — прусский регент, и не станет чинить препятствий усилению своего давнего союзника-соперника. «Если Пруссия сейчас примет решение в пользу войны, то это произойдет не ввиду непосредственно грозящей опасности, а ради предотвращения будущих угроз, в интересах Германии, не за, а вместе с Австрией», — писал он в феврале 1859 года.³

Шеф Генерального штаба был настолько увлечен своей идеей, что обратился напрямую к регенту через голову военного министра. Он рекомендовал наступление через Рейн с целью разгрома французской армии. Углубляться во французскую территорию Мольтке не планировал; это могло привести к непредсказуемым последствиям. Необходимо только выиграть битву, получить решающий перевес, осадить и взять Мец, но не вмешиваться во внутренние дела Франции, «вулкана, которому надо дать выкипеть».⁴ Целью кампании должна была стать аннексия Эльзаса и Лотарингии.

27 февраля 1859 года Мольтке принял участие в заседании коронного совета, посвященном итальянской проблеме. В первый раз за всю историю Генерального штаба его шеф участвовал в совещании столь высокого уровня, да и этот случай был скорее исключением, нежели вновь созданным правилом. Тем не менее Мольтке уже в этот период считал себя главным советником Вильгельма в оперативных вопросах и порой рисковал обращаться к принцу-регенту напрямую. На совете обсуждались прошлогодние разработки

Мольтке, касавшиеся войны с Францией. Сам генерал настаивал на том, чтобы объявить мобилизацию сразу же после вступления французских войск в Пьемонт и нанести удар по западной соседке одновременно с вторжением французов в австрийские владения. Признавая на словах приоритет политических решений, шеф Генерального штаба выдвигал на первый план стратегические соображения. Однако в этот раз его рекомендации не были приняты.

Вильгельм, которому, собственно говоря, и предстояло сказать решающее слово, колебался. Как и всегда, когда ему приходилось чувствовать на себе весь груз ответственности, он не мог принять четкого и однозначного решения. Он часто советовался с Мольтке, который настаивал на необходимости вмешаться в войну. Неизвестно, чем бы это закончилось, но события развивались стремительно. 4 июня при Мадженте австрийская армия была разбита франко-итальянскими войсками. 24 июня последовало аналогичное по своим результатам сражение при Сольферино. Пруссаки сначала мобилизовали 14 июня шесть армейских корпусов, затем всю армию и в начале июля двинули ее на Рейн. Однако было уже поздно. Активного вмешательства Пруссии не хотел никто — ни французы, ни австрийцы. 8 июля было подписано перемирие в Виллафранке, по которому Австрия отказывалась от Ломбардии. Пруссия вновь оказалась не у дел — затратив большие средства на мобилизацию, не оправдав надежд немецких патриотов, не использовав положение в своих интересах.

Для Мольтке эта ситуация была малоприятной. Он критиковал всех — Австрию, не пожелавшую принять помощь, Пруссию, снова ударившую лицом в грязь... Однако это не помешало ему извлечь из кампании ценный опыт. Практически сразу после завершения войны в Большом генеральном штабе началась работа над трудом «Итальянский поход 1859 года» (она увидела свет три года спустя), в котором критически рассматривался ход боевых действий. «На войне опасно любое действие, но бездействие опаснее всего», — это знаменитое изречение Мольтке увидело свет именно здесь.⁵ Шеф Генерального штаба выделил характерные черты ново-

го поколения войн, когда на поля сражений выступала индустриальная эпоха. Влияние железных дорог сказывалось все сильнее, масштабы и продолжительность битв увеличивались. Усилившаяся мощь стрелкового и артиллерийского вооружения сделала необходимой разработку новых тактических принципов — классические лобовые атаки оказывались все более и более кровопролитными. В апреле 1861 года Мольтке написал памятную записку на имя короля, в которой вновь говорил о необходимости изменения тактики и широкого применения рассыпного строя. И вновь его записка осталась без серьезных последствий.

События 1859 года, тем не менее, повлияли на положение Большого генерального штаба. Военный министр фон Бонин предоставил Мольтке формальное право непосредственно докладывать ему о текущих делах, в то время как ранее эта процедура проходила при посредничестве одного из подразделений министерства — Всеобщего военного департамента. С 1859 года Большой генеральный штаб начал разработку собственных планов железнодорожных перевозок.

Тем временем в Пруссии назревали серьезные внутриполитические потрясения, в центре которых оказались вооруженные силы. В 1860 году в палату депутатов ландтага был внесен законопроект о реорганизации армии, предусматривавший ряд коренных преобразований. Необходимость военной реформы признавали все заинтересованные стороны. Однако у нее было и политическое измерение. В результате преобразований прусская армия должна была стать не только более эффективным инструментом, но и более послушным орудием в руках короля. Именно это не устраивало либералов, составлявших большинство в палате. Когда реформа была проведена явочным порядком, депутаты отказались одобрить проект бюджета, в котором был заложен рост военных расходов.

Прения быстро обнажили истинную подоплеку конфликта, гораздо более глубокую, чем простой вопрос о численности армии и размере военных расходов. Кто обладает властью в стране — король или парламент? Кому должна быть

верна армия — монарху или народу? Вопрос о военной реформе перерос свои рамки и стал принципиальной политической проблемой власти в королевстве, «военный конфликт» превратился в «конституционный». 16 сентября 1862 года палата вычеркнула из бюджета расходы на реорганизацию армии.

На гребне кризиса, нараставшего, подобно приливной волне, министром-президентом Пруссии стал Отто фон Бисмарк, имевший репутацию ярого консерватора. Умело используя пробелы в прусской конституции, он оспорил право палаты утверждать бюджет, объявив о намерении ввести его в действие без одобрения ландтагом. Сформированное Бисмарком правительство получило название «министерства конфликта».

Все эти события сыграли огромную роль в судьбе Мольтке — притом что к процессам, связанным с военной реформой, он не имел непосредственного отношения. Хотя сам конфликт он воспринимал без удовольствия, симпатии его были всецело на стороне монарха. К парламентской оппозиции он относился весьма неодобрительно, несмотря на то что одним из ее лидеров являлся его старый друг Винке. К Бисмарку Мольтке также поначалу отнесся сдержанно. Как и большинство современников, он рассматривал главу правительства как сторонника крайней реакции и поэтому опасался, что Бисмарк не заинтересуется активным решением германского вопроса. К тому же ему не нравился принятый министром-президентом курс на добрососедские отношения с Францией.

В памятных записках рубежа 1850—1860-х годов война с Францией находилась на первом плане. Мольтке делал упор, в первую очередь, на стратегическую оборону, предусматривая наступление лишь при самых благоприятных условиях. Однако в 1861 году он предлагал уже решительное наступление — правда, не на Париж, а с ограниченными целями в Эльзасе и Лотарингии. Мольтке не упускал из виду и других потенциальных противников. Так, он вынужден был принимать во внимание возможность австро-прусс-

ского конфликта, хотя она глубоко претила его убеждениям. Он планировал сконцентрировать войска в Верхней Силезии и оттуда начать наступление на Вену. Если противник начнет собственное наступление из Богемии, позиция в Силезии превратится во фланговую, мимо которой австрийцы не смогут пройти. «Война между Австрией и Пруссией затронет все державы Европы, поскольку крупный успех одной из сторон покончит с нынешней раздробленностью Германии, подчинит малые государства победителю и создаст в центре Европы единое государство, которое будет равно или даже превзойдет своих соседей по мощи и влиянию», — писал Мольтке весной 1860 года.⁶ При этом на стороне Австрии может активно вмешаться Франция, но тогда союзником Пруссии окажется Россия — впрочем, у последней, как со своеобразным юмором писал Мольтке, есть два недостатка: ее помощь приходит слишком поздно и оказывается слишком масштабной. Шеф Генерального штаба заранее просчитывал различные варианты, не дожидаясь команды «сверху», и в итоге на случай практически любого конфликта имел заранее разработанный план.

В 1860—1861 годах между Австрией и Пруссией прошли переговоры о возможном военном сотрудничестве. Со стороны Пруссии их вел Мольтке. Это послужило поводом для серьезного конфликта с министром иностранных дел Шляй-ницем, который считал проведение подобных мероприятий своей прерогативой. Здесь, наверное, в первый раз за время пребывания Мольтке на посту руководителя Генерального штаба вышел на первый план конфликт военного и политического начала в государственном механизме Пруссии. Знаменитая фраза Клаузевица о том, что война — это продолжение политики иными средствами, была для Мольтке далеко не бесспорной истиной. Вопросы внешней и военной политики тесно переплетались между собой во многих узловых точках. Мольтке полагал, что в военных вопросах у монарха может быть только один советник. Он считал, что дело военных — выиграть войну, и за это могут нести ответственность лишь они одни. Соответственно, их влияние во всех военных

вопросах должно быть преобладающим. «Отделение политики от стратегических соображений невозможно», — писал он Вильгельму.⁷

Вильгельм, однако, вынес решение в пользу министра иностранных дел; Мольтке вынужден был отступить и пунктуально придерживаться выданных ему инструкций. В любом случае, переговоры протекали не слишком успешно. «Если бы все военно-политические вопросы были переданы на урегулирование немногим способным, надежным офицерам, без участия дипломатов, все решилось бы вскоре к общему удовольствию», — писал Мольтке.⁸ На деле и пруссаки, и австрийцы стремились отстоять собственные интересы, и вместо сотрудничества на первый план выходило соперничество. Переговоры прервались в середине февраля 1861 года — слишком различными оказались интересы сторон.

В итоге отношения двух великих немецких держав только ухудшились. Что ж, если Австрия не хочет помогать Пруссии, тем хуже для нее! «Обязанность Пруссии — стать господином Малой Германии, — писал Мольтке. — Отступление в этом вопросе было бы для нас опаснее проигранных битв, оно явилось бы политической смертью. Любой половинчатый путь ведет к гибели, и только безоговорочное наступление — к цели».⁹

В этот период зарождалась его концепция молниеносной войны против нескольких противников. Основные черты можно разглядеть еще в памятной записке от декабря 1859 года, в которой речь шла о возможной войне против Франции и России. «Останется единственный вариант, — писал Мольтке, — оставить против одной из сторон как можно меньше сил, быстро и мощно провести кампанию против второй и затем вернуть себе то, что за это время будет потеряно на первом направлении».¹⁰ В дальнейшем он развил свою мысль: для быстрого и эффективного ведения кампании необходимо, прежде всего, упредить противника в развертывании и сосредоточении. Армия должна быть готова к наступлению сразу после переброски ее к границам. Выбор направления удара должен осуществляться, в первую оче-

редь, с учетом транспортной инфраструктуры — железных дорог. Для Мольтке, впрочем, это было глубоко вынужденное решение в нежелательной ситуации войны против нескольких врагов одновременно.

Позиции Генерального штаба и его шефа продолжали укрепляться. Большую роль здесь играли личные отношения Мольтке с королем. На осенних маневрах 1861 года, в которых Вильгельм принимал самое деятельное участие, Мольтке постоянно находился в его свите. Начальник Генерального штаба получил орден Красного орла и был приглашен на коронацию в Кенигсберг. Помимо личного расположения монарха, начинала сказываться борьба двух конкурирующих органов — военного министерства и военного кабинета короля. Вильгельм находился на стороне второго, и поэтому военное министерство, несмотря на влияние возглавлявшего его Альбрехта фон Роона, понемногу сдавало позиции; в образовавшийся «разрыв» естественным образом вписывался Генеральный штаб, поскольку военный кабинет не имел возможности заниматься стратегическими и оперативными вопросами. Мольтке благоразумно сохранял нейтралитет — и за счет этого оказывался в выигрыше.

* * *

События, которые коренным образом изменили положение как Генерального штаба, так и самого Мольтке, замаячили на горизонте в 1862 году. Именно в это время с новой остротой встала проблема «северных герцогств». Датское правительство по-прежнему стремилось полностью включить их в состав государства. Германские, и в первую очередь прусские, правящие круги смотрели на это с неодобрением.

30 марта 1863 года король Фредерик VII подписал указ о том, что с нового 1864 года Шлезвиг полностью присоединяется к Дании, а для Гольштейна вводится самостоятельное управление. Это постановление нарушало сразу два принци-

па, зафиксированных Лондонским протоколом 1852 года — автономии и нераздельности герцогств. Король был бездетен, и с его смертью грозила оборваться личная уния немецких герцогств с Данией. Терять столь значительную часть своих владений корона не хотела, и поэтому установившееся статус-кво нужно было срочно менять. 15 ноября Фредерик VII отошел в мир иной, и на престол вступил Христиан IX из династии Глюксбургов. Три дня спустя свежеепеченный монарх подписал конституцию, в соответствии с которой Шлезвиг присоединялся к Дании.

Все это вызвало взрыв возмущения как в самих герцогствах, так и среди немецкой общественности. Прусское правительство в лице Бисмарка использовало ситуацию в своих интересах, заручившись поддержкой Австрии. В начале января обе державы заявили, что вынуждены взять на себя защиту прав герцогств, и предъявили датскому правительству ультиматум с требованием соблюдать Лондонский протокол. 16 января Австрия и Пруссия подписали соглашение об оккупации Шлезвига. 18 января датчане ответили на ультиматум отказом. Австро-пруссские войска приступили к боевым действиям.

Для Мольтке война с Данией не могла стать сугубо технической задачей. В конце концов, речь шла о его второй родине, стране, где он провел детство и юность, получил образование, сделал первые шаги на военной службе. Его братья — Фриц, Адольф и Людвиг — были датскими чиновниками; сам Мольтке сохранил еще достаточно симпатий к маленькой северной стране и ее народу. Датский генерал Кай фон Хегерманн-Линденкроне, друг его детства, встретился с ним в ноябре 1863 года и описывал свои впечатления следующим образом: «Я нашел его весьма дружелюбным, но заметил, что нечто давит на него тяжелым грузом».¹¹ В конце беседы Мольтке спросил своего гостя, повлияет ли на их дружбу возможный конфликт между их странами, и был обрадован отрицательным ответом.

Однако его симпатии принадлежали в гораздо большей степени Шлезвигу и Гольштейну, чем собственно Дании.

Еще в конце 1862 года он сочинил две памятных записки о возможной кампании против северного соседа. В них он делал упор на то, что датчане располагают превосходящим флотом, следовательно, переправа войск в островную часть страны практически невозможна. Войну будет легко начать, но сложно закончить. Отсюда вытекают два варианта ведения кампании. Если датчане решат оборонять Шлезвиг, то следует окружить и уничтожить их армию. Если же противник предпочтет отойти к укреплениям Дюппеля и Фридерисии, то следует оккупировать территорию Ютландии, обойдя эти сильные позиции. Объектом операции должна стать сухопутная армия датчан, которую надо не только разбить, но и полностью уничтожить до того, как она успеет переправиться на острова. Кампанию следует завершить молниеносно, пока не успели вмешаться другие европейские державы.

Мольтке от души приветствовал австро-прусскую инициативу совместно выступить против Дании. Помимо всего прочего, это было актом сотрудничества двух великих германских держав, сторонником которого Мольтке по-прежнему являлся. «Немецкие дела напоминают сумасшедший дом. Но сотрудничество Австрии и Пруссии не только в датском вопросе, но и в других делах устранило главную опасность», — писал он 20 января.¹² В тот же день на заседании коронного совета обсуждался план кампании против датчан. В основу разработки, подготовленной военными, легли идеи Мольтке. Они заключались в необходимости быстрого разгрома датской армии и находились в русле его недавних записок. Поскольку Бисмарк требовал, чтобы операции были ограничены территорией герцогств, быстрое окружение и разгром датской армии приобретали еще большее значение.

1 февраля австро-прусские войска начали наступление. Ими командовал фельдмаршал граф Фридрих Врангель, перешагнувший 80-летний рубеж и стремившийся вести войну, не особенно оглядываясь ни на Генеральный штаб и разработанные им инструкции, ни на указания политического руководства. Будучи человеком весьма эксцентричным, Врангель

превращал в кошмар жизнь собственного штаба, делал невыносимым пребывание при главной квартире иностранных дипломатов и открыто высказывал пренебрежение и недоверие к Бисмарку.

План Мольтке остался нереализованным. Фланговый обход не получился, поскольку был предпринят медленно и в явно недостаточном размере. Командующий датской армией генерал-лейтенант де Меца распознал замысел пруссаков и 5 февраля сделал ставку на быстрый отход. Преследование велось весьма вяло. Врангель сделал то, чего так опасался Мольтке — допустил отход датчан из Даневерке к мощным укреплениям Дюппеля — фланговой позиции, прикрывавшей путь в Ютландию.

Мольтке остался в Берлине и мог получать необходимую ему информацию только из частной переписки с Леонхардом фон Блументалем, начальником штаба I прусского корпуса, находившегося под командованием принца Фридриха Карла. «Человек весьма талантливый, но немного фантазер. Его планы приобретают грандиозный размах, который находится в противоречии с реальным положением дел», — так воспринимали шефа Генерального штаба многие его сослуживцы.¹³ Его влияние на ход событий было невелико; все указания ведущим боевые действия частям поступали из военного министерства.

Секретное австро-прусское соглашение предусматривало ограничение театра военных действий территорией Шлезвиг, и ситуация стала патовой. 11 февраля Мольтке был направлен в главную квартиру действующей армии. Не посвященный в суть дипломатических соглашений, он настаивал на выдвижении против Дюппеля сильного заслона и продолжении наступления вглубь Ютландии. Сомневавшийся Врангель отправил 14 февраля запрос королю, который, однако, строго запретил любой переход границы собственно Дании. Мольтке отправился обратно, не добившись ровным счетом ничего.

В Берлине он практически убедил в своей правоте Вильгельма и Роона, однако Бисмарк был непреклонен: дипло-

матические соглашения должны соблюдаться. Положение Мольтке в тот момент было незавидным. Из всех сил пытаясь оказать влияние на происходившее, он словно бежал на месте; к нему не только не прислушивались, его часто не считали нужным даже информировать о ходе боевых действий. Даже Мария, трудившаяся в лазарете, приносила, казалось, больше пользы прусским войскам, чем шеф их Генерального штаба. Однако Мольтке не отчаивался. Как всегда, он старался мыслить на пару шагов вперед и разрабатывал планы на случай перерастания войны в общеевропейскую.

Тем временем передовые части пруссаков, не посвященные в тонкости дипломатических соглашений, пересекли границу и заняли Кольдинг. Их отзыву воспротивился Врангель, не желавший ничего и слышать об отступлении. В конечном счете, 6 марта австрийцы и пруссаки наконец-то договорились о дальнейшем продвижении на собственно датскую территорию. Два дня спустя началось наступление союзных частей, которое развивалось очень вяло, так что датчане могли спокойно отступить на острова.

В Ютландию устремились, в первую очередь, австрийские войска, пруссаки в большинстве своем остались блокировать Дюппель. Вильгельму и Врангелю нужна была громкая победа, и они повелели штурмовать мощные укрепления в лоб. После фактической неудачи ютландской операции они рассчитывали, что взятие Дюппеля сломит волю датчан к сопротивлению. Мольтке горячо возражал против этого: взятие укреплений вызовет, возможно, моральный подъем на родине, но ничего не даст для победы — заявлял он всем, включая короля. Однако его доводы возымели лишь ограниченное воздействие.

Штурм Дюппеля начался после интенсивной артиллерийской и инженерной подготовки 18 апреля в 10 часов утра. С тактической точки зрения он оказался успешным. Укрепления были взяты, пруссаки организовали военный парад, долгие десятилетия историки прославляли взятие Дюппеля как одну из крупнейших побед германского оружия. На самом деле последствия этого кровопролитного сражения в стра-

тегическом плане были ничтожны — датчане в полном порядке отступили на остров Альс, разрушив за собой мосты. «Датское сопротивление еще далеко не сломлено», — считал Мольтке.¹⁴ Патовая ситуация возвращалась.

Мольтке страстно желал отправиться на театр боевых действий, причем имея соответствующие полномочия для ведения операций. Отчаявшись добиться успеха по официальным служебным каналам, он решил в полную силу задействовать свои придворные связи, обратившись к Мантойфелю с планом высадки на одном из островов (Альс или Фюн), отделенных от материка узким проливом. Это, считал Мольтке, развеет миф о неуязвимости датских островов и приведет к скорейшему окончанию войны. Мантойфелю план понравился. В еще больший восторг привела его возможность уязвить своих соперников в высшем военном руководстве. Глава военного кабинета незамедлительно устроил Мольтке аудиенцию у короля, который в конечном счете одобрил проект.

30 апреля на Мольтке были временно возложены обязанности начальника штаба союзных войск. Неудачи прусского командования проложили ему дорогу к славе и успеху. 2 мая 1864 года, спустя три месяца после начала войны, он оказался в главной квартире в Вайле, облеченный всеми необходимыми правами. Впрочем, даже теперь Мольтке не получил того положения, к которому стремился — единственного военного советника короля. Военный министр находил возможность ненавязчиво напомнить Мольтке, что тот все еще является его подчиненным — чего стоит хотя бы полученное шефом Генерального штаба разрешение присутствовать в качестве слушателя на докладах Роона королю.

Первую неделю в новой должности Мольтке занимался рекогносцировками и планированием операций. Он наконец-то задышал полной грудью — целый день проводил в седле, демонстрировал завидный аппетит, курил одну сигару за другой... Казалось, его мечты осуществились. Однако судьба словно решила сыграть над ним еще одну злую шутку. 25 апреля в Лондоне началась мирная конференция, и

дипломаты сели за стол переговоров. 12 мая было заключено перемирие. «Мне абсолютно непонятно, — делился Мольтке с Марией 17 мая, — как дипломаты выпутаются из создавшейся ситуации».¹⁵

Шефу Генерального штаба оставалось лишь заниматься планированием. По-прежнему он считал высадку на один из островов ключом к завершению кампании. В главной квартире тем временем была произведена рокировка: 18 мая на место Врангеля, с почетом отправленного в отставку, пришел более молодой и энергичный принц Фридрих Карл. С принцем Мольтке быстро нашел общий язык: оба они считали, что, если переговоры не увенчаются успехом, немедленно после окончания перемирия необходимо нанести по врагу мощный удар.

Датчане в Лондоне тем временем проявили неуступчивость. Переговоры завершились провалом, срок перемирия истек. Началась подготовка к десантной операции. Мольтке понимал, что датчане будут отчаянно сражаться — «на Альсе будет серьезная борьба, поскольку датчане борются за свое существование и не могут отступить».¹⁶

29 июня в 2 часа ночи авангард сил вторжения на 160 лодках и понтонах пересек узкий пролив, отделявший Альс от материка. Погода благоприятствовала пруссакам. Датчане открыли огонь слишком поздно, и он был слишком беспорядочным. К тому же на него немедленно ответили прусские батареи, заодно помешавшие войти в пролив датскому броненосцу «Рольф Краке».

Мольтке наблюдал за всем происходящим с берега пролива. Он напряженно всматривался в темную береговую линию Альса, на которой вела бой первая волна десанта. Удастся ли датчанам сбросить в воду пруссаков? Ответ на этот вопрос определял не просто успех или неудачу частной операции, но, по большому счету, и репутацию Мольтке как военного специалиста. Не случайно в письме Марии он назвал эти минуты «временем, когда все затаили дыхание».¹⁷ Но цепочка ружейных выстрелов упрямо двигалась на восток. По воде непрерывно перебрасывались подкрепления, и отступление

датчан стало всеобщим. Понеся сравнительно небольшие потери, пруссаки к 10 часам утра овладели Альсом.

Заняв остров, они начали немедленно готовиться к переправе на Фюн. Однако эти меры оказались излишними. Датское правительство осознало, что водные преграды не являются непреодолимыми для союзных немецких армий, а в Северное море прибыла мощная австрийская эскадра. 20 июля было заключено перемирие, 1 августа подписан прелиминарный мир. Согласно его условиям, король Дании полностью отказывался от своих прав на герцогства в пользу Пруссии и Австрии.

Прусские офицеры, в том числе и Мольтке, оставались еще некоторое время на театре военных действий. Главным событием августа стали раскопки древнего захоронения, в которых принимал деятельное участие весь состав главной квартиры. Видя всеобщий ажиотаж, Мольтке решил подшутить над археологами-любителями, подложив в захоронение дощечку с написанным руническим шрифтом именем руководителя раскопок — адъютанта принца Фридриха-Карла майора Бернута.

22 августа шеф Генерального штаба почти одновременно получил два ордена — прусский (орден короны I класса с мечами) и австрийский (большой крест ордена Леопольда). Вместе с ними пришло личное послание Вильгельма: «Посылая Вас в действующую армию, я не мог предсказать, насколько длительным станет Ваше пребывание здесь и найдете ли Вы возможность реализовать свой талант полководца. Но с того момента, как Вы заняли свою нынешнюю должность, Вы полностью оправдали мое доверие и мои ожидания».¹⁸ От командования штабом экспедиционной армии он был освобожден лишь 18 декабря.

Появление Мольтке на театре военных действий накануне решающего успеха и — главное — несомненный вклад в этот успех не подлежали никакому сомнению. Как напишет потом Ф. Меринг, «он появился как раз вовремя для того, чтобы вытащить телегу из болота».¹⁹ В этом было известное преувеличение; по большому счету, вклад Мольтке в успех

кампании не был решающим. В какой-то степени ему повезло оказаться в нужном месте в нужное время — высадка на Альс могла быть, в принципе, с тем же результатом проведена и без его участия.

Тем не менее, июнь 1864 года стал поворотным моментом в карьере Мольтке. Теперь его авторитет в глазах короля был исключительно высок; Вильгельм проникся доверием к нему и был готов передать в его руки судьбу следующей кампании. Были созданы все предпосылки для того, чтобы шеф Генерального штаба смог воплотить в жизнь свою идею о единоличном руководстве армией. Оставалось только дожидаться подходящего момента.

В ЛУЧАХ СЛАВЫ

После датской кампании личное влияние Мольтке серьезно увеличилось, но положение Генерального штаба практически не изменилось. Генерал сумел доказать монарху свои способности, но отнюдь не потенциал штабной системы. Теперь предстояло сделать большой и важный шаг: внедрить понимание того, что задача шефа Генерального штаба — не только помогать командующему руководить войсками на поле сражения, как это делали начальники штабов прусских армий эпохи Наполеоновских войн, но и тщательно готовить кампанию еще в мирное время, опираясь на слаженный труд своих подчиненных. Иначе говоря, доказать, что перо в тиши кабинета — в современных условиях не менее важное оружие победы, чем сабля на поле сражения.

Однако будет ли у Мольтке такая возможность? На какое-то время казалось, что его дни в должности шефа Большого генерального штаба сочтены. В прусской военной иерархии командир корпуса стоял выше, и поскольку Мольтке на деле доказал свои способности и мог рассчитывать на повышение, оставить его на прежнем месте значило бы обойти по службе. Сам он относился к подобной идее негативно. «Я не смогу принять командование корпусом, и для меня наверняка будет лучше закончить свою карьеру этим походом», — писал он жене. Отставка была назначена на весну 1865 года, «если не наступят новые потрясения».¹

Неясно, насколько серьезно можно расценивать подобные заявления. Будучи уже немолодым человеком, Мольтке мог в определенные моменты мечтать об отдыхе. Однако начатое им дело было еще далеко от завершения, и уйти сейчас — значило поставить на нем крест. В итоге мечты так и остались мечтами. На горизонте стала вырисовываться новая война — с Австрией.

Предлогом стал все тот же вопрос с северными герцогствами. Бисмарк был категорически против того, чтобы превращать их в независимое государство в рамках Германского союза, справедливо считая, что оно вряд ли станет верным союзником монархии Гогенцоллернов. Он хотел видеть герцогства частью Пруссии. Той же точки зрения придерживался и Мольтке. Для Австрии это было неприемлемо; вопрос о возможных компенсациях решить не удалось. Герцогства оставались в совместном владении двух великих немецких держав — ситуация, которая могла рассматриваться только как временная.

Бисмарк и Роон уже в начале 1865 года запрашивали у Мольтке данные об австрийской армии, и шеф Генерального штаба понимал, что министрами движет отнюдь не чистая любознательность. Вскоре после этой беседы в III отделе Генерального штаба было создано Центральное разведывательное бюро, основной функцией которого стал сбор данных об австрийских вооруженных силах. При всех его симпатиях к империи Габсбургов Мольтке был прусским патриотом и ставил на первое место интересы своей страны.

Важной вехой стал коронный совет 29 мая. Мольтке в первый раз с 1859 года присутствовал на совещании столь высокого уровня — явный знак доверия к нему со стороны монарха. Обсуждать предстояло проблему герцогств и австро-пруссские отношения. Практически все участники совета выступали за аннексию герцогств. Мольтке разделял эту точку зрения, заявив, что «выигрыш столь велик, что стоит войны»,² однако добавил, что пути примирения с Австрией необходимо держать открытыми.

Действительно, вскоре обстановка несколько разрядилась. В августе 1865 года была подписана Гаштейнская конвенция; в соответствии с ней, герцогства оставались в руках двух держав, однако Пруссия брала под свое управление Шлезвиг, а Австрия — Гольштейн. Кроме того, пруссаки получили возможность устроить в Киле свою военно-морскую базу и включили оба герцогства в Таможенный союз, находившийся под их эгидой и охватывавший почти все германские государства, кроме Австрии. Соглашение было исключительно выгодным для Пруссии, более того — оно стало важным шагом на пути к окончательному присоединению герцогств. Авторитету Австрии был нанесен громадный ущерб.

Пауза, однако, была недолгой. В конце 1865 года австро-пруссские отношения вновь ухудшились. 28 февраля 1866 года состоялось еще одно важное заседание коронного совета, посвященное проблемам внешней политики. Мольтке опять оказался в числе приглашенных. Основным докладчиком стал Бисмарк, который обвинил Австрию в приготовлениях к войне и заявил о неизбежности военного конфликта. Курс на войну проводился главой правительства вполне сознательно. Эта схватка должна была решить целый ряд проблем: укрепить Пруссию, вывести ее на лидирующие позиции в Германии, разрешить продолжавшийся внутривосточный кризис, сломить оппозицию в ландтаге.

Мольтке к тому моменту смирился с неизбежностью конфликта и приступил к решению сугубо практических задач. Еще осенью 1865 года он написал сочинение «О маршевых порядках», которое уже было направлено на подготовку кампании против Австрии. Имея в наличии данные по глубине маршевых колонн и состоянию дорог на театре военных действий, писал шеф Генерального штаба, можно достаточно точно оценить быстроту передвижения как своих войск, так и войск противника. Армия, состоящая из нескольких корпусов, должна двигаться по нескольким различным дорогам, чтобы не утратить подвижность и быть в любой момент готовой к сражению. Любая преждевременная концентрация приводит к утрате подвижности, поэтому ее следует

избегать. Лишь непосредственно перед сражением можно сосредоточить все корпуса в одном районе. Концепция «маршировать отдельно — сражаться вместе», пока еще только для действий корпусов в рамках одной армии, создавала широкий фронт наступления, которое могло приобретать концентрический характер. На штабных учениях 1865 года идеи Мольтке прошли успешную апробацию.

Зимой 1865—1866 годов Мольтке разработал планы новой кампании. Они предусматривали неожиданный удар по противнику в стиле Фридриха II. Мобилизация должна проводиться с максимальной быстротой, и уже в первый ее день нужно было объявить войну и начать боевые действия. Мощным ударом по Саксонии и Богемии следовало уничтожить войска противника до того, как они завершат свое сосредоточение. Соответственно, решающее значение приобретала скорость мобилизации и развертывания прусской армии. При этом Мольтке учитывал все сложности, которые существовали у империи Габсбургов — в первую очередь, нерешенный национальный вопрос, напоминавший мину замедленного действия.

Кроме того, Мольтке настаивал на военном союзе с Италией, который поставил бы Австрию между двух огней и заставил разделить свои силы. Почва для такого альянса имела. Война 1859 года далеко не полностью удовлетворила итальянские территориальные претензии — Венеция, древний город дожей, оставалась в руках Габсбургов. Молодое итальянское королевство в конце февраля откликнулось на прусскую инициативу. В середине марта в Берлин прибыл итальянский эмиссар генерал Говоне, с которым у Бисмарка состоялись недолгие, но достаточно трудные переговоры. Итогом их стал тайный союзный договор 8 апреля, носивший весьма необычный характер. В соответствии с текстом этого документа, в случае, если в течение ближайших 3 месяцев начнется австро-прусская война, итальянцы обязуются выступить на стороне Пруссии. Обе стороны обязались не заключать перемирия или мира без обоюдного согласия. Бисмарк и Мольтке тесно сотрудничали в выработке условий

договора, кроме того, Мольтке вел с Говоне переговоры, касавшиеся чисто военных вопросов.

Теперь на повестке дня стоял вопрос о непосредственном провоцировании военного столкновения. 9 апреля Бисмарк внес в сейм Германского союза вызывающее предложение: созвать избранный на основе всеобщего и равного избирательного права общегерманский парламент для обсуждения проектов реформ. Разумеется, для Вены это было неприемлемо. Маховик кризиса раскручивался все быстрее. 20 мая Мольтке писал брату Адольфу: «Война неизбежна. Я не думаю, что предотвратить ее — в человеческих силах».³ Тем не менее он считал, что она необходима: «Пруссия должна теперь выполнить свою немецкую миссию».⁴ Так полагали далеко не все — значительная часть общественности в Пруссии и других германских государствах выступала за мирное решение конфликта, против войны, которую они считали братоубийственной.

Мольтке стремился вложить все силы в то, чтобы ускорить ход событий — Пруссия, армия которой могла быть отмобилизована и сосредоточена быстрее, чем австрийская (по расчетам Генерального штаба, 25 дней против 45), должна была воспользоваться этим преимуществом. Уже в конце марта были приняты первые меры, направленные на непосредственную подготовку к войне. Нетерпение Мольтке подхлестывали известия о начавшейся переброске австрийских частей в Богемию, к прусским границам. Выступая на совете министров 28 марта, шеф Генерального штаба сознательно обрисовал военные приготовления Австрии в наиболее мрачных тонах, чтобы подтолкнуть собравшихся к активным действиям.

Однако король колебался. Рост антивоенного общественного мнения и риск, сопряженный с конфликтом, заставили его быть осторожнее. Бисмарк и Мольтке сообща начали уговаривать короля. 14 апреля шеф Генерального штаба писал своему монарху: «Теперь, если уж мы решим объявлять мобилизацию, нам ни к чему бояться упреков в агрессии. Любое промедление решительно ухудшает наше положение».⁵

Мольтке вынужден был раз за разом совершенствовать свои планы, подгоняя их под складывающуюся ситуацию. Шеф Генерального штаба предполагал разделить войска на три армии, две из которых сконцентрировать между Дрезденом и Герлицем, а третью сформировать в Силезии. Первые две армии, согласно его расчетам, должны были наступать на Богемию; их сосредоточение следовало осуществить еще на прусской территории. Силезская группировка должна была в зависимости от обстановки нанести вспомогательный удар в тыл вражеской армии или соединиться с главными силами. Однако уже в середине апреля центр тяжести планировавшегося наступления был перенесен в Силезию. Мольтке буквально осыпал Вильгельма памятными записками, в которых на разные лады звучала мысль о необходимости скорейшего развертывания армии.

В итоге в первых числах мая король согласился начать сперва частичную, а затем и полную мобилизацию прусской армии. 25 мая состоялось очередное заседание королевского военного совета. Оно было созвано по инициативе Мольтке, который собирался представить свой план кампании. Шеф Генерального штаба настолько тщательно готовился к этому дню, что даже свою речь написал заранее и читал по бумаге.

Перед Мольтке стояла достаточно сложная задача. Было ясно, что многие малые и средние немецкие государства выступят на стороне Австрии. В то же время с географической точки зрения Пруссия была весьма уязвима — Рейнская область практически полностью отделена от основной территории, естественные рубежи отсутствуют, расстояние от австро-прусской границы до Берлина гораздо меньше, чем до Вены, сама граница весьма протяженная. Таким образом, пруссакам предстояло сражаться с превосходящими силами противника на двух направлениях — западном и южном. Чтобы добиться победы, Мольтке прибегал к упомянутому выше решению: практически все силы сосредоточить против одного из противников, которого следовало разбить как можно скорее, после чего развернуть войска против второ-

го. Конечно, если это потребуется — ведь «с ее [Австрии] поражением союз всех прочих противников развалится».⁶ Быстрая победа была необходима, в том числе исходя из внешнеполитических соображений — только в этом случае третьи державы (в первую очередь, Франция) будут избавлены от соблазна вмешаться и с позиции силы продиктовать условия мира.

Ключевым условием успеха было опередить противника в развертывании и первыми начать наступление. Это было не так просто, поскольку самое благоприятное время, с точки зрения Мольтке, было уже упущено. Следовательно, для скорейшего развертывания необходимо задействовать все пять железнодорожных веток, ведущих к австрийской и саксонской границам, и осуществить сосредоточение сил уже в ходе наступления на вражеской территории. В ходе концентрического наступления появится возможность разгромить австрийскую армию в Богемии. Согласно плану Мольтке, прусские войска на южном театре военных действий разделялись на три армии — Эльбскую во главе с генералом Эберхардом Хервартом фон Биттенфельдом (район дислокации — Торгау), Первую во главе с принцем Фридрихом Карлом (Лаузиц) и меньшую по численности Вторую во главе с кронпринцем (Силезия). Предпосылкой успешного наступления на Богемию должна была стать оккупация Саксонии.

Для того времени это были весьма смелые планы. Распыление сил считалось верной дорогой к поражению — а ведь фронт предлагавшегося Мольтке развертывания образовывал дугу длиной в 420 км, которая только постепенно должна была сократиться до 250 км. Новизна этого решения была такова, что изначально оно рассматривалось всеми, включая его автора, как вынужденная мера, неизбежное зло.

Мольтке понимал, что за последние полвека реалии поля боя серьезно изменились. Сгрудившись в одном месте, армия превратилась бы в неповоротливую массу, неспособную к быстрому и эффективному наступлению. Совершенно новую главу открыл железнодорожный транспорт; теперь район и скорость сосредоточения диктовались не в последнюю оче-

редь направлением и пропускной способностью железнодорожных линий. Следовательно, было необходимо максимально использовать железные дороги и не бояться рассредоточения сил в процессе развертывания. Нельзя сказать, что этим выводам Мольтке был обязан исключительно своему таланту. Время настоятельно диктовало многие из них, и зачастую шеф Генерального штаба просто шел наиболее целесообразным путем. Истинная его заслуга заключается в том, что он, в отличие от большинства своих коллег, не закрывал глаза на новые реалии и, несмотря на свой солидный возраст, был готов отказаться от устаревших догм и прислушиваться к требованиям времени. Было бы нелепостью представлять дело так, будто Мольтке уже накануне своих знаменитых кампаний имел полностью сформировавшуюся концепцию современной стратегии и тактики; нет, он учился вместе со всеми, но учился быстрее и плодотворнее, чем его коллеги. Именно в этом и заключался его талант.

Как говорил Мольтке спустя более чем 20 лет известному историку Фридьонгу, «мы не могли изменить географическую конфигурацию Богемии, которая глубоко вдается в Северную Германию, и были вынуждены выступить на широком фронте. <...> Отсюда следовал вывод — не ожидать нападения, а вторгнуться в Богемию и объединить свои силы на вражеской территории».⁷ Решение взять австрийскую армию в клещи созрело у начальника Генерального штаба по мере развития событий — продиктованное, опять же, в значительной степени объективными обстоятельствами. В начале кампании он еще собирался объединить силы двух армий до генерального сражения; план битвы при Кениггреце возник несколько позже, под влиянием опыта первых боев. Часто встречающееся утверждение о том, что Мольтке изначально планировал окружить австрийскую армию идеально согласованным маневром трех группировок, не соответствует действительности.

План Мольтке сразу же наткнулся на резкую критику. Ее озвучил на совете 25 мая генерал К. фон Войтс-Рец, начальник штаба I армии. В прошлом сотрудник военного ми-

нистерства, он с недовольством наблюдал за восхождением Генерального штаба и недолюбливал лично Мольтке, которого считал кабинетной крысой, ни разу не нюхавшей пороху. План, заявил он, чреват распылением сил и разгромом армии по частям. Необходимо сконцентрировать все силы у Лаузица, закрыв противнику дорогу на Берлин. Войтс-Реца поддержал Роон. Один из корпусных командиров, генерал Штайнмец, в это же время направил Мольтке письмо, критикуя его за распыление армии; похожие соображения высказывал и Говоне. Даже полвека спустя Р. Хессен писал о том, что «было в высшей степени опасно производить развертывания подобным образом, и все это <...> могло закончиться весьма печально», — если бы пруссаки имели перед собой Наполеона I, он, словно тигр, разметал бы их армии.⁸ Отечественный военный историк А. А. Строков называл прусское развертывание «стратегической ошибкой».⁹

Мольтке прекрасно понимал угрозу разгрома прусских армий по частям, но, считал он, «предотвратить подобную опасность помогут инициатива и быстрота».¹⁰ Последующий ход событий показал, что усовершенствование огнестрельного оружия сделало подразделения более стойкими в бою, и разбить их поодиночке в скоротечных сражениях стало значительно труднее. Противник, обрушившись на один из корпусов, должен был ждать удара во фланг и тыл со стороны других. Впрочем, тогда эти вещи еще не были очевидны, и план Мольтке обнаруживал смелость, граничащую с авантюрой.

Король, однако, заявил, что вопрос следует ставить не «Как мы поведем войну?», а «Как мы сохраним мир?» Кроме того, он не хотел оголять Рейнскую провинцию, перебрасывая дислоцированные там войска на юго-восток. По некоторым данным, Мольтке ответил на это так: «Я хотел бы спросить Ваше Величество, хотите Вы разбить австрийцев или нет?» — «Ну конечно же, да», — изумленно ответил король. «А тогда мы должны направить всю армию против Австрии. Два корпуса на Рейне не удержат французов, два дополнительных корпуса в Богемии сыграют решающую роль».¹¹

В итоге Мольтке пришлось пойти на определенные уступки, однако в общем и целом его план был принят.

Переброска войск к границе, осуществленная в соответствии с планами Генерального штаба, прошла достаточно гладко, а главное — в рекордно короткие сроки. В общей сложности в трех прусских армиях насчитывалось 254 тыс. человек (в том числе 205 тыс. пехоты и почти 25 тыс. кавалерии) при 796 орудиях. Самой слабой была Эльбская армия, перед которой была поставлена задача вторгнуться в Саксонию. Она состояла из VIII армейского корпуса и 14-й пехотной дивизии (46 тыс. человек). В I армию входили II, III, IV и кавалерийские корпуса — всего 93 тыс. человек. II армия (115 тыс. человек) состояла из Гвардейского, I, V, VI армейских корпусов и отдельной кавалерийской дивизии.

На западном театре военных действий пруссаки располагали лишь 50 тыс. человек при 121 орудии. Этой группировке, во главе которой был поставлен генерал Фогель фон Фалькенштайн, предстояло в первую очередь разгромить Ганновер до того, как его армия соединится с войсками южногерманских государств.

Австрийская полевая армия насчитывала в этот момент более 400 тыс. человек. Однако необходимость сражаться на два фронта заставила разделить силы. В состав Северной армии, предназначенной для действий против Пруссии, входила 271 тыс. человек при 744 орудиях. Вопреки ожиданиям Мольтке, она концентрировалась не в Северной Богемии, а в Моравии, в районе Ольмюца. Командующим Северной армией был назначен фельдцейхмейстер Бенедек — один из лучших полководцев, имевшихся в распоряжении Вены, однако совершенно незнакомый с богемским театром военных действий. Бенедеку пришлось столкнуться со множеством проблем самого различного характера. Финансовые сложности, непрерывно преследовавшие Австрию в течение последних десятилетий, привели к нехватке в армии самого необходимого. Вооружение тоже оставляло желать лучшего — австрийские дульнозарядные ружья системы Лоренца не шли ни в какое сравнение с прусскими игольчатыми винтовками

системы Дрейзе, уступая им по скорострельности в три раза. При этом австрийской пехоте предписывалось атаковать противника плотными батальонными колоннами, что неизбежно должно было привести (и привело) к катастрофическим потерям. Единственным родом войск, где ситуация была достаточно благоприятной для австрийцев, являлась артиллерия, более современная, чем у их противника.

Главное, на чем по-прежнему настаивал в этот момент Мольтке, — скорейшее начало кампании, поскольку в противном случае пруссаки лишатся всех преимуществ быстрой мобилизации. «Очевидно, что они [австрийцы] становятся сильнее с каждым упущенным нами днем», — убеждал он в конце мая.¹² Наступление, говорил он, должно начаться не позднее 5—6 июня. Однако полностью добиться своего ему не удалось.

Зато 2 июня Мольтке получил послание короля, гласившее: «Я направляю Вам копию Моего сегодняшнего приказа военному министру, в соответствии с которым Мои распоряжения относительно оперативных передвижений армии и ее составных частей будут передаваться командным инстанциям через шефа Генерального штаба. Тем не менее, Вы должны без промедления ставить военное министерство в известность относительно хода дел».¹³ Фактически это означало, что Мольтке становился главным военным советником короля на театре военных действий. Положение, к которому он стремился и которое считал оптимальным для пользы дела, было наконец установлено. Подчинение Генерального штаба военному министерству практически ликвидировалось. 8 июня Мольтке — одновременно с Рооном — был произведен в генералы от инфантерии.

Назначение Мольтке главным военным советником монарха с широкими полномочиями породило волну скептических откликов. Многие коллеги относились к нему с откровенным недоверием. Генерал-адъютант короля Германн фон Бойен рисовал мрачную картину: «Во главе — король на семидесятом году жизни, рядом с ним — Мольтке, отживший свой век. Что из всего этого может выйти?»¹⁴

1 июня Австрия вынесла вопрос о северных герцогствах на рассмотрение Германского союза, одновременно объявив о намерении создать 11 июня гольштейнские сословия. Прусская сторона немедленно объявила это нарушением Гаштейнской конвенции и приступила к оккупации Гольштейна. 10 июня прусский министр-президент направил германским правительствам проект нового союзного договора, исключавшего Австрию из состава обновленного Германского союза. Через два дня монархия Габсбургов разорвала дипломатические отношения с Пруссией. 14 июня Союзный сейм во Франкфурте принял по предложению Австрии решение о мобилизации германской армии без прусского контингента. Бисмарк в тот же день охарактеризовал этот акт как грубейшее нарушение конституции, означающее фактическую ликвидацию союза и объявление войны. Саксонии, Кургессену и Ганноверу было в ультимативном порядке предложено примкнуть к Пруссии. После отказа всех трех государств прусские войска пришли в движение.

Вечером 14 июня Бисмарк пригласил к себе Мольтке и спросил его, возможно ли начать наступление уже через два дня. Шеф Генерального штаба оказался в новой ситуации: если раньше политики всячески сдерживали его, то теперь, наоборот, начали торопить изо всех сил. Тем не менее Мольтке ответил утвердительно, правда, не упустив случая пошутить над Бисмарком. «Вы уже знаете, что саксонцы взорвали дрезденский мост через Эльбу? — спросил он с серьезным выражением лица. И, выдержав трагическую паузу, добавил: — Водой, из-за пыли». Это была непереводаемая игра слов; в немецком языке слово «sprengen» имеет два значения — «взрывать» и «поливать». «Наклонность к безобидным шуткам прорывалась у него при служебных отношениях, какими были наши, лишь изредка», — вспоминал впоследствии Бисмарк.¹⁵

Мольтке готовился к тому, чего, по сути дела, ждал всю свою жизнь — к руководству крупной армией. Стилль коман-

дования был избран им еще до начала кампании; он намеревался давать лишь самые общие указания, оставляя конкретные детали на усмотрение командиров соединений. Об этом он писал 9 июня Блументалю, ставшему начальником штаба II армии, заявляя, что рассылаемые им директивы обязательны к исполнению, но предусматривают большую свободу действий командующих армиями и их штабов.¹⁶ Система директив гораздо больше подходила современной действительности, нежели система централизованного приказа; в конечном счете, она оправдала себя, хотя высшие офицеры порой пользовались своей свободой совсем не так, как хотел бы Мольтке.

16 июня с вторжения прусских войск в малые государства, примкнувшие к Австрии, начались военные операции. В тот же день Франц Иосиф приказал Бенедеку ускоренным порядком выдвинуться в Богемию. Австрийский командующий рассчитывал оказаться между двумя прусскими группировками и разбить противника по частям. Заодно планировалось соединиться с передовыми частями, действовавшими совместно с саксонской армией.

22 июня Мольтке от имени короля приказал сконцентрированным на австрийской границе армиям начать вторжение в Богемию в направлении на Гичин. «Конечно, это не должно означать, что данный пункт должен быть достигнут при любых условиях, — писал шеф Генерального штаба. — В большей степени место соединения должно зависеть от хода событий. <...> Руководство каждой из армий должно с того момента, как встретит противника, действовать по собственному разумению, но при этом обязательно учитывать положение дел у своих товарищей».¹⁷ Мольтке не желал, чтобы вся масса прусских войск сгрудилась в одном месте до того, как произойдет решающее столкновение с противником. Командующим следовало действовать по ситуации.

С наибольшими сложностями при продвижении предстояло столкнуться II армии, которой необходимо было пересечь труднопроходимые, хотя и не укрепленные австрийцами горные перевалы. Благоприятное время было упущено,

австрийские корпуса вполне могли преградить дорогу кронпринцу. Именно поэтому I армии было приказано как можно скорее продвигаться вперед, чтобы отвлечь противника на себя.

Неясность намерений австрийцев заставила Мольтке немало поволноваться. Прусская разведка оказалась на первых порах не в состоянии в полной мере вскрыть систему дислокации австрийских корпусов и их передвижения. «С информацией, вопреки всем усилиям, дело обстоит туго», — жаловался Мольтке Блументалю 24 июня.¹⁸ Однако в целом он оценивал ситуацию как благоприятную.

Северная армия австрийцев, не успевшая полностью подготовиться к предстоящей кампании, медленно двигалась из Моравии в Богемию. Сильно растянувшись в длину (до 120 км), основная масса войск маршировала по трем расположенным поблизости друг от друга параллельным дорогам. Бенедек стремился держать все войска как можно ближе друг к другу и за счет этого в значительной мере утратил подвижность. Частям не было предоставлено ни дня отдыха, интендантская служба плохо справлялась со своими обязанностями. Естественно, это не могло не сказаться на боеспособности солдат. Бенедек планировал сконцентрировать свои силы к 29—30 июня в районе Гичина, чтобы дать там генеральное сражение I армии.

Мольтке беспокоился в первую очередь о том, чтобы две главные прусские армии как можно скорее оказались в состоянии оперативно поддержать друг друга. «Я день и ночь думаю о том, как по возможности усилить ту из армий, которую атакуют главные силы австрийцев», — писал он.¹⁹ Ему пришлось постоянно торопить командование I армии с дальнейшим продвижением. 26 июня состоялось первое относительно крупное сражение. Группировка в составе I-го австрийского и саксонского корпусов, находившаяся под командованием кронпринца Саксонского, попыталась занять оборонительную позицию в районе Турнау-Мюнхенгретц на реке Изер. Однако удержать ее под ударом прусской пехоты не удалось; австрийские колонны буквально истекали кро-

вью в прусском ружейном огне. Потери пруссаков составили 130 человек убитыми, австрийцев — 1048. Подобное соотношение сохранилось и в последующих столкновениях.

Командование I армии попыталось сконцентрировать свои войска, удерживая их от боя с неприятелем. В результате 28 июня соединение кронпринца Саксонского смогло беспрепятственно отступить в направлении на Гичин, а продвижение пруссаков существенно задержалось. Вместо того чтобы окружить и разгромить австро-саксонскую группировку, пруссаки смогли нанести урон лишь ее арьергардам. «В этот день ясно выказались затруднения, сопряженные с одновременным движением сосредоточенных больших масс», — лаконично отмечала официальная прусская история войны.²⁰ Сам Мольтке, а за ним и Шлиффен называли такую ситуацию «гнусной крайностью сосредоточения» — «сосредоточенную массу нельзя было ни расквартировать, ни довольствовать, а прежде всего невозможно было передвигать».²¹ Это было тем более некстати, что на фронте II армии разыгрывались драматические события.

26 июня войска II армии в спешном темпе двигались по горным перевалам. Мольтке в своих посланиях Блументалю особо подчеркивал, что тот должен позаботиться о «правильном руководстве», то есть о синхронном начале наступления корпусов, использовании максимального количества дорог и взаимной поддержке частей в бою. Утром 27 июня австрийцы с переменным успехом пытались помешать прусскому наступлению у Находа и Траутенау. Однако здесь повторилась та же картина, что и при Мюнхенгреце: занявшие оборону пруссаки успешно отражали натиск первых австрийских бригад, перешедших в атаку. Их потери были примерно в 6 раз выше, чем у пруссаков. «Бой мишени против стрелка», — так характеризовал впоследствии эти сражения Шлиффен.²² Тем не менее, у Траутенау части I корпуса пруссаков потерпели поражение, и только высокие потери и ошибки командования австрийцев помешали им воспользоваться ситуацией.

На следующий день австрийские корпуса понесли новые потери и вынуждены были отступить. У этих боев была одна

общая черта: они начинались — и развивались — зачастую вопреки воле военачальников. Части вступали в столкновение неожиданно, до того, как кто бы то ни было успевал их должным образом сконцентрировать и подготовить к схватке. Бой теперь завязывался с ходу, как только противники замечали друг друга, а постоянно подходившие подкрепления питали сражение с обеих сторон. Сражения развивались по новым законам, и попытки втиснуть их в рамки старых шаблонов приносили только вред.

29 июня продвижение II армии продолжалось. I армия, вопреки первоначальным намерениям предоставить солдатам день отдыха, также пришла в движение. «Рано утром 29 июня Мольтке потребовал, чтобы I армия оставила в покое рожденного ее фантазией противника и без промедления шла на поддержку II армии», — писал Шлиффен.²³ Между двумя группировками оставалось не более 50 километров по прямой.

Войска кронпринца Саксонского вынуждены были отступать, не рискуя сражаться с превосходящими силами врага. Ночью завязалось серьезное сражение за Гичин, в ходе которого саксонцы успешно отразили две прусские атаки, однако были вынуждены отойти под угрозой окружения. 30 июня кавалерия I армии впервые вошла в соприкосновение с частями II армии. Дальнейшее сближение замедлилось — шефу Генерального штаба удалось сохранить разделение армий, необходимое для успеха предстоящего сражения, лишь «благодаря неоднократному вмешательству главной квартiry».²⁴

Сам Мольтке прибыл в Гичин 1 июля в составе главной квартиры короля. Ранее директивы войскам передавались по телеграфу — несмотря на частые обрывы на линиях, это новое средство связи зарекомендовало себя положительно. Однако существовавшая система связи все еще не позволяла управлять войсками на расстоянии — в Берлин, как правило, поступала уже устаревшая информация, соответственно успевали устареть и распоряжения из столицы. Накануне, 30 июня, у Мольтке был весьма напряженный день. По пу-

ти в распоряжение I армии главная квартира остановилась в Райхенберге, и Бисмарк, надевший по случаю войны униформу кавалерийского майора, прибежал к шефу Генерального штаба с известием о том, что их защищают лишь несколько сотен солдат, а в непосредственной близости находятся шесть неприятельских кавалерийских полков. «Разве это не опасно?!» — вопрошал глава правительства. «Да на войне, знаете ли, вообще все опасно», — спокойно ответил Мольтке в своем излюбленном стиле.²⁵

На фронте он, как и два года назад, почувствовал себя гораздо здоровее. «Мое самочувствие значительно улучшилось», — писал он жене 2 июля.²⁶ Проблем было более чем достаточно; новая система управления войсками, когда фактическим командующим являлся шеф Генерального штаба, оставалась непривычной для большинства высших офицеров, и в результате значительная часть жизненно необходимой информации просто не попадала к Мольтке. Окончательно взять в свои руки руководство на театре военных действий ему удалось лишь 2 июля.

Командование Северной армии склонялось к отступлению. Возможность разгромить пруссаков по частям, если она и существовала, была полностью упущена. Сконцентрированные на Эльбе австрийские корпуса находились далеко не на пике своей боеспособности, шесть из них серьезно пострадали в предыдущих сражениях. Моральное состояние солдат было откровенно плохим, и постоянные перебои в снабжении его отнюдь не улучшали. Тем не менее Северной армии удалось беспрепятственно отступить 1 июля на новые позиции позади речки Бистрицы, притока Эльбы. Этот маневр удался потому, что прусская войсковая разведка оказалась не на высоте и не смогла своевременно обнаружить передвижение противника. Вечером 1 июля Мольтке предполагал, что противник находится в районе Йозефштадта и планирует отступить на Ольмюц. В связи с этим он окончательно решил отказаться от объединения I и II армий и планировал дальнейшее наступление широким фронтом. О генеральном сражении в ближайшие дни речи пока не было.

2 июля прусское командование предоставило своим войскам отдых. В течение дня было приблизительно установлено новое место дислокации австрийцев, и на следующий день было назначено наступление. Изначально предполагалось, что противник занял позицию позади Эльбы, и Мольтке настаивал на том, чтобы I и II армии двигались по разным берегам реки — это, по его мысли, позволяло наверняка замкнуть кольцо окружения. Мольтке все еще не располагал информацией относительно оборонительной позиции противника и опасался, что враг может попытаться уйти. Поздно вечером, однако, поступила информация о том, что австрийцы сконцентрировались на левом берегу Эльбы; правда, точный состав их сил был неизвестен, и Генеральный штаб предполагал увидеть перед собой лишь часть Северной армии. Мольтке был вне себя от радости: противник сам заманил себя в ловушку, из которой не было выхода! «У меня лишь одна забота — чтобы неприятель от нас не ускользнул», — сказал он позднее Бисмарку.²⁷

3 июля состоялось крупнейшее сражение всей кампании — битва при Кениггреце (Садовой). Обычно именно ему приписывают решающую роль в исходе войны. С этим трудно согласиться. Австрийские части были серьезно потрепаны в предыдущих боях. В последних числах июня австрийские войска потеряли в 8 сражениях более 30 тыс. солдат и офицеров. 1 июля Бенедек отправил императору донесение, в котором просил о скорейшем заключении мира. «Умоляю Ваше Величество заключить мир на каких бы то ни было условиях; катастрофа для армии неминуема», — писал австрийский полководец.²⁸ Еще до генерального сражения он считал кампанию проигранной. Однако Франц-Иосиф не собирался сдаваться так быстро и настоял на том, чтобы Северная армия дала бой врагу.

Бенедек выбрал для сражения позицию на левом берегу Эльбы, возле деревни Садова. Место было намечено исключительно удачно: рельеф местности благоприятствовал австрийцам. Их войска, изогнувшиеся дугой, оба конца которой упирались в Эльбу, занимали господствующие высоты

и были прикрыты с фронта небольшой речкой Бистрица, рощами и болотами. Инженерные части успели выстроить ряд полевых укреплений и навести в тылу 6 мостов через Эльбу, чтобы иметь возможность быстро отступить в случае необходимости.

Общая численность Северной армии составляла на этот момент около 215 тыс. человек. Этой массе противостояло утром 3 июля около 85 тыс. человек, входивших в I прусскую армию, при которой находились король Пруссии Вильгельм I и Мольтке. На подходе находились 40 тыс. человек Эльбской армии и — на большем удалении — II армия численностью почти 100 тыс. человек. Силу противника утром 3 июля Мольтке оценивал как минимум в три армейских корпуса (тогда как на самом деле ему противостояли восемь).

План Мольтке заключался в том, чтобы фронтальной атакой I армии сковать противника до того момента, когда II армия нанесет ему фланговый удар. Одновременно Эльбской армии следовало обойти с юга левый фланг неприятеля, отрезать его от переправ через Эльбу и, таким образом, лишить всякого пути отступления. Мольтке планировал не просто нанести противнику поражение, а уничтожить его.

День 3 июля выдался непогожим: моросил мелкий дождь, было довольно прохладно для середины лета. В 8 часов утра представители главной квартиры (из офицеров Генерального штаба — Мольтке, Подбельски и Вартенслебен) появились на поле предстоящего сражения. Одновременно прусские дивизии II и IV корпусов вступили в бой. Фридрих Карл советовал подождать, но Мольтке спешил связать противника боем, опасаясь отхода австрийцев и рассчитывая, что не позднее 11.30 в дело вступят части II армии. Он по-прежнему недооценивал силу находившегося перед ним врага.

Первоначальные успехи прусской пехоты были вскоре поставлены под вопрос мощным огнем австрийской артиллерии. Прусские батареи были в это время практически лишены возможности поддержать свои части. Наиболее драматические события разворачивались в лесу Свиб около селения Чистовец и в лесу Хола. Здесь соответственно 7-я и 8-я пе-

хотные дивизии атаковали противника, смогли продвинуться вперед, после чего вынуждены были отражать постоянные контратаки превосходящих сил врага. Прусские батальоны истекали кровью, ведя неравный бой. Однако они выполнили свою задачу, связав противника. Так, в лесу Свиб 14 батальонов при поддержке 24 орудий приковали к себе 49 австрийских батальонов и 120 орудий. Эти силы были частью переброшены с правого, северного фланга, который таким образом в значительной степени оголился. Вывести их из боя и вернуть на прежние позиции, как намеревался Бенедек, уже не представлялось возможным.

Утренний бой был наиболее драматичным во всем сражении и поэтому приковывал к себе основное внимание как современников, так и историков. Однако на самом деле он был лишь первой частью плана, прекрасно продуманного Мольтке. То, что атакующие не прорвали фронт противника, не имело большого значения; их основной задачей было сковать как можно больше австрийских частей, и с ней они блестяще справились. Именно этим объясняется спокойствие шефа прусского Генерального штаба, которое так удивляло окружающих.

Мольтке вместе с королем и Бисмарком находился на одной из окрестных высот, с которой можно было наблюдать за ходом сражения. Он категорически возражал против посылки любых подкреплений, приберегая свежие силы для решающего момента. Ближе к полудню напряжение стало нарастать: атака I армии явно захлебнулась, а войска кронпринца все не показывались. Даже король, казалось, начал сомневаться в способностях своего паладина. «Мольтке, Мольтке, мы проигрываем сражение!» — запричитал он. «Ваше Величество выиграют сегодня не просто битву, а всю кампанию», — отозвался шеф Генерального штаба. Глава правительства выбрал свой способ проверить Мольтке: протянул ему открытый портсигар, в котором оставались всего две сигары. Генерал спокойно и без колебаний выбрал лучшую из них, что Бисмарк счел хорошим признаком: уверенность шефа Генерального штаба была не наигранной.²⁹ Моль-

тке к тому моменту уже понял, что перед ним — главные силы противника, и потому запланированные фланговые удары вряд ли окажутся в состоянии отрезать австрийцев от переправ. Однако он с уверенностью рассчитывал по меньшей мере серьезно потрепать вражескую армию.

Около 11.00 начали подходить части Эльбской армии, которые нанесли удар по левому флангу Бенедека, отеснив назад саксонский корпус. Правда, они действовали не самым эффективным образом — во-первых, была использована только одна переправа через Бистрицу, во-вторых, была упущена возможность обойти левый фланг австрийцев и отрезать им путь к отступлению. Примерно в 13.00 Фридрих Карл предложил бросить в бой все силы I армии, но Мольтке отверг подобное решение как преждевременное. А в 14.00 по практически оголенному правому флангу Бенедека нанесли удар свежие части II армии. Опоздание не уменьшило эффективность их действия: фактически с этого момента битва была окончательно и бесповоротно проиграна австрийцами.

Бенедек бросил навстречу наступающим пруссакам 6-й корпус, ранее находившийся в резерве, и попробовал вывести из сражения 2-й и 4-й корпуса. Как уже говорилось выше, последнее ему не удалось. Гвардейские части с ходу взяли Масловед и Хлум — ключевые пункты австрийской обороны на правом крыле. Части кронпринца вышли практически в тыл австрийским войскам, сражавшимся против I армии, и открыли по ним эффективный артиллерийский огонь.

Контрудары австрийских резервов не привели к существенным успехам. Единственное, чего удалось добиться австрийцам — остановить продвижение передовых частей II армии, однако подкрепления были уже на подходе. Ситуация для австрийцев стала критической, к 16.00 необходимость отступления была очевидной.

Отход основной части австрийской армии прикрывали кавалерия и многочисленные артиллерийские батареи, действовавшие достаточно эффективно и не позволившие пруссакам завершить разгром пехоты. Тем не менее австрийское отступление быстро вышло из-под контроля. Масса людей

устремилась через Эльбу. Комендант Кениггреца, испугавшись пруссаков, закрыл ворота перед отступавшими, и тем пришлось в буквальном смысле слова штурмовать собственную крепость. Однако главная цель плана Мольтке — окружение противника — не была достигнута; фланговые удары оказались слишком слабыми.

Эффективное преследование отступавшего противника прусская армия организовать не смогла. В 17.30 командование остановило дальнейшее продвижение своих подразделений. Мольтке впоследствии объяснял это тем, что части на поле боя сильно перемешались и управление ими стало невозможным. На самом деле, прусское командование, в том числе и шеф Генерального штаба, просто не сумело сразу оценить масштаб одержанной победы; к примеру, число захваченных орудий было в первые часы после боя оценено в 9 раз ниже реального. Быстрое отступление австрийцев вновь заставило его усомниться в том, что перед пруссаками была вся австрийская армия, и предполагать свежие силы противника на другом берегу Эльбы. Находились среди прусских офицеров и такие, кто в конце дня спрашивал: кто же, собственно, одержал победу? «В какой степени эта победа потрясла нравственный элемент австрийской армии, этого невозможно было знать достоверно ни в тот день, ни даже на следующий», — оправдывались авторы официальной истории войны.³⁰

Второе по величине сражение XIX столетия (после битвы под Лейпцигом 1813 года) завершилось. Хотя отсутствие преследования не позволило пруссакам полностью разгромить австрийскую армию, ее потери были весьма велики — около 43 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Потери прусской армии составили менее 10 тыс. человек. Пруссаками было захвачено 174 орудия.

Битва при Садовой зачастую описывается историками с излишним драматизмом. Утверждается, что, если бы Бенедек решительно ударил по I армии утром или II армия не успела бы подойти к середине дня, сражение было бы однозначно проиграно и Пруссия лишилась бы всяких надежд на

победу в войне. На деле эти слова свидетельствуют только о непонимании обстоятельств разыгравшегося боя. Любая австрийская контратака неизбежно захлебнулась бы в частом огне прусской пехоты, как это происходило в приграничных сражениях. К тому же Мольтке, предусмотрев такую возможность, держал в резерве свежий III армейский корпус. Даже успешный удар по I армии стоил бы Бенедеку такой крови, что подошедшая II армия нанесла бы его потрепанным и перемешанным войскам неизбежное поражение. Сам Мольтке считал, что решительное наступление Бенедекка привело бы к более серьезному поражению австрийцев, поскольку Вторая армия в этом случае смогла бы зайти его частям не во фланг, а в тыл.

Итог сражения был весьма неоднозначен. С одной стороны, никто не сомневался в том, что одержана крупная победа; с другой — одержанный успех мерк по сравнению с тем, что могло бы быть достигнуто, если бы план Мольтке был полностью реализован. Сам шеф Генерального штаба впоследствии заявлял, что «все удалось прекрасно; особенно хорошо было то, что три прусские армии смогли соединиться на поле сражения, причем именно в тот момент, когда это было желательно»³¹, и называл Кениггрец «достойным венцом всего нашего похода».³² Однако он выдавал желаемое за действительное. Эластичность плана Мольтке, которая не дала ему провалиться вопреки отвратительным погодным условиям и неверной оценке сил неприятеля, имела и свою оборотную сторону, оставляя военачальникам свободу действовать по собственному усмотрению и ведя к несогласованности действий.

Сам шеф Генерального штаба после сражения чувствовал, в первую очередь, невероятную усталость. Встав в четыре утра, он за весь день съел лишь две плитки шоколада и ломтик колбасы, которым его угостил встречный улан. «Во многих местах равнина была буквально покрыта телами людей и лошадей, — написал он жене. — Ружья, горны, шинели и многое другое лежало повсюду. Я видел ужасные раны, и никто не мог прийти на помощь. Один офицер просил нас

застрелить его. Санитары работали без передышки, но число раненых было слишком велико».³³ Лишь в час ночи шеф Генерального штаба добрался до квартиры в Гичине, где, голодный и озябший, прямо в шинели лег на кровать и забылся глубоким сном.

Сделал ли он все, что мог, для успеха битвы? В конце концов, несмотря на указ от 2 июня, его возможности были ограниченными. Он не был главнокомандующим в полном смысле этого слова, «был лишен достаточного авторитета и <...> должен был довольствоваться вежливыми советами, учтивым составлением директив и тому подобными средствами и только в крайней нужде он мог королевским приказом устранять грубейшие ошибки».³⁴ Там, где он имел возможность, он вмешивался в ход сражения, исправляя и корректируя, приспособливаясь к обстоятельствам и творчески используя их. Было бы ошибкой требовать от него больше, чем он и так сделал в этот знаменательный день.

Несмотря на битву при Садовой, война еще была далека от завершения. Австрийская армия отходила в относительно порядке, и практически никто не мешал ей собраться с силами. На южном фронте австрийцам удалось одержать значительную победу при Кустоцце, и Южная армия эрцгерцога Альбрехта начала движение в направлении Вены.

Пруссакки продолжили свое наступление 7 июля, когда их части отдохнули и были приведены в порядок. У них тоже хватало проблем — система снабжения хромала, и зачастую солдатам приходилось питаться мясом убитых лошадей. Уже 5 июля Мольтке сообщил штабам армий о необходимости начать планомерные, хорошо организованные реквизиции, при этом не допуская мародерства. В дальнейшем был принят еще ряд мер, направленных на ликвидацию кризиса снабжения.

Только начав наступление, пруссакки полностью осознали масштаб как самого сражения, так и потерь противника. В письме Марии Мольтке красочно описывал дорогу, по которой отступали австрийцы: «Свидетельства беспорядочного бегства множились. Тысячи горнов, кепи, перевязей и сабель

покрывали поле. <...> Сотни повозок всех видов. Телеги, полные снарядов и патронов, санитарные кареты с корпией, бинтами и склянками, повозки с офицерской поклажей, частично перевернутые, частично сброшенные в болото».³⁵

Вдогонку за Бенедекком к Ольмюцу была направлена лишь II армия, а I и Эльбская двинулись прямой дорогой к австрийской столице. В прусской главной квартире в этот момент возникли серьезные разногласия. Опыяненный победой монарх, которого поддержали многие военачальники, в том числе и Роон, намеревался триумфально въехать в Вену на белом коне. Противоположной позиции придерживался Бисмарк, который не упускал из виду действительных целей войны: утвердить гегемонию Пруссии в Германии. Для этого совсем не обязательно было доводить противника до полного разгрома. Наоборот, не унижая Австрию, можно было оставить открытыми двери для нормализации отношений. Это было особенно важно, поскольку у Пруссии оставался могущественный противник — Франция. Наполеон III, как и многие европейские государственные деятели, был явно ошарашен быстрым поражением австрийской Северной армии. Чрезмерное усиление Пруссии не входило в его планы. Франц Иосиф начал искать мира, и Наполеон по его просьбе с удовольствием выступил посредником. Сделал он это в весьма навязчивой форме, граничащей с прямым давлением. Бисмарк запросил Мольтке, готова ли прусская армия к столкновению с французами. «Его ответ гласил: оборонительная тактика против Австрии, ограничивающаяся линией Эльбы, а тем временем — ведение войны против Франции».³⁶

Ожесточенные споры разгорелись на военных советах 12, 19 и 23 июля. Король был непреклонен, но на стороне Бисмарка оказались два важных союзника: во-первых, кронпринц, и, во-вторых, Мольтке. Шеф Генерального штаба, как и глава правительства, трезво оценивал ситуацию и понимал, что основные цели похода достигнуты — «надо не мстить, а использовать полученные преимущества».³⁷ Австрия уже не сможет в дальнейшем вести активную политику в Германии и препятствовать объединению последней вокруг

Пруссии. Отношение Мольтке к Австрии не изменилось; он по-прежнему считал империю Габсбургов в перспективе лучшим союзником Пруссии, поэтому с самого начала не планировал против нее «войну на уничтожение». Тем не менее он отнюдь не исключал возможности продолжения кампании и, как и подобает шефу Генерального штаба, принимал все необходимые для этого меры. 19 июля он настаивал на немедленной переправе через Дунай. Мольтке полагал, что для скорейшего заключения мира надо оказать на австрийцев максимально возможное давление. Возможно, именно это заставляет ряд исследователей ошибочно утверждать, что изначально он выступал за продолжение кампании вместе с королем и Рооном и лишь впоследствии согласился с доводами Бисмарка.

Уже 4 июля в ставку прусского короля прибыл Габленц, который предложил от имени императора заключение перемирия. Положение дел в империи Габсбургов приближалось к критическому; уже первые успехи пруссаков заставили ее забурлить, подобно кипящему котлу. Прусская сторона отвергла предложение Габленца, однако переговоры продолжались; от имени Вильгельма I их вел Мольтке.

На западном театре военных действий события развивались непросто, но — в основном — также в соответствии с планами шефа Генерального штаба. К 23 июня стратегическое окружение ганноверской армии стало свершившимся фактом, и несколько дней спустя она капитулировала. Южногерманским государствам долго не удавалось объединить свои силы до конца июля, а в боях под Вюрцбургом 24—26 июля их армии потерпели ощутимое поражение. К тому моменту, однако, судьба войны уже была решена.

21 июля было подписано австро-прусское перемирие. «Еще 19 июля начальник Генерального штаба армии полагал, что под Веной должны произойти решительные столкновения, если только дипломатия не вмешается», — писал Мольтке впоследствии.³⁸ Однако под давлением целого комплекса обстоятельств австрийское руководство согласилось закончить войну на прусских условиях. 26 июля в Никольсбурге

был подписан австро-прусский предварительный мир. Германский союз ликвидировался, Австрия фактически устранялась от любого участия в германских делах. Кроме того, она выплачивала контрибуцию и передавала Италии Венецию. Пруссия аннексировала Шлезвиг-Гольштейн, Кургессен, Ганновер, Нассау и Франкфурт-на-Майне. Южногерманские государства отделались уплатой контрибуций и заключением оборонительных и наступательных союзов с Пруссией, северогерманские объединились в 1867 году в конфедерацию — Северогерманский союз, находившийся под эгидой Пруссии. Еще один шаг на пути к германскому единству был сделан.

* * *

28 июля 1866 года, после ратификации предварительного мира с Австрией, Мольтке был удостоен ордена Черного орла — одной из высших наград Пруссии. Сентиментальный король обнял и расцеловал своего верного паладина, кронпринц предоставил для церемонии собственную орденскую звезду. Это было лишь малой толикой той волны признания, которая буквально захлестнула Мольтке после победы при Кениггреце. Мало кому известный «кабинетный генерал» в одночасье стал едва ли не национальным героем. Слава Мольтке загремела по Пруссии, Германии, а потом и по всему миру. Иностранные послы начали прислушиваться к его словам; когда Бисмарк в очередной раз заболел, Мольтке называли его возможным преемником на посту главы прусского правительства.

20 сентября состоялся торжественный парад победителей в Берлине. Первым под Бранденбургскими воротами проскакал сам король, непосредственно за ним, в одном ряду — Бисмарк, Роон и Мольтке. В тот же день последний был назначен почетным шефом Второго померанского гренадерского полка — глубоко символический акт, если учесть, что его предшественником на этом посту являлся сам Гнейзенау.

Газеты наперебой писали о нем статьи, журналисты стремились взять интервью. Немногим счастливицам это даже удавалось. Корреспондент журнала «Дахайм» А. Мельс получил аудиенцию у шефа Генерального штаба сразу же после возвращения победоносных войск из Богемии. «Ваше превосходительство, — заявил журналист, — пожалуй, нет ни одной газеты ни в Германии, ни за рубежом, которая бы в последние месяцы не напечатала хотя б отрывки из Вашей биографии». «Высокий, прямой, как свеча, он словно рожден для того, чтобы повелевать, выражение лица твердое, как сталь, и может показаться, что годы превратили его черты в мрамор», — так описывал Мельс Мольтке.³⁹ Именно таким будут рисовать его мифы. Мало кто пытался искать под непроницаемым, лишенным эмоций покровом живую человеческую душу, которой не чужды были страдания, сомнения, переживания.

«Невозможно описать, как приветливо нас встречают повсюду, — писал Мольтке из служебной поездки 1867 года. — Все путешествие — это сплошной праздник, повсюду на колокольнях вывешены флаги, шлагбаумы увиты цветами. В Пачкау весь город был иллюминирован, старые башни освещены бенгальскими огнями. В одном месте висел транспарант с моим портретом в натуральную величину».⁴⁰

Сам он относился к своей славе достаточно спокойно, можно сказать — философски. «У меня такая же антипатия к восхвалениям, как у некоторых людей — к определенным животным. Когда я слышу нечто подобное, настроение у меня портится на целый день», — сказал Мольтке однажды. Он любил рассуждать о том, насколько изменчива фортуна и как легко его скромная персона могла подвергнуться не восхвалению, а хуле, если бы прусская армия проиграла. «Когда я слушаю бесконечные хвалы со стороны публики, меня ни на минуту не покидает мысль: что было бы, если б успех <...> не увенчал наше предприятие? Разве бы не превратились эти незаслуженные хвалы в столь же некомпетентную критику, несправедливые порицания?»⁴¹ Однако, добавлял Мольтке, «счастье на длительное время улыбается лишь

достойному», — еще одна его фраза, ставшая впоследствии крылатой.

Однако успешная кампания, конечно же, оказала на своего творца серьезное влияние. Бернхарди, давно и хорошо знавший Мольтку, отмечал в мае 1867 года: «С прошлого года он весьма заметно изменился. Раньше он не знал, чего ожидать от самого себя, насколько он может сам себе доверять. Но после прошлогодней кампании он выступает с апломбом, который прежде был ему чужд. Он полностью доверяет себе, что идет ему на пользу — тем более что это не сделало его невосприимчивым к чужим мнениям».⁴² В возрасте 66 лет Мольтке наконец смог избавиться от комплексов, которые возникли у него в детстве и о которых он писал в своих юношеских письмах. Его самооценка оказалась на достаточной высоте. Кампания 1866 года стала, пожалуй, во всех смыслах главным рубежом в его жизни.

Разумеется, нашлось и достаточно завистников. Даже Блументаль называл его «гениальным человеком, который не имеет никакого понятия о практической жизни и ничего не понимает в передвижениях войск».⁴³ По крайней мере, так значилось в его письме к супруге с театра боевых действий, перехваченном австрийцами и немедленно опубликованном ими. В том же послании Блументаль заявлял, что шеф Генерального штаба во многом следует его советам. Личные отношения между ними несколько ухудшились, хотя Мольтке открыто заявлял, что не прислушивается к чужим приватным письмам. Многие военные по-прежнему продолжали считать его план кампании ошибкой, которая увенчалась успехом лишь по чистой случайности. Именно такие оценки преобладали во французской армии.

Нужно отметить, что споры относительно полководческого искусства Мольтке продолжались и в XX веке — и, по большому счету, продолжают по сегодняшний день. В изобилии появившиеся после блестящих побед апологеты фельдмаршала приписывали ему способность гениально предвидеть весь ход кампании, разгромить противника согласно заранее составленному плану, не оставив ему ни малейшего

шанса. Сторонники противоположной точки зрения успешно атаковали слабые стороны этого «белого мифа». Так, историк-ревизионист Теренс Зубер, ставший известным благодаря отрицанию существования «плана Шлиффена», несколько лет назад опубликовал книгу «Миф о Мольтке», в которой доказывает, что шеф Большого генерального штаба являлся всего лишь удачливой посредственностью и его ошибочные планы не завершились провалом только в силу прекрасных качеств прусской пехоты и безынициативности его противников. В частности, Зубер утверждает, что «и развертывание, и кампания 1866 года были импровизированными и хаотичными. Мольтке не планировал битву при Кёниггреце и не контролировал ее ход».⁴⁴ Однако как сторонники «белого мифа», так и его критики впадают в одну и ту же крайность — одни наделяют своего героя прямо-таки сверхчеловеческими качествами, другие отрицают наличие у него хоть каких-либо заслуг. Истина, как это часто бывает, гораздо сложнее.

Реальный вклад Мольтке в победу над Австрией был очень велик. Именно ему принадлежал план развертывания, позволивший быстро перейти в концентрическое наступление и загнать австрийскую армию в ловушку. Битва при Кёниггреце также была в первую очередь делом его рук. В то же время не следует списывать со счетов такие важные факторы, как более высокий по сравнению с противником уровень подготовки и лучшее вооружение прусской пехоты, качественный офицерский и унтер-офицерский корпус, хорошая организация всего военного механизма в целом. Полководческое искусство Мольтке было важным, необходимым для быстрой победы, но не единственным фактором успеха.

Власть, влияние и возможности шефа Генерального штаба после победы 1866 года возросли на порядок. Соответственно, росло и значение подчиненной ему структуры. Теперь в ней числились 109 офицеров, 46 из которых служили непосредственно в Большом генеральном штабе в Берлине. В 1867 году Генеральный штаб был реорганизован, приняв на себя ряд функций, прежде принадлежавших военному министерству. Была фактически закреплена его монополия

на стратегическое планирование, а также составление планов мобилизации и развертывания армии. Мольтке старался собирать в стенах своей организации наиболее талантливых и интеллигентных офицеров; не случайно в 1868 году французский военный атташе в Берлине Стоффель писал: «Самое большое превосходство Пруссии, из которого она бесспорно извлечет наибольшие выгоды в будущей войне — это ее корпус офицеров Генерального штаба. Следует громко сказать, как неоспоримую истину: прусский Генеральный штаб — первый в Европе».⁴⁵

Однако далеко не все задачи, которые ставил перед собой Мольтке, были решены. Влияние Генерального штаба на армейскую жизнь оставалось весьма ограниченным, любые нововведения, на которых настаивал его шеф, наталкивались на серьезное сопротивление и проходили с большим трудом. В частности, вопросы тактики находились в значительной степени вне сферы полномочий Мольтке. Весьма напряженными оставались отношения с военным министерством, которое с видимым неудовольствием наблюдало за восхождением новой звезды в системе военных институтов Пруссии.

Тем не менее работа кипела. «О, если бы в сутках было на 24 часа больше!» — вздыхал Мольтке в одном из своих писем той поры.⁴⁶ Уже в 1867—1868 годах появилась подготовленная под его руководством официальная история войны с Австрией. Она была написана в его излюбленной манере — сухо, без всяких эмоций, зато с глубоким анализом как успехов, так и ошибок. «Страстные излияния, даже протекающие из патриотических чувств, не достигают цели любого исторического исследования — истины», — считал шеф Генерального штаба.⁴⁷ С одной стороны, он не приукрашивал действительность и довольно открыто писал обо всех просчетах прусского командования и недостатках в действиях армии. С другой, Мольтке по возможности старался не критиковать влиятельных особ, да и не все нюансы минувшей кампании следовало представлять на суд широкой общественности. «Писать правду, только правду, но не всю правду», — эта его установка стала впоследствии почти кры-

латым выражением. Произведение должно было «позволить увидеть допущенные ошибки, ни в коем случае не прятать их, но и не особенно выдвигать на первый план»,⁴⁸ а главное — укрепить доверие армии к Генеральному штабу и привить офицерскому корпусу новые воззрения на характер современной войны.

25 июля 1868 года на стол королю легла памятная записка «О выводах, полученных при изучении кампании 1866 года». В этом документе критическая составляющая выступила на первый план. Мольтке высоко оценивал действия прусской пехоты, но считал сугубо негативными результаты действий кавалерийских и артиллерийских частей, неудовлетворительными — инженерных. Победа — писал шеф Генерального штаба — это плод игольчатых ружей и ошибочной тактики австрийцев. «Если мы хотим выиграть следующую войну, мы не должны повторять своих ошибок 1866 года. Нельзя заблуждаться, что крупнейшая из них заключалась в том, что идеи высшего командования не смогли проникнуть к подчиненным военачальникам», — писал Мольтке.⁴⁹

В памятной записке содержались предложения по изменению тактики действий всех родов войск. В частности, в пехоте предлагалось заменить слишком громоздкую батальонную колонну ротной, полностью отказаться от атак через открытые пространства, еще больше перенести центр тяжести со штыкового на огневой бой. Поскольку взаимодействие различных родов войск оказалось явно не на высоте, шеф Генерального штаба призвал уделять ему особое внимание на учениях мирного времени. Кроме того, Мольтке предлагал ликвидировать структуру армейских корпусов в мирное время, сохранив при этом территориальную систему комплектования дивизий. По мысли шефа Генерального штаба, это позволило бы превратить дивизии в подразделения, способные самостоятельно решать задачи оперативно-тактического уровня. Многие из этих предложений не нашли поддержки у военного министерства и самого монарха или наткнулись на сопротивление консервативных генералов. Лишь часть из них была воплощена в жизнь.

Почти вопреки своей воле шефу Генерального штаба пришлось включиться и во внутривойсковую жизнь страны. Победа над Австрией разом разрешила затянувшийся «конституционный конфликт», наглядно продемонстрировав, что усиление армии не было простой прихотью короля и правительства. В 1867 году Мольтке баллотировался на выборах в рейхстаг только что созданного Северогерманского союза. Этот парламент комплектовался на основе всеобщего избирательного права — идея, которую Мольтке не одобрял. Ведь таким образом голос ученого профессора и малограмотного пьяницы, голос заслуженного генерала и бежавшего с поля сражения дезертира оказывались наравне. «Масса слепа, и горе тому государству и обществу, где она приходит к власти», — продолжал он считать.⁵⁰ Однако он считал нужным преодолеть свое отвращение к политике и выставить свою кандидатуру на выборах — видимо, сознавая свою долю ответственности за судьбу Германии. В конечном счете, став депутатом, он закроет дорогу к мандату какому-нибудь смутьяну — рассуждал шеф Генерального штаба. Вполне естественно, что в ходе предвыборной борьбы он позиционировал себя в качестве представителя консервативной партии. Мольтке одержал убедительную победу в Мемеле, представителем которого в рейхстаге — сначала северо-, а затем и общегерманском — оставался до конца жизни.

Несмотря на свое отвращение к парламентским институтам и высокую занятость, шеф Генерального штаба, в отличие от многих депутатов, пунктуально посещал заседания палаты. Это отнимало уйму времени, однако дебаты, по его мнению, были «в высшей степени интересны <...> В этом собрании есть весьма значительные таланты».⁵¹ С речами он выступал довольно редко — не чаще одного-двух раз в год (всего 41 раз за 24 года), в основном когда дело касалось военных вопросов. К выступлениям тщательно готовился.

Первую речь ему довелось произнести почти сразу после открытия первой сессии нового рейхстага. Она касалась проблемы военных расходов, которые либералы хотели утверждать ежегодно в рамках бюджета, а правительство —

зафиксировать на неопределенный срок. 5 апреля Мольтке весьма вежливо, но твердо указал депутатам их место, предложив не совать свой дилетантский нос в дела специалистов. «Есть много вещей, которые военное управление понимает лучше, нежели собрание прекрасных, патриотически настроенных людей, — не без сарказма говорил он. — Поставьте добровольное ограничение своим неоспоримым полномочиям; бывает необходимость, которая взрывает слишком узкие границы».⁵² В конечном счете фиксированный объем военных расходов был установлен на срок до конца 1871 года. В последующие годы Мольтке вновь приходилось брать слово, чтобы оградить армейские дела от любого вмешательства со стороны парламента. В среде консерваторов одно время даже циркулировала идея сделать его почетным председателем парламентской фракции. Впрочем, она достаточно быстро умерла — не в последнюю очередь из-за негативного отношения к ней самого шефа Генерального штаба. Свое слово сказал и Роон, просветивший штатских коллег, что Мольтке никогда не будет играть роль «полкового знамени», а потребует полномочий командира или, по крайней мере, начальника штаба.

И действительно, у Мольтке порой появлялись идеи, не очень типичные для помещика и консерватора. Так, в разговоре с Бернхарди в апреле 1869 года он заявил, что дворяне должны отказаться от своих привилегий. Это необходимо, чтобы вместе с крестьянами противостоять социализму, стремительное усиление которого Мольтке пророчески предрекал. «Мы — крупные крестьяне, наши интересы идентичны», — таким, по мнению Мольтке, должен был стать лозунг помещиков.⁵³ Эта идея во многом предвосхитила будущую тактику политического консерватизма, однако для своего времени была слишком революционной.

Основное внимание шефа Генерального штаба, разумеется, привлекала внешняя политика. Мольтке прекрасно понимал, что сложившуюся в Германии ситуацию можно охарактеризовать только как временную, и впереди — окончательное объединение страны. «На месте разорванной и потому

немогущей Германии начинает образовываться мощное единое государство, — высказался он в памятной записке в январе 1867 года. — Провозглашенный Францией принцип национальностей, будучи обращен против самой Франции, может привести к примечательным последствиям».⁵⁴ Сразу же после заключения мира с Австрией он настоятельно рекомендовал завершить объединение Германии, пусть даже ценой новой войны.

Возможность для такой войны появилась уже в 1867 году. Кризис был связан с великим герцогством Люксембург, расположенным на стыке границ Франции, Бельгии и Северогерманского союза. Люксембург принадлежал королю Голландии, но являлся членом Германского союза и Таможенного союза. Наполеон III, жаждавший территориальных приобретений, уже давно устремил свои взоры на герцогство. Приобрести его он собирался вполне законным путем, купив у голландского монарха. С кончиной Германского союза для этой сделки, казалось, исчезли последние препятствия, тем более что во время переговоров с французским послом Бенедетти Бисмарк отнесся к ней с явной благосклонностью.

Однако война с Австрией закончилась, и настроение главы прусского правительства резко изменилось. К началу 1867 года франко-голландские переговоры уже почти пришли к завершению, оставалось лишь выяснить позицию Пруссии, без согласия которой голландский монарх не хотел завершать сделку. Бисмарк, в свою очередь, предпринял ряд решительных шагов: во второй половине марта были опубликованы тайные оборонительные и наступательные союзные договоры с южногерманскими государствами (что неизбежно задевало интересы Франции), а 1 апреля в северогерманском рейхстаге прозвучал запрос лидера национал-либералов Беннигсена, касавшийся люксембургского вопроса: правда ли, что исконно германская земля достанется галлам?

Комизм ситуации заключался в том, что запрос был инициирован самим Бисмарком. Сохраняя полное спокойствие, канцлер дал развернутый и весьма туманный ответ, из которого следовало, что он своего согласия на сделку не давал.

Голландский король немедленно отказался от продажи Люксембурга, выгодная для Франции сделка была сорвана. Над Европой нависла угроза новой войны. Немецкая и французская пресса немедленно подняли шум, говоря об унижении и угрозе национальным интересам.

Мольтке находился в числе тех, кто активно выступал за войну. Он считал повод вполне подходящим для того, чтобы атаковать французов, а состояние армии противника — достаточно плачевным, чтобы с уверенностью рассчитывать на победу. И, когда «железный канцлер» запросил шефа Генерального штаба, готова ли армия к войне, Мольтке спокойно ответил: «В течение 10 дней армия завершит стратегическое развертывание вдоль Рейна и будет готова к защите западной границы».⁵⁵

«После войны, которая у нас позади, нельзя желать второй кампании, и никто не желает ее менее, чем я, — заявил Мольтке своему другу, одному из лидеров консерваторов графу Бетузи-Хуку в кулуарах рейхстага. — И все же я должен надеяться, что нынешний повод будет использован для войны с Францией; увы, я считаю эту войну неизбежной в течение ближайших 5 лет. В течение этого срока неоспоримое сегодня превосходство нашей организации и вооружение будет постепенно уменьшаться усилиями Франции. Итак, чем раньше мы выступим, тем лучше. Нынешний повод хорош. У него национальная основа, которую надо использовать».⁵⁶ Превентивная война против западного соседа занимала все мысли Мольтке. Он начал оказывать завуалированное, но ощутимое давление на политическое руководство, считая, что даже не слишком успешная кампания сплотит немецкие земли вокруг Пруссии и, таким образом, достигнет своей главной цели.

29 апреля состоялся коронный совет, на котором обсуждалось создавшееся положение. Мольтке настаивал на быстрой мобилизации армии, заявляя, что Франция сейчас слабее, чем когда-либо, и победа может быть куплена недорогой ценой. Шеф Генерального штаба планировал решительное наступление, в ходе которого можно будет оттеснить армию

противника от Парижа на юг и овладеть неприятельской столицей. Однако генерал слишком торопил события. Бисмарк считал, что момент для схватки еще не настал. Зондаж, предпринятый по дипломатическим каналам, убедил его: ни одно государство, включая южногерманских союзников Пруссии, не отнесется благосклонно к развязыванию новой войны. В начале мая конференция представителей великих держав в Лондоне урегулировала спорный вопрос. Прусские войска выводились из герцогства, взамен его нейтралитет гарантировался всеми участниками мероприятия. «С мнением Бисмарка трудно спорить, но в свое время оно будет стоять нам много человеческих жизней», — заявил по этому поводу Мольтке.⁵⁷ Канцлер, со своей стороны, был весьма недоволен его активностью. Ему казалось, что шеф Генерального штаба лезет не в свое дело.

* * *

Помимо прочих королевских милостей, Мольтке после победы над Австрией был удостоен еще одной, едва ли не самой значимой для него: шефу Генерального штаба была пожалована денежная дотация в размере 200 тысяч талеров. Человек, который в молодые годы отчаянно нуждался, стал к старости весьма состоятельным. Теперь он мог позволить себе осуществить заветную мечту — обзавестись поместьем.

В первую очередь Мольтке, конечно же, подумал о старых фамильных владениях в Мекленбурге. Однако они были слишком обширны и, как следствие, слишком дороги. Во время одной из своих служебных поездок в Силезию он случайно наткнулся на поместье, выставленное на продажу. Имение называлось Крайзау, вместе с ним продавались соседние поместья Нидер-Гредиц и Виришау. Находилось оно в округе Швайдниц, приблизительно в полусотне километров к югу от Бреслау. Имение приглянулось Мольтке, кроме того, с Силезией у него были связаны приятные воспоминания молодости.

1 августа 1867 года сделка состоялась. За 400 гектаров земли Мольтке выложил вдове фон Дрески 240 тыс. талеров. Уже весьма немолодой человек по-детски радовался своей покупке. «Земля здесь принадлежит к числу наиболее плодородных во всей стране», — с гордостью писал он в одном из писем. И пусть ценные бумаги могут принести гораздо больший доход, «земельное владение всегда остается земельным владением. Оно дает наибольшую степень уверенности на все времена. Землевладельцы — это первое сословие в мире».⁵⁸

С самого начала Мольтке развернул в своем поместье бурную деятельность. Он затеял ремонт усадьбы, разбивку парка, осушение болот, постройку многочисленных мостов и мостиков через пересекавшую его владения речку Пайле. В парке он определил место для каждой дорожки, каждой поляны, каждого саженца. В близлежащей деревне он открыл школу и завел на каждого ученика сберегательную книжку.

В Крайзау Мольтке предпочитал проводить с тех пор каждое лето. Силезское поместье стало для него убежищем от назойливого внимания окружающих, от суматохи столичной жизни. Здесь он был полностью свободен — мог проводить дни напролет на свежем воздухе, забыть о светских мероприятиях, на которых по рангу обязан был присутствовать. Это благотворно влияло и на его здоровье: «Честно говоря, я считаю, что шесть недель в Крайзау для меня лучше, чем любой курорт», — писал он Аугусте в октябре 1868 года.⁵⁹

Особенно горд был Мольтке тем, что смог вернуть свой род в разряд землевладельцев. Крайзау он рассматривал не только как свою собственность, но и как владение семьи. Он с удовольствием приглашал к себе родственников с детьми, стараясь сделать свое новое имение настоящим семейным гнездом. В значительной степени это ему удалось — вплоть до 1945 года Крайзау оставалось собственностью семьи Мольтке.

Фактически с этого момента он окончательно стал полноправным главой своей большой семьи. По возможности

помогал братьям и сестрам, по-прежнему с удовольствием общался с их детьми, стремясь, чтобы они усвоили его жизненный опыт. «Поверь мне, что тот, кто не научится в юности обходиться малым, тому и в старости всего не будет хватать, — писал он своему племяннику Вильгельму, сыну Адольфа. — Лишь тот богат, кто улучшает свое положение <...> Соединяй службу с учебой, но запомни слова одного старого профессора, который говорил: кто читает лежа на диване, тратит время зря. Лишь с пером в руке чтение приносит пользу». Экономность — основа счастливой жизни: «Тот, кто нуждается в сумме, хотя бы на один талер больше, чем он зарабатывает, всегда остается бедняком, вне зависимости от того, сколько он получает — 400 или 4000 талеров».⁶⁰

Однако, как это часто бывает в жизни, вслед за большой радостью в семью Мольтке пришло несчастье. В 1867 году супруги отпраздновали серебряную свадьбу. Незадолго до Рождества 1868 года Мария, которая всегда была весьма энергичной женщиной, приняла участие в благотворительном базаре. Промокнув под дождем на верховой прогулке, она, не переодевшись, несколько часов простояла в качестве продавщицы в холодном помещении. Итогом стал острый приступ ревматического воспаления суставов.

Сначала заболела правая нога, потом резкая боль охватила и всю левую половину тела. Спать Мария могла лишь с помощью морфия, передвигаться без посторонней помощи была не в состоянии. Поначалу никто не допускал и мысли о летальном исходе. 1 декабря Мольтке писал сестре, что самочувствие Марии улучшается, однако врачи не исключают, что ей придется провести в постели еще месяца полтора. Однако во второй половине декабря появились опасения, что болезнь добралась до сердца. Постоянная лихорадка, бред, бессонные ночи... У постели больной собрались родственники со всех концов страны. Мольтке был совершенно измотан, но почти не отходил от супруги. 25 декабря Мария скончалась.

Мольтке тяжело переживал смерть любимой жены. «Еще вчера вечером, когда она спокойно проспала семь часов, мы

все были полны радостной уверенности, — писал он Людвигу. — Но она почувствовала приближение смерти намного раньше, попрощалась и тихим голосом молилась за всех нас». ⁶¹ Но «я бы не хотел, чтобы она воскресла, — писал вдовец Адольфу в тот же день. — Она прожила на редкость счастливую жизнь и избавлена от печальных лет старости. Ее прямой, верный и богобоязненный характер делал ее общей любимицей, и все сочувствуют мне». ⁶² Шеф Генерального штаба пытался рассуждать философски — ведь теперь его самого ждали печальные, одинокие годы. После смерти Марии у Мольтке начался определенный всплеск религиозных чувств — он все чаще писал о бренности всего земного и о вечности души. Он с головой ушел в работу, чтобы найти в ней забвение. «Много дел — это сейчас благо для меня», — писал он в январе 1869 года. ⁶³

Впрочем, родственники старались всячески скрасить одиночество Мольтке. Свою лепту внес и король — почти сразу же после смерти Марии он назначил личным адъютантом шефа Генерального штаба его племянника, Генри Бурта. Генри на долгие годы стал самым близким для Мольтке человеком. Кроме того, в скором времени к нему перебрались Фриц и Аугуста.

Для праха супруги вдовец приказал построить в Крайзау специальную капеллу. Она была сооружена неподалеку от усадьбы, на высоком холме, откуда открывался прекрасный вид на равнину и далекие склоны гор. Здесь Мария нашла свое последнее пристанище летом 1869 года. Газеты впоследствии много раз приписывали Мольтке намерение жениться вторично, но, по свидетельству его племянницы, он никогда всерьез не задумывался о таком шаге. До самой смерти он остался верен памяти Марии.

Жизнь и служба продолжались. После Люксембургского кризиса тучи в отношениях Пруссии и Франции продолжали сгущаться. Наполеон III ревниво следил за успехами восточного соседа, тем более что его политика никакими выдающимися свершениями похвастаться не могла: бесславно закончилась мексиканская авантюра, все громче звучал голос

оппозиции, требовавшей реформ, не лучшие дни переживала французская армия.

Мольтке как раз в это время завершил обобщение опыта войны 1866 года. Итогом его работы стала «Инструкция для высших офицеров» — одно из самых важных и одновременно малоизвестных военных сочинений XIX века. Она стала первым документом в прусской военной истории, устанавливавшим основные принципы руководства крупными воинскими контингентами. Вплоть до начала XX века она была строго секретной; после опубликования ее активно изучали и использовали во всех крупнейших армиях мира. И сегодня оперативное искусство бундесвера базируется во многом на произведении Мольтке.

«Инструкцию...» часто сравнивают с трудом Клаузевица «О войне». Несмотря на внешнее различие этих двух произведений, между ними действительно существует определенная глубинная связь. По словам германских исследователей, «Мольтке ставил себе ту же задачу, какая 50 лет назад стояла перед генералом Клаузевицем: изучая реальную, объективную действительность войны, вывести необходимые формы и методы военного руководства».⁶⁴ Подобно своему предшественнику, Мольтке избегал застывших аксиом и рассматривал различные стороны военного искусства в их диалектическом отношении.

«Инструкция для высших офицеров» любопытна еще и тем, что это — практически единственное военное сочинение, вышедшее из-под пера Мольтке. Как и многие полководцы-практики, он не оставил обширных военно-теоретических трактатов; трилогия «Военные поучения» была составлена офицерами Генерального штаба уже после его смерти на основе отдельных кратких сочинений, набросков и писем.

Долгий век произведению Мольтке обеспечило то обстоятельство, что он не втискивал свои идеи в рамки жестких предписаний. «Стратегия — это система подпорок», — считал шеф Генерального штаба. Она практически не выходит за рамки здравого смысла и не является наукой в строгом смысле. Искусство полководца заключается в том, чтобы не

отягощать свой ум застывшими догмами, а гибко реагировать на любую новую ситуацию.

Окончательная редакция «Инструкции...» появилась на свет 24 июня 1869 года. В этом документе были обобщены выводы, сделанные на основе изучения кампании 1866 года. Многие его положения кажутся сегодня очевидными, однако далеко не все военачальники того времени считали необходимым их придерживаться.

Первым делом Мольтке говорил о моральном состоянии войск, которое исключительно важно для победы. «Во время войны часто менее важно то, что ты делаешь, чем то, как ты это делаешь».⁶⁵ Необходимо умение принять твердое решение и придерживаться его в дальнейшем, поэтому современная война выдвигает к офицеру повышенные требования. Командир крупного подразделения действует словно в тумане; однако «в этом тумане неопределенности по меньшей мере одно должно быть ясным — собственное решение. За него следует держаться и не отступать от него под воздействием противника, пока такая перемена не станет абсолютно необходимой».⁶⁶

Руководство крупным соединением невозможно полноценно отработать в мирное время, маневры дают лишь весьма приблизительное представление о войне. Полководцу остается изучение географии и военной истории. Впрочем, к последней следует подходить с осторожностью — время вносит свои коррективы в военное искусство; абсолютных, действительных во все времена азов последнего не существует. «Уроки стратегии практически не выходят за рамки здравого смысла; их нельзя назвать наукой; их ценность заключается лишь в конкретных примерах. Следует правильно оценивать постоянно меняющуюся ситуацию и делать то, что представляется наиболее простым и естественным, с уверенностью и осмотрительностью. Так война становится искусством».⁶⁷

Для победы в войне исключительно важно не упускать инициативу. «В общем, в сомнительных случаях и в неясных обстоятельствах, которые столь часто возникают на войне,

рекомендуется действовать активно и захватывать инициативу». ⁶⁸ Важнейший момент всей войны — это сражение. Главным объектом операций должна являться не территория или укрепленный пункт противника, а его армия; лишь ее разгром способен решить исход кампании. «Современные войны характеризуются стремлением к быстрому и окончательному решению». ⁶⁹ Весьма существенных результатов можно добиться и без вооруженного столкновения, к примеру, окружив противника, однако лишь сражение позволяет в полной мере достичь своих целей. «Сражение — это великое средство сломить противостоящую волю противника». Чтобы решиться на него, надо четко понимать, какие цели стоят перед армией; «никогда нельзя сражаться, не имея определенной цели, которую следует держать в голове в течение всей битвы». ⁷⁰

Мольтке со всей решительностью выступал против того, чтобы концентрировать армию до сражения. «Излишне сосредоточенные массы — это гнусная крайность. Сконцентрированную в одной точке армию нельзя ни прокормить, ни расквартировать; она не может ни маршировать, ни маневрировать, она вообще не в состоянии существовать длительное время, она может лишь сражаться». Поэтому концентрировать армию следует лишь для боя; до этого необходимо избегать излишней концентрации, двигаться раздельно, сохраняя способность в любой момент соединиться на поле брани. Конечно, в неясной обстановке соблюдать это правило сложно; «но на войне все неопределенно, ничто не безопасно, и трудно иным путем прийти к положительному результату». ⁷¹ И уже на поле боя следует привлекать все наличные силы, до последнего батальона: «невозможно иметь слишком много сил, слишком много шансов на победу». ⁷²

Ответить на вопрос о том, как выгоднее вести сражение — оборонительно или наступательно, — по мнению Мольтке, вообще невозможно. Преимущества наступления известны: в первую очередь, они заключаются в удержании инициативы: «Наступление заранее знает, чего оно хочет; оборона пребывает в неведении, но может угадать намере-

ния противника».⁷³ Но обороняющемуся легче использовать особенности местности, еще один сильный козырь дало ему в руки усовершенствованное стрелковое оружие. Поэтому наиболее правильным будет сначала использовать преимущества обороны, а затем перейти в контратаку.

Если ситуация благоприятствует наступлению, не следует наносить фронтальные удары, стоящие много крови. Намного более результативными могут быть обходы и удары во фланг противника. Их непросто выполнить, если для этого приходится дробить уже сконцентрированную армию; «гораздо благоприятнее сложатся обстоятельства, если в день сражения войска, выступившие из разных пунктов, соединятся уже на самом поле брани; если операции проводятся таким образом, что последний короткий марш одновременно выводит войска на фронт и во фланг противника». Конечно, успех подобного соединения зависит от многих факторов, но «большие успехи на войне никогда не достигались без большого риска».⁷⁴ Кроме того, наступать следует уверенно и решительно; «лишь сила и уверенность увлекают войска за собой и дарят успех».⁷⁵

Большая роль в сражении принадлежит артиллерии. Она должна постоянно поддерживать огнем свои войска, прикрывать отступление и двигаться в первых рядах пехоты во время наступления; при этом не следует страшиться возможной потери нескольких орудий. Важно массировать огонь артиллерии, который таким образом становится более эффективным.

Если сражение венчает победа, необходимо сразу организовать преследование. Оно «должно начинаться после каждого выигранного сражения, и чем скорее, тем эффективнее оно окажется». Продолжается преследование до тех пор, пока последний принимающий в нем участие солдат не свалится от усталости. «Если сил противника хватает для марша, то и наших тоже должно хватить».⁷⁶

Для успеха кампании, писал Мольтке, исключительно важно сочетание инициативы и дисциплины. Первая является непреложным правилом для каждого офицера; во многих

ситуациях он должен действовать по собственному разумению. Например, для руководителей подразделений гораздо правильнее будет продвигаться в сторону доносящейся до них канонады, нежели продолжать выполнение отданного ранее, и возможно, давно устаревшего приказа. «В большинстве случаев оказанная на поле боя помощь важнее, чем выполнение специального задания; потому что перед тактической победой отступают все прочие соображения».⁷⁷ Однако четкое и неукоснительное выполнение приказов вышестоящих — это непреложное правило. «Дисциплина — это основа армии, а ее строгое сохранение — благо для всех и каждого».⁷⁸ Найти правильный баланс между самостоятельностью и дисциплиной — в этом и заключается, согласно Мольтке, искусство офицера. Таким образом, шеф Генерального штаба формулировал основной принцип современной войны: эластичное, но одновременно рациональное применение сил и средств для достижения максимального успеха.

Мольтке подчеркивал необходимость постоянной связи между частями и командными инстанциями. При этом исключительно важно соблюдение субординации; действовать «через голову» выше- или нижестоящих инстанций возможно лишь в исключительных случаях, и даже тогда их необходимо держать в курсе дела. Другое важное правило — «приказывать не больше, чем это представляется необходимым»,⁷⁹ предоставляя подчиненным достаточную свободу действий. Чем выше командная инстанция, тем более короткими и общими по своему содержанию должны быть ее приказы. При этом каждое приказание необходимо обосновывать, чтобы подчиненный понимал его причины и цели. Этот принцип постановки задач стал отличительной чертой германской армии и соблюдается по сегодняшний день.

Большое внимание уделял Мольтке движению войск. Марш необходимо четко планировать и организовывать, чтобы избегать задержек и заторов, которые утомляют солдат. А ведь «после боеготовности бережное отношение к войскам — важнейшее из всего, о чем нужно думать при выполнении марша».⁸⁰ Много было написано и о разведке, которая

в минувшую кампанию оказалась явно не на высоте. Основная причина этого — неправильное использование конницы. «Разведка — это, собственно говоря, практически исключительно дело кавалерии».⁸¹ Отдельным подразделениям следует поручать непрерывное наблюдение за вражеской армией, с тем чтобы не терять соприкосновения с неприятелем. Во время сражения кавалерию нужно держать в резерве, чтобы она смогла либо прикрыть остатки отступающей армии в случае поражения, либо организовать преследование разгромленного противника.

Вскоре «Инструкции» предстояло выдержать первое испытание — в войне против Франции, к которой Мольтке усердно готовился во второй половине 1860-х годов, а если брать более широко, то и в течение всей своей жизни...

ЗА ЕДИНУЮ ГЕРМАНИЮ!

«Война с Францией обязательно начнется, раньше или позже», — заявил Мольтке американскому послу Джорджу Бэнкрофту в январе 1869 года.¹ Первоначально он полагал, что ее придется вести на два фронта — против Франции и против Австрии. Война должна была пройти по образцу, испытанному в предыдущей кампании: минимальные силы на западе, где следует держать оборону, и быстрое наступление на юге, в Богемии. «Оптимальным представляется минимальными силами обороняться на одном направлении, чтобы на другом иметь возможность наступать, располагая численным превосходством», — так выражена эта мысль в памятной записке в январе 1867 года.² Как рассчитывал Мольтке, сломить сопротивление австрийцев окажется достаточно просто и освободившиеся силы потом можно будет перебросить на Рейн.

Еще один любопытный штрих: проводя исторические аналогии с Семилетней войной, которую Фридрих Великий начал, ввиду формирования коалиции против Пруссии, Мольтке рекомендовал начать превентивную войну. Немного позднее, в 1869 году, он заявил в беседе с прусским послом в Вене, что в случае, если Австрия начнет быстро вооружаться, нужно будет немедленно напасть на Францию, избегав, таким образом, войны на два фронта. Вновь звучала мысль о том, что напасть первым — не грех, что цель оправдывает средства и что сугубо политическое решение о нача-

ле войны можно принять исходя из чисто военных соображений. После Люксембургского кризиса Мольтке переработал план, предназначив первый удар Франции как наиболее опасному и боеспособному противнику.

Что касается России, то к ней Мольтке относился прохладно: «Мы должны оставаться в хороших отношениях с Россией, русские должны быть нашими друзьями, но не активными союзниками; они никогда не должны вступить на нашу землю», — заявил он в июне 1867 года прусскому военному уполномоченному в Петербурге полковнику фон Швайницу.³ Тем не менее он считал Россию важным противовесом Австрии на тот случай, если последняя поведет себя враждебно.

У Мольтке была возможность достаточно верно предсказать способ действий французов — расположение железнодорожных линий диктовало в новую эпоху районы сосредоточения армии. Согласно плану, составленному зимой 1868—1869 годов, развертывание французских войск ожидалось в двух районах — вокруг Страсбурга и Меца, по обе стороны Вогезов. Германские же войска с помощью шести железнодорожных линий можно было сконцентрировать в Пфальце, предотвратить любое вражеское вторжение и нанести удар либо по одной, либо сразу по обеим группировкам. Отлично подготовленная мобилизация позволяла уже через 18 дней после издания соответствующего приказа иметь там 300 тысяч солдат. Разделенная на четыре армии, эта масса должна была начать наступление в направлении на Париж, обходя сильную крепость Мец. В процессе продвижения следовало вынудить французов принять генеральное сражение и разгромить их.

Захват инициативы, по мнению шефа прусского Генерального штаба, являлся главной предпосылкой успеха. Если же французы все-таки начнут наступление первыми (а для этого у них существовали определенные предпосылки), необходимо перенести район развертывания прусской армии за Рейн, так, чтобы удар противника пришелся в пустоту, а затем наткнулся на губительное контрнаступление. При этом одна армия должна атаковать противника фронтально, а дру-

гие — охватить его фланги. Шеф Генерального штаба стремился ускорить строительство стратегических железных дорог, что позволяло существенно сократить сроки переброски армии.

Тучи на европейском горизонте стремительно сгущались. В феврале 1870 года вакантный испанский престол был предложен дальнему родственнику прусского короля, который ответил согласием — не без содействия Бисмарка. Это вызвало бурю возмущения во Франции, которая заявила протест. Летом 1870 года дипломатический кризис достиг своего пика. Обе стороны стремились к войне.

11 июля 1870 года Мольтке вместе с родственниками предпринял небольшую поездку в экипаже по окрестностям Крайзау, причем шеф Генерального штаба лично правил лошадьми. По дороге он встретил почтальона, который передал ему телеграмму. Генерал молча пробежал ее глазами и, не говоря ни слова, сунул в карман. Лишь после возвращения домой он объявил, что должен немедленно выехать в Берлин. В полученной им телеграмме говорилось, что король считает ситуацию весьма серьезной и не исключена скорая мобилизация. Домочадцы собрались на чаепитие; погруженный в свои мысли глава семьи сидел в полном молчании. Внезапно он поднял глаза, ударил ладонью по столу и воскликнул: «Ну, пусть они только сунутся, с Южной Германией или без — мы готовы!»⁴

Однако в этот момент опытному французскому дипломату, послу в Пруссии Бенедетти, удалось, побеседовав с прусским королем, убедить его рекомендовать родственникам снять свою кандидатуру. Казалось, Бисмарк потерпел серьезное поражение. Однако у немецкого канцлера появился могущественный союзник — министр иностранных дел Франции Грамон. Он дал Бенедетти инструкцию еще раз встретиться с королем и потребовать от него заверений, что кандидатура Гогенцоллерна никогда более не будет выдвигаться на испанский престол — для Пруссии это было бы неслыханным дипломатическим унижением. 13 июля Вильгельм вежливо ответил французскому послу, что таких гарантий по понятным

причинам дать не может. На следующий день король, уезжая из Эмса, тепло попрощался с послом на вокзале и заявил, что дальнейшие переговоры будут происходить в Берлине.

Телеграмма с информацией о произошедших событиях была направлена Бисмарку, находившемуся в столице. У канцлера как раз ужинали Мольтке и Роон; настроение и у хозяина, и у гостей было подавленное. Все готовились к войне, а получили унижительный мир. Генералы ковырялись вилками в своих тарелках и язвительно намекали Бисмарку на то, что ему, в отличие от них, гораздо легче выйти в отставку и остаться чистеньким в этой истории. «Вам-то хорошо, — приговаривал Мольтке, — Вы вернетесь в Варцин и будете там растить свою капусту; но мы — солдаты — вынуждены будем терпеливо наблюдать, как король наслаждается французской пощечиной».⁵ Именно в это время принесли телеграмму из Эмса. Прочитав ее вслух, Бисмарк посмотрел на Мольтке и задал ему короткий вопрос: готова ли армия к войне? Шеф Генерального штаба немедленно ответил утвердительно. Тогда канцлер, взяв карандаш, вычеркнул несколько фраз. В новой редакции «Эмская депеша» (под таким именем вошел в историю этот документ) гласила: французы выдвинули королю чрезмерные требования; монарх в ответ отказался принять французского посла и лишь сообщил последнему через адъютанта, что им незачем встречаться. Глаза сотрапезников Бисмарка, услышавших новую редакцию депеши, заблестели. «Так-то звучит совсем иначе: прежде она звучала сигналом к отступлению, теперь — фанфарой, отвечающей на вызов!» — воскликнул Мольтке.⁶ Настроение за столом радикально изменилось; как впоследствии рассказывал Бисмарк, «Мольтке настолько оставил свою равнодушную пассивность, что, обратив радостный взор на потолок и отказавшись от обычной умеренности в словах, ударил себя кулаком в грудь и произнес: “Если мне посчастливится руководить нашей армией в такой войне, пусть черт забирает потом мои старые кости!”»⁷

Искалеченная телеграмма была передана в прессу. Общественное мнение по обе стороны границы, подготовлен-

ное газетными битвами, восприняло ее именно так, как рассчитывал Бисмарк: как национальное оскорбление. 19 июля Франция объявила Северогерманскому союзу войну. Вильгельм был поставлен перед свершившимся фактом. Для Пруссии предстоящее столкновение приобрело вид справедливой борьбы против западного агрессора, «наследственного врага». Это обеспечило ей симпатии южногерманского населения. Все великие державы Европы сохраняли более или менее благожелательный по отношению к немцам нейтралитет. «Никогда еще не было более справедливой войны, чем эта, и мы рассчитываем на Божью помощь», — писал Мольтке родным.⁸

Мобилизация и во Франции, и в Пруссии была начата еще 15 июля. Хотя старт был дан одновременно, результаты оказались различными. Во Франции начавшаяся в 1868 году военная реформа еще не была завершена. Ставшее крылатым выражение французского министра обороны, который накануне войны заявил, что войска «архиготовы», было не более чем самообманом. У французской армии не было ни отлаженной системы мобилизации и развертывания, ни четких планов на случай войны, ни Генерального штаба, сопоставимого с прусским. Система снабжения страдала множеством недостатков. В надежде опередить пруссаков французское руководство приняло решение осуществить развертывание, не дожидаясь завершения мобилизации. Итогом стала катастрофа. Призванные солдаты часто не могли получить необходимое снаряжение, железные дороги не справлялись со стремительно возросшей нагрузкой, процесс развертывания затягивался.

Французские войска концентрировались в двух районах — на Мозеле и в Эльзасе. Однако в организационном плане эти восемь корпусов были объединены в одну громоздкую Рейнскую армию, находившуюся под личным командованием Наполеона. На конец июля она насчитывала 210 тыс. человек при 780 орудиях и 244 митральезах — вместо 440 тыс., на которые рассчитывали до войны.

По другую сторону границы усовершенствованный под руководством Генерального штаба механизм мобилизации и

развертывания работал гораздо успешнее. Существует рассказ, что в самый разгар мобилизации один из сотрудников Генерального штаба застал Мольтке за чтением Вальтера Скотта. «А почему бы и нет? — спокойно ответил тот удивленному офицеру. — Все готово, достаточно только потянуть за шнурок».⁹ Это было некоторым преувеличением: с германской стороны тоже имели место и перебои со снабжением, и проблемы на транспорте. Механизм пока еще работал не как отлаженные часы. Однако быстрая мобилизация и развертывание огромных армий индустриальной эпохи были для всех новой задачей, которую еще предстояло научиться выполнять оптимальным образом. Заслуга Мольтке была в том, что немецкая армия училась этому быстрее, чем ее противники.

Переброска северогерманских войск осуществлялась по десяти железнодорожным линиям, концентрация была полностью завершена к 5 августа. После мобилизации полевая армия составляла 462 тыс. пехоты и 57 тыс. конницы при 1584 орудиях. Превосходство в силах над западным противником было очевидным. Как и в кампании 1866 года, немецкие войска были разделены на три армии. I армия под командованием генерала фон Штайнмеца (I, VII, VIII армейские корпуса и 2 кавалерийские дивизии) была сконцентрирована к юго-востоку от Трира. II армия, дислоцированная к югу от Майнца, находилась под командованием принца Фридриха Карла и была самой мощной (гвардейский, II, III, IV, IX, X, XII корпуса, 2 кавалерийские дивизии). III армия кронпринца, сконцентрированная в районе Ландау, уступала ей ненамного (V, VI, XI, I баварский, II баварский корпуса, 2 отдельные пехотные и 2 кавалерийские дивизии).

За время, прошедшее с 1866 года, пруссаки значительно усовершенствовали свою артиллерию. Перевооруженная на самые современные стальные орудия Круппа, она теперь была нацелена на гораздо более активную и решительную поддержку пехоты и по качеству превосходила французскую. В области стрелкового оружия, однако, прусская армия уступала французам, на вооружении которых находились новей-

шие винтовки «Шаспо», превосходившие игольчатые ружья как по дальности, так и по скорострельности.

До конца июля Мольтке оставался в Берлине и принимал участие в заседаниях северогерманского рейхстага. Весь его образ жизни в этот период свидетельствовал об уверенности в благоприятном исходе кампании. Из уст в уста передавался рассказ о том, как во время конной прогулки в Тиргартене его окликнул один любопытный горожанин:

— Как идут дела, Ваше превосходительство?

— Хорошо.

— То есть Ваше превосходительство имеет в виду, что...

— Я имею в виду урожай. Картофелем я доволен, а вот озимые уродились не очень.¹⁰

Популярность Мольтке снова выросла. Однажды, возвращаясь в своем экипаже из королевского дворца, он повстречал уличного мальчишку, который крикнул ему: «Ну, Мольтке, составь снова хороший план!» Шеф Генерального штаба воспринял это как доброе предзнаменование и с удовольствием рассказывал всем об этом эпизоде.¹¹

Мольтке словно помолодел. Впоследствии Бисмарк язвительно высказался о нем как о вампире, которого предстоящее кровопролитие наполняет жизненной энергией. 31 июля он в составе главной квартиры отправился на театр военных действий, захватив с собой половину офицеров Генерального штаба. Другая половина осталась в Берлине, продолжая делать работу, не связанную напрямую с начавшейся кампанией.

Французы тем временем не оставляли надежды быстрым ударом компенсировать неравенство сил. В районе Меца были сконцентрированы 5 корпусов Рейнской армии, которые начали свое наступление 2 августа. Им удалось оттеснить слабые передовые части пруссаков, но вскоре продвижение на Саарбрюкен было остановлено. Тем временем германская армия, развернутая на Рейне, двинулась им навстречу.

Планы Мольтке предусматривали концентрическое наступление на противника с последующим генеральным сражением. «Сложность заключается только в выполнении этого

простого плана крупными массами», — говорил он.¹² II армия должна была сковать противника фронтальным ударом, две другие — обойти его с флангов. «Участие в решительном сражении всех трех армий являлось заветной целью», — написал Мольтке впоследствии.¹³

Однако реалии войны опрокинули эти расчеты. Уже 4 августа баварцы, составлявшие правое крыло III армии, наткнулись у местечка Вайссенбург на дивизию 1-го французского корпуса. Баварцы предпочли атаковать неприятеля в лоб и боролись с ним до наступления темноты, неся большие потери. Хотя французам, ввиду превосходства сил противника, пришлось отступить, их арьергарды сорвали всякую попытку преследования.

Несмотря на незначительность этого эпизода, обе стороны расценили его однозначно — как немецкую победу. Французское командование сочло необходимым ускорить переход в наступление и ради этого отказаться от концентрации всех сил в одном районе. Рейнская армия была разделена на две группировки. 1-й, 5-й и 7-й корпуса в Среднем Эльзасе были подчинены маршалу Мак-Магону, 2-й, 3-й, 4-й корпуса в Северном Эльзасе и Лотарингии — маршалу Базену. Верховное командование Рейнской армией, а также 6-м и гвардейским корпусами оставалось при этом в руках императора, группировки не получили отдельных штабов.

К этому моменту Мольтке уже установил направление движения французов. Теперь он предполагал, что основные силы противника сосредоточены против III армии, и торопил войска Штайнмеца и Фридриха Карла. Три армии должны были, как и в прежнем варианте, наносить концентрический удар по неприятелю. Противостоявший кронпринцу Мак-Магон собирался сначала сконцентрировать свои силы, а затем атаковать. Обе стороны не планировали крупных столкновений на ближайшие дни.

Однако 6 августа, вопреки желанию военачальников, развернулось тяжелое сражение у Верта. Все началось с того, что V армейский корпус неожиданно наткнулся на части группировки Мак-Магона. Прусская артиллерия достаточно

быстро продемонстрировала свое превосходство, однако ружейный огонь французов заставил захлебнуться атаки прусской пехоты. На шум битвы начали подходить части II баварского и XI корпусов. Кронпринц приказал остановить сражение, но это было уже не в его власти и в любом случае не могло быть достигнуто без тяжелых потерь. Тем временем немцы подтянули к Верту дополнительные силы и во второй половине дня приступили к обходному маневру. Удалась — хотя и с тяжелыми потерями — и фронтальная атака, попытка французских резервов восстановить положение провалилась. Немецкая кавалерия вышла на коммуникации французов, и Мак-Магон принял решение отступить. Выход из боя дался весьма непросто; части отходили в беспорядке в различных направлениях. Однако командование III армии, не сумев разобраться в ситуации, не организовало энергичного преследования, которое в подобной обстановке могло принести богатые плоды.

Не менее драматические события происходили на правом фланге германской армии. Своевольный командующий I армией Штайнмец сделал ставку на быстрое наступление на встречу основным силам французов, угрожая сломать весь план Генерального штаба. Значительно отклонившись к югу от предписанного им направления движения, части I армии попали в полосу ответственности II армии и перекрыли ей путь. 6 августа они наткнулись на части группировки Базена (2-й корпус Фроссара), занимавшие высоты у Шпихерна. Вместо запланированного обхода получилась лобовая атака на наиболее сильную группировку противника, оборонявшегося на выгодной позиции. В итоге в течение всего дня части I и II армий не могли достичь успеха, и лишь с наступлением темноты немцам удалось добиться отхода противника. Фроссар принял решение отступить, когда на его левом фланге появились немецкие части, создавшие угрозу окружения. Под покровом темноты французам удалось отойти в полном порядке.

Итоги первых августовских сражений были весьма неоднозначными. Формально они закончились победой немцев,

которым удалось во всех случаях заставить противника покинуть поле боя. Группировка Мак-Магона на некоторое время утратила боеспособность. Французы полностью потеряли инициативу, моральное состояние армии и населения заметно ухудшилось. Именно общественное мнение заставило императора отказаться от наиболее разумного варианта действий — отступления с последующим объединением группировок Базена и Мак-Магона в районе Шалона. Чтобы предотвратить падение монархии, следовало оборонять восточные рубежи; корпуса Базена отошли к Мецу. 13 августа император передал маршалу командование Рейнской армией.

Боевой дух немецких армий, и так находившийся на высоком уровне, укрепился еще больше. Однако в остальном итоги первых сражений были скорее разочаровывающими. Победы достигались примитивными фронтальными ударами за счет элементарного численного превосходства; лишившись преимущества в качестве ручного огнестрельного оружия, немцы начали нести потери, вполне сопоставимые, а зачастую даже большие, чем противник. Ни одна битва не завершилась преследованием, соприкосновение с французами всякий раз терялось. Организовать синхронные действия трех армий и, соответственно, запланированный Мольтке концентрический удар не получилось.

Сам шеф Генерального штаба в этот период находился в Майнце, в составе главной квартиры, и его возможности влиять на происходящее были весьма ограничены. Донесения приходили со значительным опозданием, зачастую сообщение об утреннем бое в штабе получали за полночь. Аналогичные сложности существовали и с передачей директив в части. Один из ближайших его помощников Ю. фон Вердидю Вернуа рассказывал впоследствии о том, как среди ночи поступило донесение о сражении у Верта. Начальники отделений, в ночных рубашках, захватив топографические карты, отправились к Мольтке, который благополучно спал. «Когда мы вошли в спальню, зрелище, явившееся взору пробуждающегося, оказалось весьма своеобразным. Поднимаясь с кровати, он, видимо, сначала не мог понять, во сне все происхо-

дит или наяву. Впрочем, и вошедшим высокий тонкий силуэт в ночной одежде напоминал привидение <...>. В таком положении и в таких костюмах был сделан доклад».¹⁴

Донесения поступали в Генеральный штаб круглосуточно. Текущее положение дел немедленно наносилось на карты. Утром, а при необходимости несколько раз в день, Мольтке собирался на совещание со своими коллегами, где обсуждалось текущее положение и вырабатывались проекты решений. Как правило, серьезных разногласий не возникало — «штаб состоял из друзей и единомышленников, между которыми не было диссонанса».¹⁵ Далее, обычно в 10 утра, Мольтке вместе с генерал-квартирмейстером отправлялся на доклад королю, где, помимо них, присутствовали начальник военного кабинета и военный министр (впоследствии к ним добавился кронпринц). После этого приказы и директивы оформлялись и рассылались в войска. При необходимости шеф Генерального штаба имел доступ к Вильгельму в любое время.

Пока группировка Мак-Магона отходила на запад, к Шалону, чтобы привести себя в порядок и принять пополнения, в районе Меца под командованием Базена находились 2-й 3-й, 4-й, 6-й и гвардейский корпуса общей численностью около 200 тыс. человек. Здесь они планировали, опираясь на сильные укрепления, дать оборонительный бой. Тем временем Мольтке составил новый план. Точное расположение французской армии было ему неизвестно, поэтому он предположил, что она дислоцирована на Мозеле, между Мецем и Тулем. Теперь I и II армиям предстояло атаковать противника фронтально, а III — обойти его правое крыло. 9 августа Мольтке издал соответствующую директиву. Принцип концентрического наступления был сохранен, армиям предстояло соединиться на поле боя. Главной задачей было предотвратить объединение группировок Мак-Магона и Базена. Для этого последнему должен быть нанесен сокрушительный удар — чем скорее, тем лучше.

Под давлением обстоятельств Мольтке решил отойти от практики директив и давать армиям четкие приказы. По-

скольку выработанные им принципы постоянно нарушались, ему тоже пришлось их временно отбросить — в частности, ограничить инициативу командующих армиями и в большей степени опираться на командиров более низкого ранга, иногда направляя прямые приказы конкретным корпусам. Произошедшее 11 августа выдвижение главной квартиры в Сен-Авольд, ближе к линии фронта, существенно облегчило управление войсками.

Продвижение немцев возобновилось 10 августа. Германская кавалерия выдвинулась далеко вперед, вклинилась в разрыв между двумя французскими группировками, достигла Мозеля и произвела разведку позиций противника в районе Меца. Обнаружив, что войска Мак-Магона отходят на Шалон, а не идут на соединение с Базеном, Мольтке отдал приказание III армии преследовать их. Дальнейшее продвижение двух остальных армий осуществлялось с осторожностью. Обходить крепость с обеих сторон немцы не решились, поскольку принималась в расчет возможность вражеского контрнаступления.

Базен тем временем колебался, не зная, какой образ действий ему выбрать. Первоначально планировалось дать немцам сражение на реке Нид к востоку от крепости, затем, ввиду возможного обхода этой позиции противником, было принято решение отступать к Вердену. Однако 14 августа, когда французские подразделения начали перегруппировываться для отхода, они были атакованы на реке Нид частями I армии. В сражении при Коломбей — Нуильи немцам не удалось нанести французам поражение, однако они сумели сорвать их планы и задержать отход. II армия тем временем приступила к обходу Меца с юга.

Мольтке был уверен в том, что французы попытаются отойти. II армии был отдан приказ перерезать дорогу Мец-Верден. I армии предписывалось совершить маневр к югу, прикрывая фланг и тыл частей Фридриха Карла. Однако ни Мольтке, ни Фридрих Карл не знали точного расположения и состава движущейся на запад французской группировки. II армия 15 августа направила на север III и X кор-

пуса, в то время как их товарищи продолжили параллельное преследование несуществующего противника. В ночь с 15 на 16 августа силы Фридриха Карла и Базена стояли на Мозеле практически плечом к плечу фронтом на запад.

В утренние часы 16 августа авангард III армейского корпуса наткнулся на французов в районе селения Вионвилль. Несмотря на то что численное превосходство противника было очевидным, командир корпуса Константин фон Альвенслебен отдал приказ об атаке. Завязалось одно из самых кровопролитных сражений войны — битва при Вионвилль — Марс-ля-Тур, в которой двум прусским корпусам противостояли значительно превосходящие их численно части четырех французских (65 тыс. против 120 тыс. солдат). Большую услугу немцам оказал Базен, который предполагал, что встретится с основными силами неприятеля, и поэтому весь день держал в районе Гравелотта сильные резервы.

Ситуация складывалась весьма опасно для немцев, медленно наступавших в северо-восточном направлении. После того, как элемент внезапности исчез, их атаки завершались по большей части тяжелыми потерями. В какой-то момент казалось, что французы смогут окружить III корпус, и лишь атака кавалерии сорвала их маневр. К 14.00 прусская пехота практически утратила боеспособность, однако на поле сражения начали подходить части X корпуса. Потери пруссаков были огромны. Французы с ужасом и невольным восхищением называли атаки немцев «зверским наступлением».¹⁶

Штаб II армии бросил на помощь своим частям все, что имелось в его распоряжении, и приказал продолжать атаки. Однако поля сражения успели достичь лишь авангарды VIII и IX армейских корпусов. В течение дня осторожное французское командование упустило шанс развить успех, ограничившись кавалерийскими атаками. В 22.00 сражение прекратилось. Потери противников были примерно равными — 16 тыс. у немцев против 17 тыс. у французов.

Итогом сражения, которое Мольте впоследствии назовет «самой кровавой битвой войны»,¹⁷ стал срыв отступления французской армии в Верден. Базен располагал прекрасной

возможностью разгромить немецкие части и открыть себе дорогу, однако он повел себя слишком пассивно, ограничившись обороной. В итоге немецкое командование смогло наконец добиться той цели, к которой стремилось с самого начала войны: «поймать» и принудить к решительному сражению главные силы французской армии.

Французы отошли в направлении Меца и заняли оборонительные позиции на линии Гравелотт — Сен-Прива. Прусская сторона также готовилась к предстоящему бою, сосредоточив 7 армейских корпусов и 3 кавалерийские дивизии I и II армий. Командованием была допущена серьезная ошибка, частичную ответственность за которую несет и Мольтке: позиция французов не была установлена точно, и предполагалось, что их правый фланг находится гораздо южнее, чем это было на самом деле. Под угрозой срыва оказывался весь план сражения, основанный на стремлении обойти правый фланг французов. Кроме того, не доверяя Штайнмецу, Мольтке напрямую подчинил себе VIII армейский корпус, что привело к дополнительной путанице.

Сражение при Гравелотт — Сен-Прива началось в 5 часов утра 18 августа. Силы противников были примерно равными — около 180 тыс. солдат с каждой стороны. Ситуация прояснялась лишь постепенно. Мольтке отдал распоряжение силами гвардейского и XII корпусов обойти правое крыло противника, пока VII, VIII и IX корпуса будут сковывать его по фронту. Поскольку в ходе первых сражений выяснилось превосходство прусской артиллерии и французских винтовок, Мольтке придавал большое значение артиллерийскому обстрелу, пехота же должна была атаковать фронт противника только одновременно с обходным маневром. Однако с самого начала этот план оказался нарушен.

Из-за характерной для многих сражений той поры неразберихи части I армии, составлявшей правое крыло прусской группировки, перешли в преждевременную атаку на сильно укрепленный левый фланг французов. Им удалось отеснить передовые части противника, однако перед главной линией обороны наступление захлебнулось. Ситуацию не смогла

изменить даже мощная артиллерийская поддержка. Король, находившийся вместе с Мольтке на высотах Флавины в непосредственной близости от поля боя, постепенно терял терпение. «Почему они не продвигаются вперед?» — спросил он взволнованно. «Они героически сражаются за Ваше Величество!» — ответил Мольтке. «Это я и сам знаю», — буркнул король.¹⁸ Мольтке прищепил коня и сделал небольшой круг: державные истерики действовали ему на нервы. Он с нетерпением ожидал известия об удавшемся фланговом обходе; все остальное было лишь кровопролитным вспомогательным маневром, единственной целью которого было сковать противника боем.

В этот момент и выяснилось, что французский фронт гораздо длиннее, чем предполагалось; гвардейцы и саксонцы XII корпуса, намеревавшиеся выполнить обход, внезапно наткнулись на сильные позиции 4-го и 6-го корпусов. Командир гвардейского корпуса решил атаковать противника, и его солдаты разделили судьбу своих товарищей на правом фланге. Вместо битвы на окружение получилось кровопролитное фронтальное сражение. Лишь около 17 часов XII корпусу удалось взять Ронкур и, таким образом, выйти во фланг неприятелю. Наступавшей пехоте помогла артиллерия, концентрация которой в этом районе достигла весьма высокой степени. В 8 часов вечера удалось захватить Сен-Прива — ключевой пункт правого крыла французов. 6-й корпус отступил в долину Мозеля. Базен выдвинул ему на помощь резервы — гвардию, — однако было уже поздно: маршал вновь проявил излишнюю осторожность. Несколькими часами раньше подкрепления смогли бы удержать фронт, но теперь их прибытие не оказало никакого влияния на ход битвы. Отход 6-го корпуса обнажил фланг его соседей — 4-го корпуса, — который также вынужден был отступить.

Тем временем на правом фланге прусской армии не удалось достичь никаких успехов. Только осторожность Базена, опасавшегося удара с юга, помешала ему контратаковать части Штайнмеца и нанести им чувствительный урон. По личному приказу прусского короля вечером была предприня-

та еще одна атака силами свежего II армейского корпуса, однако никаких результатов она не принесла. Даже Мольтке не сумел помешать этой абсолютно бессмысленной, с его точки зрения, затее. Выход своим эмоциям он дал, направившись на поле сражения, чтобы самостоятельно увидеть складывающуюся обстановку. Из этого события впоследствии родилась легенда, что Мольтке лично повел в атаку II корпус.

Мольтке не исключал, что сражение придется продолжить на следующий день. По этому поводу между ним и Рооном разгорелись жаркие споры: военный министр говорил о слишком высоких потерях и о том, что победа может легко оказаться пирровой. Однако шеф Генерального штаба был настойчив: если не довести битву до конца, все жертвы минувшего дня окажутся бессмысленными, кровь немецких солдат — пролитой зря. Вильгельм вынужден был с ним согласиться.

Однако споры оказались бессмысленными. Утром французская армия, потрясенная упорством прусских атак и оказавшаяся под угрозой флангового обхода, оставила свои позиции и отступила к Мецу. Битва при Гравелотте — Сен-Прива, одна из самых масштабных в XIX веке, была впоследствии возведена на высочайший пьедестал усилиями немецких историков. Действительно, сражения 14—18 августа окончились чувствительным поражением для французов. Нерешительность Базена привела к тому, что его армии не удалось уйти из Меца, и теперь ей предстояло задержаться там на неопределенное время. Маршал прекрасно понимал, что крепость не годится в качестве базы для столь крупного контингента, но вырваться из нее без больших потерь представлялось практически невозможным. Половина французской армии оказалась окружена и заперта в Меце.

Однако положение победителей было далеко не однозначным. Осуществить намерение Мольтке — разгромить Базена — вновь не получилось; противник скрылся под защитой крепостных фортов, и его группировку предстояло блокировать крупными силами. Кроме того, за успех была уплачена весьма высокая цена: 18 августа потери немцев составили

около 20 тыс. человек против 11,7 тыс. у французов. «Я отношусь с полным признанием к храбрым атакам пехоты, для которой до сих пор ни одна задача не казалась слишком трудной, — писал Мольтке от имени Вильгельма в приказе от 19 августа. — Но я ожидаю от разума офицеров, что им удастся в будущем достигать таких же успехов с меньшими жертвами посредством искусного использования местности, основательной подготовки наступления и применения соответствующих строев».¹⁹ Мольтке понимал: если бы Базен действовал более решительно и агрессивно, использовал ошибки прусского командования, ему удалось бы добиться большего успеха.

Для осады Меца была выделена большая часть I и II армий под командованием Фридриха Карла. Гвардия, IV и XII армейские корпуса, а также две кавалерийские дивизии образовали новую Маасскую армию, находившуюся под командованием кронпринца Альберта Саксонского. Ему совместно с III армией предстояло продвигаться вглубь Франции, навстречу группировке Мак-Магона.

Последняя тем временем отошла к Шалону, где получила кратковременную передышку. К трем ее корпусам (1-й, 5-й и 7-й) добавился вновь сформированный 12-й; таким образом, к середине августа численность французской группировки достигла 134 тыс. человек. Перед ней были поставлены две взаимоисключающие задачи: прикрытие Парижа и соединение с армией Базена. В конечном счете, однако, был выбран второй вариант — во многом по политическим соображениям.

21 августа армия Мак-Магона выступила из Шалона в Реймс, а затем повернула на северо-восток, в сторону бельгийской границы. Продвижение было достаточно медленным — марш был организован из рук вон плохо, снабжение тоже заметно хромало. Одновременно 23 августа две немецкие армии (3-я и Маасская) двинулись на запад, все еще считая, что противник находится в районе Шалона. Их общая численность составляла около 184 тыс. человек. Создалась интересная ситуация, когда противники двигались встречными параллельными курсами, не зная о присутствии друг друга.

24 августа немецкие передовые отряды достигли Шалона. Лишь на следующий день главная квартира получила более или менее достоверную информацию о местонахождении армии Мак-Магона. На первых порах Мольтке не слишком доверял ей, тем более что исходила она от французской прессы. Он считал невероятным, что противник, во-первых, откроет ему дорогу на Париж, во-вторых, загонит сам себя в стратегический тупик. Однако сведения подтвердились, и уже 26 августа немецкие армии повернули на север. «Парни слишком глупы, пришло время их наказать!» — воскликнул шеф Генерального штаба, которого донесения о местонахождении французов застали за вечерним вистом.²⁰ Правда, Мольтке до последнего подозревал, что имеет дело с отвлекающим маневром, поэтому направил войска на северо-запад, чтобы наверняка поймать французов в ловушку; от собственных кавалерийских дозоров все еще слишком мало поступало информации.

26 августа главная квартира прибыла в Клермон. Мольтке и его сотрудники заняли пустующее здание местной школы; работать приходилось в учебных классах, освещением служили поставленные в винные бутылки свечи, постелью — охапки соломы. К этому моменту ситуация значительно прояснилась — немецкие кавалеристы обнаружили армию Мак-Магона. Оставалось только отдать соответствующие распоряжения. Две немецкие армии, словно половинки клещей, охватывали французов. 28 августа на реке Маас они преградили Мак-Магону путь на Мец, и ему пришлось отступить на север. 30 августа после сражения при Бомоне маршал наконец отказался от намерения прорваться на соединение с Базеном и решил сконцентрировать армию в районе крепости Седан, чтобы затем уйти на северо-запад, вдоль бельгийской границы. В принципе, у него еще была возможность это сделать, однако подчиненные ему корпуса были деморализованы и крайне нуждались в отдыхе.

На последний летний день Мольтке издал приказ: «Повсюду энергично атаковать противника и заставить его скупиться в пространстве между рекой Маас и бельгийской гра-

ницей».²¹ 31 августа немецкие армии практически полностью замкнули кольцо окружения вокруг армии Мак-Магона, при которой находился сам император. Путь отхода на запад был перекрыт, однако французское командование об этом не знало. Более того — оно тешило себя иллюзиями, что немецкие армии, уже осуществившие оперативное объединение, удасться разгромить поодиночке. «Теперь они в нашей мышеловке», — сказал Мольтке вечером 31 августа.²²

Сражение при Седане началось в предрассветные часы первого осеннего дня. Его открыла мощная канонада, за которой последовало концентрическое наступление немецких корпусов. Хотя первые их атаки были отражены, исход был ясен большинству участников. Мак-Магон, на свое счастье, получил серьезную рану в самом начале боя, впоследствии это позволило ему дистанцироваться от позорной капитуляции и стать вторым президентом Третьей республики. В командование вступил генерал Вимпфен, принявший решение прорываться на восток, в направлении на Мец. Действительно, массированные атаки французов на некоторое время поставили части Маасской армии в тяжелое положение; однако вскоре статус-кво восстановили.

Концентрическое наступление продолжалось, и после полудня немецкая артиллерия оказалась в состоянии обстреливать практически весь район сосредоточения противника. «Я поздравляю Ваше Величество с одной из величайших побед этого века!» — торжественно заявил Мольтке королю.²³ Атаки французов оканчивались плачевно, хаос и дезорганизация в их рядах росли, они полностью утратили возможность для маневра. К вечеру сражение превратилось в элементарное избиение германской артиллерией сгрудившихся на ограниченном пространстве частей неприятеля. Началась массовая сдача в плен французских солдат. В половине пятого над Седаном появился белый флаг.

В половине седьмого вечера Наполеон III прислал офицера с заявлением о капитуляции. Вильгельм согласился начать переговоры и назначил ответственным Мольтке. Шеф Генерального штаба считал, что дело уже сделано: он спокойно

отправился в Доншери, где остановился в доме местного бургомистра, съел легкий ужин и с чистой совестью лег спать. Около полуночи в дверь постучали: французские представители прибыли договариваться о капитуляции. Мольтке мгновенно вскочил, оделся и натянул парик (шеф Генерального штаба, в молодости отличавшийся пышной шевелюрой, давно уже облысел).

С французской стороны переговоры вел командующий, генерал Вимпффен. С немецкой к Мольтке присоединился Бисмарк, без которого шеф Генерального штаба предпочел бы обойтись. Французам были поставлены весьма жесткие условия: армия сдается в плен со всем оружием и амуницией. Вимпффен попробовал торговаться, изображал готовность продолжить сражение на рассвете, однако Мольтке прекрасно чувствовал ситуацию и был непреклонен.

Следующим к Мольтке явился сам император Франции, который надеялся добиться лучших условий капитуляции. Однако визит старого знакомого не поколебал шефа Генерального штаба: альтернативой безоговорочной капитуляции может быть лишь продолжение боя. «Я нашел его в бедной крестьянской хижине около наших форпостов сидящим в полной униформе на деревянном стуле в ожидании встречи с королем, — писал Мольтке домой об этих событиях. — Он был спокоен и полностью покорился своей судьбе. Вскоре после этого наши условия капитуляции были без дальнейших проволочек подписаны несчастным Вимпффеном. <...> На следующее утро под проливным дождем долгая вереница повозок под эскортом эскадрона гусар двигалась по шоссе <...> Граф Бисмарк наблюдал за ней с одной стороны улицы, я — с другой, пленный император поприветствовал нас, и отрезок мировой истории ушел в прошлое».²⁴ Мольтке не сомневался, что империи Бонапартов в очередной раз пришел конец.

В Седане немцам удалось добиться выдающейся и — практически в первый раз с начала этой кампании — абсолютно безупречной победы. Идея Мольтке о концентрическом наступлении и окружении противника наконец-то

реализовалась. Результаты были великолепны: вместе с Наполеоном III капитулировали 85 тыс. человек. Половина регулярной французской армии прекратила свое существование.

После капитуляции французов Мольтке собрал всех своих сотрудников и от души поблагодарил их. Седан стал для него часом триумфа. Он лично руководил передвижениями войск и мог быть доволен результатом. С 25 августа по 2 сентября он почти постоянно находился на ногах, уделяя минимум времени сну. Высоко оценивали достижения шефа Генерального штаба и власть предержавшие. «Да, генерал Мольтке — это крупное военное дарование», — говорил пленный Наполеон Вильгельму 2 сентября. «После столь высокой оценки Вы можете себе представить, как велика моя благодарность ему», — ответил прусский король.²⁵ Недавние ошибки военачальников, стоившие большой крови, были зачеркнуты блестящим итогом. «Ни одна война не проходит безупречно, главное — победа», — великодушно сказал по этому поводу сам Мольтке.²⁶

* * *

Казалось, теперь кампания должна завершиться. Половина регулярной французской армии была уничтожена, половина блокирована в Меце. Разрозненные подразделения, которыми все еще располагало правительство империи, не представляли для немцев серьезной угрозы. Лишь прусский король со свойственным ему пессимизмом заявлял: «Поверьте мне, господа, война еще не закончена. Вероятно, у нас впереди еще много кровавой работы».²⁷ Этот прогноз оказался верным.

4 сентября в Париже произошла революция, покончившая с властью Бонапарта. Было сформировано правительство национальной обороны во главе с генералом Трошю. Оно было готово немедленно заключить мир, но без всяких аннексий и контрибуций — в противном случае его дни были бы скоро

сочтены. В Германии же широкую популярность приобрело требование аннексии Эльзаса и Лотарингии, северо-восточных провинций Франции, которые были двумя веками ранее отторгнуты ею у Священной римской империи германской нации. Поддерживал его и Мольтке.

Шеф Генерального штаба не был заинтересован в скорейшем мире. Он считал: если французы собираются продолжать войну, их поражение будет еще более страшным. Мольтке полагал, что у противника не осталось боеспособных формирований, которые могли бы изменить ход кампании. Уже 2 сентября были отданы первые распоряжения, касавшиеся наступления на Париж.

Движение немецких войск началось два дня спустя. В этот же день был занят Реймс. 5 сентября сюда — в город коронации французских королей и столицу шампанских вин — прибыла и главная квартира. Мольтке послал родным в Крайзау 40 бутылок «Вдовы Клико», чтобы те выпили их за здоровье германских солдат. Он был настроен весьма оптимистично, считая, что Мец скоро падет «и мы сможем противопоставить любому незваному посреднику 200 тысяч солдат, а с остальными — справиться с Францией. Не все еще поняли, что означает слово “Германия”, однако самое важное, что это поняла сама Германия».²⁸

В середине сентября германские войска подошли к Парижу. Французская столица представляла собой одну из мощнейших крепостей Европы, внешнюю линию обороны которой составляли прекрасно укрепленные и снабженные многочисленной артиллерией форты. Для ее защиты французскому правительству удалось собрать до 400 тыс. человек, однако большинство из них составляли слабо вооруженные и обученные мобильные и национальные гвардейцы. Поэтому гарнизон Парижа не был способен на активные наступательные действия и вынужден ограничиваться вылазками. В свою очередь, и германская армия была слишком слаба для того, чтобы идти на штурм, и ограничилась блокадой, кольцо которой замкнулось 19 сентября. «Вообще-то я тихо лелею надежду, что смогу уже в конце октября поохотиться на зайцев в Край-

зау», — писал Мольтке Адольфу два дня спустя.²⁹ Как показало будущее, эта надежда была чересчур оптимистичной.

5 октября главная квартира прибыла в Версаль. Мольтке со своими сотрудниками разместились в доме № 38 по улице Рю Нев. Обедать ходили в близлежащий ресторан, где при появлении Мольтке все его сослуживцы неизменно вытягивались по стойке «смирно». Более того — то же самое делали и немецкие князья, обедавшие там. В еде он соблюдал умеренность, к разговорам присоединялся редко, однако внимательно слушал и радовался, если среди офицеров царило хорошее настроение. Популярность Мольтке в армии после победы при Седане еще более возросла; как вспоминал Верди дю Вернуа, офицеры Генерального штаба с удовольствием носили бы его на руках: «Мы смотрели на него, как община на своего почтенного патриарха».³⁰ В хорошую погоду Мольтке предпринимал прогулки в экипаже в сопровождении одного или двух офицеров своего штаба, контролируя ход осадных работ. «Попав в сферу действия неприятельского огня, мы покидали экипаж, и было удивительно наблюдать, с какой легкостью и терпением семидесятилетний генерал преодолевал в ходе дальнейшей прогулки препятствия на пересеченной местности <...> Страх был ему неведом», — вспоминал фон Блуме, в те годы майор Генерального штаба.³¹ В плохую погоду Мольтке любил бродить по картинной галерее Версальского дворца. Вечерами он играл с офицерами в вист; он хотел неизменно быть победителем, и в случае поражения немедленно завершал игру, хотя и не показывал своих эмоций. Во время игры обсуждались важные военные вопросы и принимались решения.

Однако спокойствие было обманчивым. Неожиданно для прусского военного руководства война начала перерастать в народную. На неоккупированных территориях страны в спешном порядке формировались новые армии. На коммуникациях немецких войск начали действовать партизанские отряды — франтиеры.

Германская армия оказалась в сложной ситуации: ее основные силы были разделены между Мецем и Парижем, оса-

да которых пока не приносила результатов. Значительные контингенты необходимо было выделить для охраны пленных и наведения порядка в собственном тылу. Вместо окончательной победы осень 1870 года принесла немцам серьезный кризис, пути выхода из которого были покрыты мраком. «Война закончена, все это — судороги, больших операций больше не будет», — опрометчиво заявил начальник Генерального штаба 7 октября.³² «Когда же, наконец, эта несчастная страна поймет, что она побеждена и ее положение ухудшается с каждым днем?» — возмущенно писал Мольтке пять дней спустя.³³ «Даже самый способный ничего не может поделать с силой обстоятельств», — признавал он вскоре в одном из своих посланий.³⁴

Военное счастье пока улыбалось немцам. За первый месяц осады Парижа были успешно отбиты две крупных вылазки гарнизона; в конце сентября в результате правильной осады пали сильные крепости Туль и Страсбург. В Меце ситуация продолжала оставаться патовой; нерешительные вылазки со стороны Базена не увенчались успехом, но и сдаваться он пока не собирался. «Со времен Седана именно в падении Меца заключается решение всей кампании», — писал Мольтке командиру VIII армейского корпуса генералу Гебену.³⁵ В октябре положение осажденных начало наконец стремительно ухудшаться. В конце месяца, когда припасы подошли к концу, Базен вынужден вступить в переговоры с противником. Изначально он хотел добиться свободного выхода из крепости или перемирия; однако почуявшие приближение успеха немцы были непреклонны. 27 октября 173-тысячная армия капитулировала. «Со времен вавилонского плена мир не переживал ничего подобного, — писал Мольтке родным. — Теперь Франция осталась без войска, и все равно нужно подождать, пока мечущиеся в лихорадке парижане прекратят бессмысленное сопротивление».³⁶ Мощная немецкая группировка под командованием Фридриха Карла могла приступить к решению других задач. «Теперь у нас достаточно средств для того, чтобы нанести Франции тяжелейшие раны, если она будет упорствовать в безнадежном сопротивлении», —

писал шеф Генерального штаба.³⁷ 28 октября Мольтке был высочайше пожалован титул графа.

Капитуляция Меца произошла весьма своевременно с точки зрения немецкого командования. Осенью под руководством молодого и энергичного французского военного министра Леона Гамбетты на Луаре формировалась новая, республиканская армия. Планы были весьма масштабны — создание 12 корпусов общей численностью 600 тыс. человек при 1400 орудиях. Хотя осуществить их полностью не удалось, к югу от Парижа была сформирована мощная группировка, противопоставить которой равнозначные силы немцы не могли. 24 октября Луарская армия начала наступать на Орлеан, который предполагалось использовать в качестве базы для последующих операций. Противостоявшей им малочисленной немецкой группировке пришлось отступить, оставив город. Кризис достиг своей высшей стадии. Сам шеф Генерального штаба смотрел на ситуацию философски. «Видите ли, — заявил он одному из своих собеседников, — мы живем в очень интересное время, когда на практике решается вопрос о том, что предпочтительнее: постоянная армия или ополчение. Если французам удастся выкинуть нас из Франции, все государства введут систему милиции, если мы останемся победителями, все начнут подражать нам во введении всеобщей воинской повинности при наличии постоянного войска».³⁸

Однако на выручку уже спешил Фридрих Карл. 17 ноября части продвигающейся от Меца II армии вышли на дорогу Париж-Орлеан. Крепости в немецком тылу сдавались одна за другой, открывая германской армии все новые коммуникации; так, 9 ноября пал Верден. В последних числах ноября 200-тысячная Луарская армия, состоявшая в значительной степени из плохо вооруженных, организованных и обученных новобранцев, начала наступление на Париж. В кровопролитных боях французы потерпели ряд поражений и были вынуждены отступить. 4 декабря Орлеан был вновь занят немцами. Хотя разгромить Луарскую армию полностью не удалось, она на некоторое время перестала представлять собой угрозу для блокады Парижа.

Тем временем гарнизон французской столицы предпринял в последних числах ноября серьезную попытку прорвать неприятельское окружение. Однако «сражение, которое должно было решить судьбу столицы», как назвал его впоследствии Мольтке,³⁹ французы проиграли. Переломный момент второй фазы кампании был позади.

Шеф Генерального штаба в это время вел себя именно так, как это должен делать полководец современной эпохи. Он управлял ходом боевых действий на театре, протянувшимся на сотни километров. Ему было необходимо держать в руках нити управления отдельными частями действующей армии, сражавшимися далеко от главной квартиры. Не на поле боя, наблюдая за ходом разворачивающегося сражения, а за письменным столом, в глубоком тылу, с картой и пачкой донесений, принимал Мольтке свои решения. Такой стиль работы стал возможным благодаря совершенствованию средств связи, а также тому обстоятельству, что на место однодневных сражений пришла многодневная масштабная операция. Мольтке необходимо было видеть и понимать общую ситуацию, чтобы принимать решения, — а это было возможно сделать лишь с соблюдением определенной дистанции. Фактически такой стиль работы стал образцом для всех полководцев новой эпохи.

Война продолжалась. Республиканскому правительству удавалось формировать все новые армии, однако их качество оставляло желать лучшего. Размах дезертирства и сдачи в плен был очень высок. «После Седана и Меца в Берлине могло показаться, что все закончено; однако нам пришлось пережить беспокойные дни, — писал Мольтке родным 23 ноября. — После того как вся французская армия отправилась в Германию в качестве пленных, нам сегодня противостоит больше вооруженных людей, чем в начале войны». Однако шеф прусского Генерального штаба не верил, что народные армии сумеют справиться с кадровыми германскими корпусами: «Мы надеемся показать, что восстание нации, даже обладающей таким патриотизмом и столь безграничными ресурсами, как французская, не сможет справиться с храбрым

и обученным войском <...> Вооруженная толпа — еще не армия, и вести ее в сражение — варварство».⁴⁰ События показали, что в данном случае он прав.

В середине декабря Мольтке решил в ожидании капитуляции Парижа сконцентрировать основную массу имеющихся сил к северу от Луары и на этой позиции отражать атаки французов, завершая оборонительные операции короткими контрударами. Он считал необходимым не давать противнику сконцентрировать сильную армию в одном месте, громить его корпуса по мере формирования, и тогда успех окажется на стороне немцев. В одной из бесед он сравнил новые французские армии с роем мух, от которых необходимо постоянно отмахиваться. Совсем не обязательно пытаться удерживать всю территорию; достаточно контролировать узловые точки, нанося оттуда болезненные удары противнику. Мольтке считал необходимым кровавое подавление партизанского движения — «лишь беспощадная строгость может достичь цели».⁴¹

«Как долго еще продлится эта ужасная война и с кем мы в конце концов заключим мир, никто не может предсказать, — писал Мольтке 18 декабря одному из своих немногочисленных друзей, тайному советнику Шеллеру. — Целый народ под ружьем нельзя недооценивать».⁴²

Тем временем шефу Генерального штаба пришлось начать свое сражение. Его противниками выступили Бисмарк и Рон, которые придерживались несколько иных, нежели Мольтке, взглядов на способ ведения войны. Хотя зерна конфликта вызревали давно, его катализатором стало затягивание кампании во Франции.

Генеральный штаб был готов вести войну до тех пор, пока противник не признает свое полное и окончательное поражение. «Бороться с этой нацией лжецов до последнего и наконец разгромить ее», а потом «диктовать такой мир, какой пожелаем» — таковы были воззрения Мольтке.⁴³ Иначе смотрел на положение вещей Бисмарк. Он опасался, что затягивание кампании вызовет вмешательство великих держав, а также с ревностью следил за ростом влияния Генерального

штаба. Отсутствие громких успехов затрудняло переговоры с южногерманскими правительствами об объединении страны. «Железный канцлер» считал необходимым закончить войну в кратчайшие сроки. Предметом спора стал не только вопрос о приоритете военного или гражданского руководства, но и стратегия нового типа войн.

Еще в сентябре Бисмарк жаловался на то, что его ущемляют в вопросах снабжения и расквартирования, а также не приглашают на военные совещания. «Я уже потому должен знать обо всех военных делах, чтобы мог своевременно заключить мир!» — горячился канцлер.⁴⁴ Однако вмешательства в сферу своей компетенции шеф Генерального штаба терпеть не собирался и держал Бисмарка на строжайшей информационной диете. Лишь 15 октября он распорядился направлять канцлеру копии телеграмм, которые отправлялись из главной квартиры германской прессы. Это было сделано после настойчивых просьб канцлера, которому надоело черпать информацию из газет.

К концу октября отношения двух деятелей испортились окончательно. Шеф Генерального штаба обходил конфликт молчанием, канцлер в свойственной ему манере шумел о заносчивых «полубогах» из Генерального штаба, которым успех вскружил голову, о «стратегах из классной комнаты», о «профиле хищной птицы» у Мольтке...⁴⁵ Очередным поводом для разногласий стал вопрос об обстреле Парижа. Мольтке делал ставку на ограниченные запасы продовольствия у горожан, которые должны были — скорее рано, чем поздно — закончиться. Однако к концу года как среди военных, так и среди политического руководства все большую популярность приобретала идея обстрела Парижа из тяжелых орудий. Мольтке заявлял, что пропускная способность линий снабжения недостаточна для переброски артиллерийского парка. Бисмарк обвинял его в том, что его стратегия порочна. В ответ Генеральный штаб вновь попытался установить вокруг канцлера своеобразную информационную блокаду, перестав снабжать его информацией о ходе боевых действий.

Это никак не устраивало Бисмарка, который потребовал, чтобы обо всех планируемых операциях ему сообщалось заранее, даже до доклада королю. Мольтке, в свою очередь, возмутился до глубины души и заявил кронпринцу: «Все это вообще не касается канцлера, и, пока мне не прикажут, я ему ничего не буду сообщать».⁴⁶ Конфликт расширился, охватывая все большее число влиятельных персон: на стороне Бисмарка выступил Роон, на стороне Мольтке — кронпринц, считавший, что голод гуманнее обстрела. «Король и кронпринц очень расстроились из-за этого конфликта, однако не в их силах прекратить его», — писал Штош.⁴⁷ Бисмарк отстаивал идею примата политических соображений над военными; Мольтке же, напротив, считал, что на войне первую скрипку должен играть именно Генеральный штаб, а не политики. Примирить эти точки зрения было невозможно.

5 декабря Мольтке через парламентаря проинформировал Трошю о поражении французских армий на юге, надеясь, что эта информация ускорит капитуляцию Парижа. Бисмарк немедленно обратился с жалобой к королю: Мольтке лезет в дипломатические дела, кроме того, последний лейтенант располагает большей информацией, чем он, канцлер! Он потребовал права присутствовать на всех военных докладах и, кроме того, быть посвященным во все планируемые операции. Отношения между Мольтке и королем тем временем также начали ухудшаться. Вильгельм жаждал военных успехов, которыми в последнее время судьба не баловала, и погружался в пессимизм. В вопросе обстрела Парижа он разделял точку зрения Бисмарка и 28 ноября потребовал ускорить подготовку. Впрочем, один верный способ справиться со своим монархом у Мольтке был: шеф Генерального штаба предоставлял королю отдавать приказания на свой страх и риск. Вильгельм, которому сразу становилось не на кого валить ответственность за неудачу, как правило, тут же принимал рекомендованные меры. «Видите, так происходит всегда: мне нужно лишь попросить Его Величество отдавать приказания лично, как он тут же успокаивается», — сказал Мольтке свидетелю одной из таких сцен в начале декабря.⁴⁸

Раздражали шефа Генерального штаба и немецкие князья — коронованные бездельники, которые находились при главной квартире с многочисленными свитами и громогласно требовали, чтобы армия обеспечивала их защиту и снабжала всем необходимым. «Многие августейшие особы, а также высшие военные чины, окруженные своими многочисленными свитами и обозами и не имеющие определенной роли, доводили состав главной квартиры до численности кавалерийской дивизии», — с иронией писал шеф Генерального штаба.⁴⁹ Любимым развлечением Мольтке было рассказывать им о страшных французских дальнобойных пушках, якобы способных обстреливать Версаль.

В январе конфликт между Мольтке и Бисмарком достиг кульминации. Шеф Генерального штаба открыто заявил, что не собирается посвящать канцлера в военные вопросы, поскольку опасается утечки информации. Кронпринц попытался примирить антагонистов, пригласив их 13 января на обед. Мольтке пришел вовремя, Бисмарк опоздал на полчаса и прямо с порога начал пламенные речи: необходимо как можно скорее заключать мир! Мольтке возражал, причем весьма резко и многословно, что бывало с ним весьма редко: французов надо разгромить окончательно, после падения Парижа высвободившиеся силы следует бросить на юг и добиться капитуляции столь же безоговорочной, как седанская. Уничтожить Францию как великую державу — такова, ни много ни мало, была его цель. Бисмарк, однако, прекрасно понимал, что другие великие державы Европы не потерпят полного разгрома Франции и стремительного взлета Пруссии. Мольтке же настаивал на том, что военные соображения в данный момент куда важнее, чем политические, и что не он должен получать согласие Бисмарка на операции, а Бисмарк — его согласие на тот или иной дипломатический маневр. Это было слишком даже для кронпринца, который заметил, что Мольтке все-таки следовало бы действовать в согласии с правительством. Однако шеф Генерального штаба подчеркнул, что он — военный советник короля, и Бисмарк ему не указ. Попытка примирения провалилась, более того — враждебность

двух деятелей усилилась. «Раньше я был послушен военным, — высказался Бисмарк вечером 18 января. — Но теперь об этом не может быть и речи, когда мы заключим мир, военные должны будут занять свое место и более не доминировать».⁵⁰

Военные действия тем временем продолжались своим чередом. В начале января 1871 года французы попытались предпринять крупное наступление силами 2-й Луарской армии. Не зная об этом, Мольтке приказал II немецкой армии начать наступление в направлении на Ле Ман. Уже 5 января произошли первые столкновения, вылившиеся в тяжелое трехдневное сражение. В конечном счете немцам удалось отбросить численно превосходящих французов и подойти вплотную к Ле Ману, являвшемуся главным опорным пунктом 2-й Луарской армии. 10—12 января здесь состоялась новая битва, в ходе которой французы были полностью разгромлены, потеряв до 25 тыс. только пленными. Вдвое большее число солдат успешно дезертировали. Развить успех немцам не удалось, поскольку силы пришлось перебрасывать для отражения ударов вновь созданных Северной и Восточной французских армий. В январе первая из них была разгромлена и дезорганизована, вторая, успешно начав наступление, прижата к швейцарской границе, которую, чтобы избежать плена, перешла и была интернирована. Последний кризис войны был преодолен.

Именно в этот момент Мольтке, который все еще надеялся довести войну до абсолютной победы, получил сильнейший удар. 25 января увидели свет два королевских приказа. Шефу Генерального штаба предписывалось воздерживаться от вмешательства в политические дела и подробно информировать канцлера о состоянии военных операций. «Мы все были возмущены, — писал один из офицеров Генерального штаба Пауль Бронзарт фон Шеллендорф, — что давно подготавливавшийся удар по генералу Мольтке был нанесен в тот момент, когда, ввиду скорого завершения войны, надеются обойтись без таланта шефа Генерального штаба <...> Генерал Мольтке, которого потомки причислят к величайшим

полководцам всех времен, падет жертвой талантливому, но внутренне подлого человека, который не успокоится, пока не станет мажордомом, раздавившим всех, кто пытается пользоваться заслуженной властью».⁵¹

Сам Мольтке был глубоко возмущен и хотел просить отставки. 29 января он отправил королю послание, в черновике которого написал, что, по его мнению, «шеф Генерального штаба и канцлер, особенно на войне, являются равноправными и независимыми друг от друга инстанциями под непосредственным руководством Вашего Королевского Величества»,⁵² и он лично всегда старался поддерживать этот баланс. Однако канцлер, судя по всему, считает иначе и тем самым вмешивается в область компетенции Мольтке, нарушая принцип военного единоначалия. Если монарх собирается поддерживать эти устремления Бисмарка, что ж — шеф Генерального штаба готов их принять, но при условии, что канцлер возьмет на себя полную ответственность за ход боевых действий: «Я с удовольствием передам соответствующие полномочия и связанную с ними ответственность канцлеру».⁵³

Тем не менее, финальный вариант письма был менее резким. Мольтке не стал доводить дело до разрыва, считая, что данная им присяга не позволяет оставлять свой пост до окончания войны. Король, в свою очередь, никак не ответил на послание. Скорее всего, монарх решил таким образом просто прекратить спор, который доставлял ему массу неприятных эмоций.

Тем временем стремительно ухудшалось положение Парижа. К концу декабря немцы смогли перебросить сюда 235 тяжелых орудий. 27 декабря начался обстрел фортов, оказавшийся довольно эффективным, а спустя несколько дней — жилых кварталов города. Это, как и предполагал Мольтке, не оказало практически никакого влияния на положение осажденных. Зато все сильнее сказывалась нехватка продовольствия. После провала крупной вылазки 19 января генерал Трошю объявил, что дальнейшие попытки прорвать блокаду обречены. В результате 23 января министр ино-

странных дел Франции Жюль Фавр вступил с Бисмарком в переговоры по вопросу о перемирии. К этим переговорам был привлечен и Мольтке, однако на вторых ролях — главным уполномоченным с немецкой стороны был назначен Бисмарк. Тем не менее в качестве военного эксперта начальник Генерального штаба был незаменим. Он изначально поставил жесткие условия: все французские армии, за исключением Восточной (шеф Генерального штаба не хотел лишать свою армию еще одной громкой победы), должны были прекратить огонь; все форты Парижа должны быть переданы немцам. Фавр согласился, и уже 26 января военные действия у стен Парижа завершились. 28 января Бисмарк и Фавр заключили франко-германское перемирие сроком на 21 день. «Теперь Париж для нас — всего лишь большая тюрьма, в которой мы охраняем пойманную армию», — писал шеф Генерального штаба.⁵⁴

Во время перемирия конфликт канцлера и шефа Генерального штаба продолжался. Бисмарк полагал заключение мира делом решенным. Мольтке же считался с возможностью продолжения войны и потому принимал меры, направленные на подготовку новой кампании; в частности, отдал приказ о переброске двух армейских корпусов на Луару. Во время совещания у короля 8 февраля канцлер обвинил Мольтке в саботаже мирных переговоров. Шеф Генерального штаба отреагировал столь эмоционально, что король от изумления потерял дар речи, а затем одобрил все предложенные им мероприятия. «Это был первый и, я надеюсь, последний военный совет этой кампании, — со свойственным ему сарказмом говорил Мольтке впоследствии. — Единственным его преимуществом стало то, что на решение вопроса, который я в одиночку решил бы минуты за две, потребовалось больше часа».⁵⁵

Тем не менее все военные приготовления действительно оказались излишними. 26 февраля был подписан прелиминарный мир, по которому Германия получала Лотарингию, большую часть Эльзаса и 5 миллиардов франков военной контрибуции. Мольтке называл этот мир слишком мягким,

но в целом был доволен. Франко-германская война завершилась.

Практически одновременно с разгромом Франции произошло еще одно событие, которого Мольтке желал не меньше, чем победы над «наследственным врагом». Его родина — Германия — наконец объединилась. 18 января 1871 года в самом сердце вражеской страны, в Зеркальном зале Версальского дворца, было торжественно провозглашено объединение Германии. Второй рейх увидел свет. На пышной церемонии Мольтке стоял прямо напротив короля. Пройдя мимо Бисмарка, как мимо предмета мебели, Вильгельм подошел к шефу своего Генерального штаба и крепко пожал ему руку. Как уже говорилось выше, этот демонстративный жест никак не повлиял на исход разгоревшейся борьбы между Мольтке и «железным канцлером».

Впрочем, после окончания войны противостояние двух творцов германского единства потеряло свою остроту. Канцлер пригласил генерала в свою версальскую резиденцию и любезно заявил, что после столь блистательных военных побед, как одержанные во Франции под предводительством Мольтке, заключение мира не представляло большой сложности. Однако теплоты в отношениях двух деятелей так и не появилось. Взаимное уважение — вот максимум того, на что они были способны в дальнейшем.

Ограниченный контингент немецких войск вошел в Париж. И Мольтке, и Бисмарк отправились на улицы французской столицы. На местных жителей пожилой офицер не произвел глубокого впечатления. «Его бритое, изборожденное множеством мелких морщин лицо, казалось, принадлежит не военному — такому, каким мы его себе представляем во Франции, — а бенедиктинцу, аскету или старому актеру», — писал граф д'Эриссо.⁵⁶

В марте 1871 года шеф прусского Генерального штаба получил очередную награду — Большой крест Железного креста. А 16 июня в центре новой имперской столицы состоялся торжественный парад победы. Впереди марширующих войск скакал король. Непосредственно за ним, плечом к плечу —

Бисмарк, Мольтке и Роон. Эта тройка паладинов потом надолго закрепится в мифологии франко-германской войны как когорты соратников и друзей. Огромные толпы народа с ликованием встречали победоносные войска, возвращавшиеся домой и везшие с собой несметные трофеи. На следующий день Мольтке был произведен в фельдмаршалы.

Потери немецких войск в войне были сравнительно невелики — менее 30 тысяч убитыми и около 90 тысяч ранеными. Потери французов — и военных, и мирного населения — оказались гораздо больше. Однако главным итогом войны стало то, что поражение Франции и образование Германской империи создало в Европе новую расстановку сил. С прежней системой было покончено; в центре Европы вместо царившего там веками вакуума в одночасье образовалось мощное государство, способное претендовать на гегемонию в масштабах континента. Короткая франко-пруссская война повлияла на судьбы мира в гораздо большей степени, нежели многолетние кампании Людовика XIV и Наполеона. Ее воздействие на историю международных отношений мы ощущаем и по сегодняшний день. А человеком, оказавшим наибольшее влияние на исход этой битвы, был Гельмут фон Мольтке.

Последняя его кампания завершилась.

ГЛАВА 7

ПОЛУБОГ

Период после 1871 года часто рассматривается биографами Мольтке как своеобразный эпилог его жизненного пути. Так, по словам Ф. Херре, «он больше не сыграл всемирно-исторической роли — но должен был еще долго стоять перед занавесом, принимать аплодисменты немцев и радоваться своему успеху».¹ То есть фактически служить живым памятником самому себе. Этот оптический обман вполне понятен — деятельность Мольтке в новой империи находится как бы в тени его громких побед на полях сражений трех войн за германское единство. Но это вовсе не означает, что его участие в дальнейшей судьбе Германии было чисто номинальным. Если посмотреть на события 1870—1880-х годов не с точки зрения жизненного пути отдельного человека, а в более широком историческом контексте, то эпоха, которая может показаться эпилогом объединения Германии, на самом деле предстает перед нами в качестве пролога куда более масштабных событий — Первой мировой войны. В рамках такой трактовки 17 лет, проведенные на посту руководителя Генерального штаба одной из самых могущественных европейских держав, не могут не образовывать самостоятельную важную главу в биографии Мольтке.

Чтобы объективно оценить деятельность фельдмаршала после 1871 года, придется в значительной степени абстрагироваться от предшествующих событий. Ореол непобедимого

полководца оказывал влияние и на современников, и на потомков. Даже многие профессиональные историки склонны априори считать любое решение Мольтке, любой составленный им план операции в 1870—1880-е годов непогрешимым и гениальным (Т. Зубер называет это «эффектом гало»²). Это, конечно же, не вполне соответствует истине. Разумеется, полностью игнорировать прошлое шефа прусского Генерального штаба при рассмотрении его деятельности в новой империи не получится — хотя бы потому, что его значение далеко не ограничивалось формальными должностными обязанностями.

Еще в ноябре 1870 года Мольтке вновь заговорил о своем грядущем уходе с поста шефа Генерального штаба. Однако это была лишь призрачная мечта, которую он скоро выбросил из головы. Ведь с тех пор, как скончалась его супруга, военная служба окончательно вышла для Мольтке на первый план. Пока фельдмаршал был в строю, время словно останавливалось и не касалось его; уйти — значило отдать себя на растерзание неумолимой старости.

Большой генеральный штаб был в очередной раз реорганизован. В нем насчитывалось четыре отделения. Первое занималось Скандинавией, Австро-Венгрией и Россией; второе — Германией (которая тоже могла стать театром военных действий), Данией, Италией и Швейцарией; третье — Западной Европой и Америкой. Четвертое — железнодорожное — отделение заведовало составлением планов перевозок на случай мобилизации. Именно его Мольтке рассматривал в качестве наиболее важного, поскольку именно здесь разрабатывались планы мобилизации и развертывания армии. Дополнительный штат образовывали сотрудники военно-исторического, статистико-географического отделений и военно-топографического отдела. Кроме того, в рамках Генерального штаба действовало «бюро известий», собиравшее новейшие разведывательные данные об иностранных армиях. Всего в Большом генеральном штабе насчитывалось 74 офицера основного и 45 — дополнительного штата, 18 чиновников и 12 нижних чинов, не считая сотрудников военно-то-

пографического отдела. По сравнению с 1857 годом, их численность выросла в четыре раза. Кроме того, службу здесь проходили и прикомандированные офицеры из частей.

Основной задачей прусского Генерального штаба оставалось военное планирование. Фактически он выполнял функцию общеимперского — баварский, саксонский и вюртембергский штабы существовали, но не играли самостоятельной роли. Большой генеральный штаб пользовался огромным авторитетом не только в Германии, но и во всей Европе; практически все государства строили свои генеральные штабы по образцу прусского, в Берлин на стажировку приезжали офицеры из разных стран. Находясь в формальном подчинении военному министерству, Генштаб на деле был независим от него. Большую роль в его усилении играли тесные личные связи Мольтке с королем.

Важной функцией Генерального штаба было составление мобилизационных планов, которые перерабатывались ежегодно. С 1874 года все они централизованно составлялись в Берлине. Генеральный штаб, как и ранее, являлся главным поборником прогресса, ратуя за введение новых тактических приемов, новых образцов вооружения, одним словом — за следование веяниям времени. Однако его возможности непосредственно определять обучение, тактику, вооружение и организацию армии оставались незначительными.

Сотрудники Генерального штаба образовывали в армии «элиту внутри элиты». Как вспоминал будущий фельдмаршал и рейхспрезидент П. фон Гинденбург, к ним выдвигались особые требования — высокие способности и интеллект должны были сочетаться с личной скромностью и отстраненностью от «мирских» проблем — в соответствии с формулой Мольтке «быть большим, чем кажешься».³ Фельдмаршал прививал своим подчиненным склонность к тщательной и продуманной работе, учил обращать внимание на каждую мелочь. Небрежности и неряшливости он не терпел. Мольтке приветствовал самостоятельность и инициативу, но не уважал фрондеров, даже если они в остальном были талантливыми людьми. Больше всего он доверял старым, испытанным

сотрудникам, с которыми прошел сквозь кампании 1866 и 1870 годов, однако и талантливая молодежь могла найти свое место в недрах «мозга армии».

С 1872 года в подчинение Генеральному штабу была передана Военная академия — так теперь называлась Всеобщая военная школа; тем самым Мольтке получил в свои руки контроль над подготовкой элиты офицерского корпуса. Все преподаватели Военной академии по военно-научным дисциплинам были офицерами Генерального штаба; учебное заведение стало «кузницей кадров», в первую очередь, для ведомства Мольтке.

Как и прежде, сотрудники Генерального штаба ежегодно отправлялись на учения, которые проводил лично их шеф. Учебные поездки, в которых принимало участие от 20 до 40 офицеров, проходили в приграничных областях Германии и продолжались всякий раз около 2 недель. Здесь на местности проверялась правильность военного планирования и способность генштабистов адекватно реагировать на постоянно меняющуюся ситуацию. Мольтке требовал, чтобы участники этих командно-штабных игр, разделенные на две группы, письменно прорабатывали концентрацию войск с обеих сторон еще до поездки. Затем, уже в ходе игры, им предстояло принимать самостоятельные решения в обстановке, максимально приближенной к реальной боевой деятельности.

Генеральный штаб обеспечил себе практически монопольное положение в области военной истории. Первой его задачей стала подготовка труда по истории франко-германской войны; в 1872 году Мольтке писал, что он «важен для репутации Генерального штаба и будет достойно оценен армией».⁴ Пятитомник появился в начале 1870-х годов и был быстро переведен на основные европейские языки. Новый труд разительно отличался от предыдущего, посвященного кампании 1866 года. В нем критические нотки были приглушены еще сильнее; Мольтке все больше внимания уделял тому, чтобы «не разрушать мифы, привязывающие успехи нашей армии к определенным личностям».⁵ Вся критика должна была оставаться в стенах Генштаба. Тем самым

фельдмаршал внес значительный вклад в канонизацию опыта этой кампании, в первую очередь — начальной ее фазы, до сражения при Седане. Осмыслить опыт второго периода этой войны и сделать надлежащие выводы Мольтке так полностью и не удалось, хотя попросту отбросить его, как это с удовольствием делали многие военные мыслители тех лет, он не мог.

Работа на должности шефа Генерального штаба требовала от Мольтке все больших физических нагрузок. Помимо ежегодных учебных поездок, он должен был присутствовать на осенних больших маневрах и, кроме того, выполнять всевозможные представительские функции. Однако до поры до времени ему удавалось справляться. В Генеральном штабе он старался концентрировать в своих руках лишь важнейшие дела, оставляя все мелочи на своего адъютанта. Значительная свобода была предоставлена и начальникам отделений.

Из-под пера Мольтке выходили военно-исторические и военно-теоретические сочинения — правда, в весьма небольшом объеме. Большинство из них развивали и дополняли мысли, высказанные уже в «Инструкции» 1869 года. После смерти фельдмаршала его ученики в Генеральном штабе составили из отдельных работ книгу «Военные поучения», где попытались привести в систему оставленное им наследство. Непростая задача — ведь разработать завершенную теорию Мольтке не стремился.

В 1871 году фельдмаршал опубликовал сочинение «О стратегии». В нем он пытался показать неразрывную связь стратегического, тактического и оперативного уровней войны. Поскольку стратегия является не более чем системой подпопок, полководец должен гибко реагировать на меняющуюся обстановку — «перед тактической победой отступает любое требование стратегии, последняя должна приспособливаться к новому положению вещей».⁶ В то же время вести сражение без стратегической цели нельзя. Таких кажущихся противоречий в трудах фельдмаршала достаточно много; вспомним хотя бы его требование предоставлять подчиненным широкую инициативу при одновременном сохранении строжайшей дисциплины. На самом деле Мольтке не стремился дать

точных рецептов победы; он показывал, насколько сложно и многогранно военное искусство, в котором практически нет раз и навсегда установленных законов, и задача полководца — найти необходимый именно в данный момент компромисс между стратегической и тактической задачами, между инициативой и дисциплиной. «Речь идет о том, чтобы в различных обстоятельствах распознать ситуацию, скрытую туманом неизвестности, правильно оценить данные, угадать неизвестное, быстро принять решение и без колебаний претворять его в жизнь», — писал он.⁷

Фельдмаршал чутко реагировал на изменения в военном деле. «Теперь не обойтись без помощи науки и техники во всех их видах» — справедливо утверждал Мольтке.⁸ В 1874 году он писал, что возросшая мощь огнестрельного оружия создала громадный перевес для обороны. «Тактическая оборона, — писал он впоследствии, — это более сильная форма, но стратегическое наступление — более эффективная, единственная, которая ведет к цели».⁹ Именно в их сочетании видел Мольтке ключ к победе в современной войне. Сначала истощить силы противника в обороне, после чего нанести быстрый и мощный контрудар — именно так представлял себе шеф Генерального штаба грядущую кампанию на западном фронте. «Оборонительное сражение с финальным наступлением станет сильнейшей формой».¹⁰ Мольтке выступал за менее плотные боевые порядки пехоты, предсказывал окончательный закат кавалерии, который произойдет в ближайшем будущем.

Поскольку плотность огня увеличивается, фронтальным ударом выиграть сражение становится все труднее. Выход из этой ситуации Мольтке видел во фланговых ударах, в концентрическом наступлении. Шеф Генерального штаба подчеркивал преимущества наступления: «...чем более стеснено собственное положение, тем важнее перейти в наступление <...> Если у нас есть убеждение, что мы достаточно сильны для атаки, мы должны тут же ее начинать».¹¹ Частям должно быть привито стойкое убеждение, что отступать — гораздо опаснее, чем держать позицию или атаковать, поскольку по-

тери при отступлении гораздо больше. «Пехота, чьи фланги обеспечены и которая сохраняет спокойствие под огнем с больших дистанций, непобедима».¹² Необходимо умело использовать местность, строить полевые укрепления (к примеру, рыть окопы), организовывать четкое взаимодействие различных родов войск. Атаке должна предшествовать контр-батарейная борьба. Пехота и артиллерия призваны взаимно прикрывать друг друга, кавалерия же предназначена лишь для разведки до и преследования после сражения. Многие из этих тезисов найдут свое практическое подтверждение в войнах начала XX века.

Заслугой Мольтке, по мнению многих исследователей, является введение в военное искусство оперативного уровня как промежуточного между стратегией и тактикой (сражением). Именно он сформулировал концепцию операции как единого комплекса действий, краеугольного камня современной войны.

Мольтке по-прежнему выступал за скорейшее развитие сети железных дорог. «Железные дороги, — заявил он в палате господ прусского парламента в 1879 году, — стали в наше время одним из основных орудий войны».¹³ Он предсказывал, что вскоре железнодорожный транспорт станет самостоятельным фактором, влияющим даже на организацию армии. Особенно ценна развитая сеть железных дорог в том случае, если страна готовится воевать на два фронта. Не меньшее значение Мольтке придавал телеграфу.

В своих сочинениях шеф Большого генерального штаба неустанно подчеркивал необходимость «свободы рук» у полководца. «Раз война объявлена, главнокомандующему должна быть предоставлена полная свобода действовать по собственному его усмотрению».¹⁴ Единое руководство необходимо еще и потому, что оно скорее поможет избежать гибельных на войне метаний и колебаний. «Последовательное осуществление одной и той же мысли, хотя бы сколько-нибудь отвечающей данной обстановке, скорее приведет к цели, чем составление новых и новых планов», — писал Мольтке.¹⁵ В то же время необходимо проявлять гибкость. Исход каж-

дого боя «составляет как бы этапный пункт для новых стратегических решений, ибо выигрыш или проигрыш сражения изменяют обстановку в такой степени, что никакая проницательность не может предвидеть события далее первого сражения. <...> План операции поэтому не может с некоторой уверенностью простирается дальше первого столкновения с главной массой неприятеля».¹⁶ Именно в умении принять правильное решение исходя из сложившейся обстановки и заключается, по Мольтке, военное искусство.

Большое внимание уделял фельдмаршал организации тыла, считая, что руководить снабжением порой бывает сложнее, чем боевыми действиями. Хорошее питание и медицинское обслуживание значительно повышают боеспособность армии и потому должны стать предметом заботы со стороны высшего военного руководства.

Помимо военной, Мольтке продолжал заниматься и политической деятельностью. В 1872 году король назначил Мольтке членом палаты господ — верхней палаты прусского парламента, отдаленного аналога британской палаты лордов. Определенное время в начале 1870-х годов его прочили на пост министра-президента Пруссии, однако фельдмаршал отнесся к этой идее более чем сдержанно, и ее успешно похоронили.

Зато он оставался депутатом рейхстага. Первый общенемецкий парламент открыл свои заседания 21 марта 1871 года. Мольтке на торжественной церемонии стоял не в рядах парламентариев, а рядом с императорским тронном, ясно показывая, чьи интересы он станет защищать в палате. Шеф Генерального штаба по-прежнему остался одним из самых важных членов парламента. Он всегда внимательно слушал все выступления, но редко брал слово; голос его был исключительно невыразителен, говорил он, как правило, «коротко, просто, без всякого блеска; его фразы — настоящие афоризмы», как писал один из современников.¹⁷ Выступал он, как правило, по вопросам, связанным с армией. Так, в 1874 году во время обсуждения нового военного законопроекта Мольтке произнес речь, в которой заявил: «Сэкономленное на

военном бюджете за многие годы может быть потеряно за один-единственный военный год. <...> То, что мы завоевали оружием в течение полугода, мы должны защищать полвека оружием же, чтобы оно не было у нас вновь отнято. <...> Своими счастливыми войнами мы завоевали везде уважение, но нигде любовь». Глава Генерального штаба красочно описал опасности, исходящие от соседей Германии; наибольшее внимание при этом он, естественно, уделил Франции. В заключение Мольтке подчеркнул неизменное миролюбие Германии: «Я надеюсь, что в течение ряда лет мы будем не только сохранять мир, но и обеспечивать его. Может быть, тогда мир убедится, что могучая Германия в середине Европы является гарантией европейского мира. Но чтобы обеспечивать мир, нужно быть готовым к войне, и я думаю, что мы стоим перед выбором, сказать ли, что в политических условиях современной Европы мы не нуждаемся в сильной и боеспособной армии, или же согласиться на то, что для неё нужно».¹⁸

В рейхстаге шеф Генерального штаба продолжал поддерживать все мероприятия правительства, считая, что цель народного представительства — помогать исполнительной власти, а не вступать с ней в бесплодные конфликты. «Культуркампф» — шумную кампанию против влияния католической церкви — он, в отличие от многих своих товарищей по партии, воспринял с одобрением. Он считал необходимым отделение церкви от государства и к тому же прекрасно видел, что мероприятия правительства не наносят церкви серьезного ущерба, ограничиваясь в основном внешним эффектом. Главным злом своей эпохи Мольтке считал социалистов, называя их «величайшей опасностью для всех стран».¹⁹ В 1878 году он с трибуны парламента горячо поддержал законопроект, направленный против социал-демократии. Однако большинство внутривнутриполитических вопросов не слишком интересовали его.

Этого нельзя сказать о внешней политике. Германские военные претендовали на серьезное влияние в этой области, считая себя непререкаемыми авторитетами в вопросах национальной безопасности. Это, естественно, приводило

к продолжению соперничества с канцлером, пусть и менее острого, чем в 1870—1871 годах. Столкновения двух концепций — Бисмарка о подчинении армии гражданским властям и Мольтке о примате интересов вооруженных сил в вопросах безопасности — начались сразу же после основания империи. Они происходили, в первую очередь, вокруг вопросов превентивной войны. Несмотря на то что фельдмаршал в общем и целом признавал верховенство канцлера в вопросах войны и мира, он вовсе не собирался держать свое мнение по данной проблеме при себе.

Мольтке не рассматривал заключенный в 1871 году мир как окончательный. Он не сомневался, что будет новая война, и считал весьма вероятным, что разразится она довольно скоро. Подобно тому как Фридриху Великому, завоевавшему Силезию, пришлось вести Семилетнюю войну, чтобы закрепить свое приобретение, Германии придется вести еще одну «войну за объединение», которая позволит ей укрепить свое положение в Европе. К ней было необходимо тщательно подготовиться. Фельдмаршал предвидел вероятность союза западного и восточного соседей Германии и стремился провести необходимые приготовления на случай именно такого развития событий. В памятной записке от 27 апреля 1871 года, так и озаглавленной — «Война с Россией и Францией», шеф Генерального штаба указывал, что «возможность подобной комбинации невозможно отрицать», поскольку, несмотря на дружеские отношения между династиями, между народами империй Романовых и Гогенцоллернов «несомненно существует обоюдная неприязнь».²⁰ Французы рано или поздно найдут себе союзников в лице русских.

Империя Романовых продолжала в глазах Мольтке оставаться потенциальным противником Германии. Ничуть не исправил положение даже торжественный прием, оказанный императору и ему в Петербурге в декабре 1871 года. Здесь восхваляли недавние немецкие победы, фельдмаршалу пожаловали орден Св. Андрея. «Делается все для того, чтобы принять нас наилучшим образом», — писал Мольтке своему брату Фрицу.²¹ Однако шеф Генерального штаба не доверял

русским, в первую очередь военному министру Милютину. В этом он был далеко не одинок — особых симпатий к России у большинства немцев не было, на восточного соседа они смотрели как на непредсказуемую варварскую страну. Кроме того, Мольтке рассматривал союз Германии с Австрией в качестве единственного пути, по которому могут развиваться отношения между двумя немецкими державами, и не строил иллюзий по поводу реакции России на этот процесс.

Идея войны на два фронта, причем войны превентивной, стала в дальнейшем основой германского военного планирования. Вопрос заключался в том, где нанести первый удар. На западе Франция представляла собой достаточно сильного противника, однако ее территория не столь велика, и быстрым наступлением можно было рассчитывать нанести удар в самое сердце страны. Россия, с другой стороны, не сможет достаточно быстро перейти в наступление, и поэтому вполне реально сконцентрировать сначала все силы против Франции ради достижения быстрой победы. Эта идея легла впоследствии в основу плана Шлиффена. Впрочем, в отличие от своих преемников, Мольтке подходил к вопросу направления первого удара очень гибко, считая возможным менять его в зависимости от политической обстановки.

Осуждать Мольтке за его идеи превентивной войны было бы не совсем правильно. В конечном счете он думал в первую очередь о благе собственной страны. Мировоззрение человека XIX столетия, даже гуманиста, существенно отличалось от нашего. Превентивная война была для Мольтке не самоцелью, а средством для того, чтобы сохранить военное доминирование Германии над своими соседями, которое, в свою очередь, представлялось ему абсолютно необходимым для существования немецкого национального государства. Как уже миновавшая война с Францией, так и предполагаемая кампания против России считалась важной предпосылкой укрепления германского единства. При этом напасть первым и, возможно, отторгнуть часть территории соседа — то, что с сегодняшних позиций однозначно трактуется как неприкрытая агрессия, — было для Мольтке мерой сугубо

оборонительной, необходимым залогом безопасности молодой империи.

Мольтке до конца своих дней сожалел о том, что не смог довести кампанию 1871 года до полного уничтожения западного противника. Зная, что французы никогда не простят немцам испытанного унижения, шеф Генерального штаба считал подобное столкновение неизбежным. Поскольку Франция активно вооружается, справедливо полагал он, удар должен быть нанесен как можно раньше. Поэтому фельдмаршал стремился всячески преувеличивать французскую угрозу и в целом нагнетать атмосферу в отношениях двух стран. Еще в 1872 году, когда во Франции была введена всеобщая воинская повинность, Мольтке писал командующему немецкими оккупационными войсками во Франции генералу Мантойфелю о возможности новой кампании уже в самом ближайшем будущем. Любопытен следующий анекдот, приводимый В. Тиссо: на одном из светских приемов Мольтке пребывал в глубокой задумчивости. На почтительный вопрос о том, что занимает мысли великого полководца, последний будто бы ответил: «Я спрашиваю себя, откуда бедные французы возьмут ту ужасную сумму денег, которую мы потребуем от них после вторичного поражения».²² В 1873 году Мольтке писал в меморандуме о возможной войне с Францией о необходимости «закрыть вулкан, сотрясающий Европу на протяжении вот уже целого столетия своими войнами и революциями».²³ Вопрос о том, насколько искренне он верил во французскую угрозу, остается открытым. Достаточно аргументированной выглядит точка зрения о том, что военные круги трезво представляли себе реальную слабость Франции, а громкие заявления о ее ужасающих военных приготовлениях были рассчитаны в основном на публику. «Кто бы ни объявил войну, исходить она будет от французского правительства», — писал Мольтке.²⁴ Эта поистине блестящая фраза неоднократно в различных вариациях использовалась им и в дальнейшем.

Бисмарк же, не являясь сторонником превентивной войны, сдерживал военных и одновременно работал в направле-

нии ослабления Франции своими методами. Изолируя Францию, «железный канцлер» создавал систему союзов. Так, ряд двусторонних соглашений между Германией, Россией и Австро-Венгрией вылился в образование Союза трех императоров — отдаленного аналога Священного союза 1815 года, структуры столь же аморфной, но производившей столь же сильное впечатление на современников. В 1873 году Мольтке вместе со своим императором даже отправился в Петербург, где подписал военное соглашение — так называемую «конвенцию Мольтке-Берга». Согласно этому документу, в случае нападения на одну из договаривающихся сторон другая должна была прийти ей на помощь 200-тысячной армией. Впрочем, шеф Генерального штаба, всегда скептически относившийся к военному сотрудничеству с Россией, не придавал этому соглашению слишком большого значения.

«Могущественное, но миролюбивое государство в центре Европы, — писал шеф Генерального штаба, — является вернейшей гарантией продолжительного мира в этой части света. Германия доказала всему свету, что она миролюбива, не нуждается в войне ради достижения славы и не желает ее ради завоеваний <...> Германия преследует с 1870—1871 гг. мирную политику, еще не виданную во всемирной истории».²⁵ Чего стоили все заверения в миролюбии Германии, показала так называемая «военная тревога».

9 апреля 1875 года во влиятельной консервативной газете «Пост» появилась статья «Предвидится ли война?». Хотя формально газета была независимой, никто не сомневался в том, что публикация инспирирована правительством. Поводом стали два никак не связанных между собой мероприятия французского правительства: рост закупок лошадей за границей и кадровый закон 13 марта 1875 года, вводивший в каждом полку четвертый батальон. Одновременно из правительственных кругов Германии начали исходить сигналы о том, что страна действительно всерьез собирается начать превентивную войну. Особенно усердствовали в этом направлении военные, но и дипломаты тоже не отставали. Единственным, кто старался держаться в тени, был сам

Бисмарк; это оставляло ему открытым путь для отступления в том случае, если бы события приняли нежелательный оборот.

Мольтке принимал в «военной тревоге» самое активное участие. В самом начале событий он заявил английскому послу Расселу, что «желает войны не та держава, которая выступает, а та, которая своим образом действий заставляет других выступать»²⁶ и, таким образом, немецкое нападение было бы вполне оправданным. 30 апреля, встретившись теперь уже с бельгийским послом Нотомбом, он вновь посетовал на скорость французских вооружений, которая «является неоспоримым свидетельством подготовки к войне. В таких обстоятельствах мы не можем ждать, пока Франция будет готова, — наш долг заключается в том, чтобы опередить ее». На вопрос посла — что же немцы станут делать с покоренной Францией? — Мольтке ответил: «Этого я не знаю, и решить это будет очень сложно».²⁷

Высокий авторитет шефа Генерального штаба способствовал тому, что его высказывания были восприняты в Европе более чем серьезно. Королева Виктория в своем письме Вильгельму I заявила, что именно слова столь выдающейся личности, как Мольтке, и заставили англичан поверить в возможность скорой войны. Французская дипломатия тоже не дремала, запросив помощи у других великих держав. При этом ссылались французские дипломаты именно на слова Мольтке. Поскольку все немецкие заявления об «угрозе с запада» были явно надуманными, Франции удалось без труда склонить на свою сторону Россию и Англию, не желавших нового усиления Второго рейха. В начале мая Бисмарку пришлось громко трубить отбой, заявив, что у Германии нет причин нападать на Францию. Вину за развязывание кризиса он свалил на прессу, не забыв лягнуть и Мольтке, которого обозвал «молокососом в политике» и «деревянной башкой».²⁸

Тем не менее участие Мольтке в этих событиях абсолютно не похоже на спонтанные действия. Оно настолько хорошо вписывается в общую канву событий, что ряд авторов говорят об их совместной с Бисмарком игре с заранее распреде-

ленными ролями. При этом фельдмаршал вполне серьезно стремился к развязыванию войны; у него на руках имелось целых три проекта стратегического развертывания, и он активно добивался у короля разрешения начать непосредственную подготовку к вторжению. Итог кризиса он оценил как подтверждение своих мыслей о том, что Германии следует готовиться к войне на несколько фронтов.

О «военной тревоге» быстро заставил позабыть Восточный кризис 1876—1878 годов, разрешившийся русско-турецкой войной и Берлинским конгрессом. Генеральный штаб внимательно наблюдал за ходом кампании. После начала русско-турецкой войны Мольтке продолжал настаивать на превентивном ударе по западному соседу. В феврале 1877 года он составил план, по которому на случай войны на два фронта против России и Франции из 600-тысячной армии 520 тысяч следовало сконцентрировать на западном фронте и начать переброску войск на восток лишь на четвертой неделе кампании, нанеся до этого смертельный удар Франции. В случае если решающего успеха достичь не удастся, задачей дипломатов станет обеспечение статус-кво на западном театре военных действий.

После Берлинского конгресса началось сближение Германии и Австро-Венгрии. Уже в сентябре 1879 года начались секретные переговоры, направленные на заключение военного союза с Австрией. Мольтке приветствовал такое развитие событий и принимал личное участие в переговорах. Бисмарк не имел ничего против активности шефа Генерального штаба — впервые за последние 10 лет оба деятеля работали с таким единодушием. Вместе они уговаривали Вильгельма I, который с большим неодобрением относился к антироссийскому характеру будущего союза. В частности, Мольтке всячески сгущал краски, рассказывая императору о громадной концентрации русских войск на восточной границе Германии. «С одними русскими мы бы справились и без союзников, — заявлял фельдмаршал. — Но наше положение стало бы исключительно сложным, если бы имели одновременно вторым противником Францию. <...> Обе возможности де-

тально проработаны в Генеральном штабе <...> С военной точки зрения дружественная позиция Австрии дала бы нам большое преимущество, поскольку, даже не действуя наступательно, ее армия сковала бы значительную часть русских войск».²⁹ 25 сентября фельдмаршал лично докладывал императору все аргументы в пользу скорейшего заключения союза с Австро-Венгрией. «Я вижу в союзе с Австрией <...> ценнейшую гарантию нашего будущего», — писал он 10 октября.³⁰ Усилия увенчались успехом — в конце 1879 года союз, положивший начало складыванию в Европе двух военно-политических блоков, был заключен. Антироссийская направленность союза, равно как и усиление восточной соседки, потребовали пересмотра концепции войны на два фронта. Теперь первый удар намечалось нанести именно по России — эта мысль останется, за редкими исключениями, основной в военном планировании вплоть до 1894 года.

Чем объясняется это на первый взгляд парадоксальное решение? Ведь разгромить Россию с ее необъятными просторами очень трудно, а в скоротечной кампании и вовсе невозможно — это блестяще продемонстрировала судьба наполеоновской армии. Однако Мольтке был не настолько наивен, чтобы пойти по стопам французского императора. «В войне на востоке нам абсолютно ничего нельзя приобрести, а вторжение в эти бесконечные пустынные земли очень тяжело»; однако на востоке «нашу границу, в противоположность западной, можно прикрыть лишь наступлением».³¹ Он рассчитывал добиться решения на ограниченном по масштабам театре военных действий, главным образом в русской Польше. Этот расчет покоился на вполне обоснованном убеждении, что царизм по политическим мотивам не сможет повторить «великое отступление» 1812 года. Фельдмаршал не считал необходимым нанести тотальное поражение империи Романовых; достаточно ограниченная победа над ее вооруженными силами, достигнутая за определенный период времени; дальше в дело должна была вступить дипломатия. В том, что такая победа возможна, убеждал, к примеру, опыт Крымской войны. В то же время французская армия серьезно усилилась

за последние годы, и на быструю победу, по мнению Мольтке, рассчитывать было нельзя.

Фельдмаршал считал невозможным нанести уничтожающее поражение обоим противникам. «Победа может быть достигнута лишь в том случае, если удастся принудить одного из противников к миру, даже отказавшись от достигнутых в борьбе против него успехов, чтобы потом обрушиться всеми силами на второго и полностью компенсировать себя за его счет».³² В роли этого «второго» он охотно видел именно Францию. Теперь для удара на востоке сосредотачивалось от половины до двух третей германской армии плюс все австрийские силы; на западе натиск французов предстояло сдерживать мощным лотарингским крепостям. При этом в первый период кампании Мольтке допускал отступление на западе вплоть до Рейна.

План войны против России был прост и диктовался начертанием границы. Быстро проведя мобилизацию, германские и австрийские войска должны начать концентрическое наступление в Польше. «Несомненны те преимущества, которые вытекают как для Австрии, так и для Германии в том случае, если обе они не выжидают нарастания русской военной мощи, а немедленно переходят к наступательным действиям», — писал Мольтке в 1880 году.³³ На первом этапе они будут обладать подавляющим численным превосходством, лишь к концу второго месяца войны численность армий обеих сторон может сравняться. При этом развертывание, как и в 1866 году, должно быть завершено на вражеской территории. Русская армия при таком раскладе будет атакована со всех сторон и, скорее всего, уничтожена. По итогам кампании следовало отторгнуть от России Польшу, превратив ее в независимое буферное государство, которое станет естественным союзником Германии и, возможно, Прибалтику.

Рассматривая германское военное планирование 1870—1880-х годов, невозможно обойти вопрос о том, в какой степени германские военные учли уроки войны с Францией, особенно второй ее фазы. Поскольку Большой генеральный штаб планировал быструю кампанию силами кадровой ар-

мии, принято считать, что опыт перерастания войны в «народную» остался без внимания. На самом деле это не совсем справедливо; взгляды Мольтке и его подчиненных были в данном вопросе «весьма пессимистичными и, как покажут события, скорее реалистичными».³⁴ Именно потому, что германские стратеги сознавали превосходство противников в области мобилизационного потенциала, они настаивали на молниеносной и — главное — превентивной войне, в ходе которой поражение должно было быть нанесено врагу, не успевшему реализовать свое преимущество. Иного пути к победе в войне на два фронта в новых условиях, по мнению фельдмаршала и его сотрудников, просто не существовало.

* * *

После победы над Францией Мольтке окончательно стал национальным героем. Именно тогда был создан миф о нем, который до сих пор фигурирует в большинстве не слишком глубоких исследований. Гениальный полководец-интеллектуал, молчаливый аскет, верный слуга своего короля — таким он предстал в общественном сознании. В значительной степени все это соответствовало действительности, но безбожно упрощало сложную и многогранную личность шефа Генерального штаба. В отличие от Бисмарка, у Мольтке практически не было врагов, и поэтому его образ в сознании современников оказался гораздо менее спорным и более монолитным. В народе он был более популярен, чем Бисмарк, Роон и даже седовласый император.

В газетах и журналах публиковались пронизанные легендами отрывки из биографии Мольтке, ему посвящались торжественные стихотворения — ни одно из которых, впрочем, не нашло своего места в сокровищнице германской поэзии. Фельдмаршал был избран почетным доктором философии университета Халле и награжден берлинской Академией наук за заслуги в области науки и изящных искусств. Его книги неоднократно переиздавались, издатели выискивали

даже ранние его сочинения и с удовольствием публиковали их. К нему обращались многие ученые, в первую очередь историки, писавшие книги о войнах 1860-х годов, и шеф Генерального штаба охотно помогал им. К написанию своих биографий Мольтке относился более чем прохладно — «биографии живущих не могут быть чем-то иным кроме восхвалений».³⁵ Он не стремился выпячивать свою роль в исторических событиях, однако ее умаления тоже не терпел, ревностно следя за тем, чтобы его признавали единственным военным советником короля в кампании против Франции.

75-летие Мольтке отмечалось с большим размахом во всей стране. Император вручил ему Большой крест ордена Гогенцоллернов со звездой и мечами. В 1876 году ему открыли бронзовый памятник в Пархиме; в 1881 году — в Кельне. Шеф Генерального штаба не возражал против их сооружения, считая их важной составной частью патриотической пропаганды, однако не появился на открытии ни одного из них. Именем Мольтке был назван спущенный на воду в 1877 году броненосный фрегат.

Сам он по-прежнему относился к своей славе спокойно и философски. «Репутация полководца зависит прежде всего от победы, — писал он. — Но насколько велика на самом деле его заслуга, очень трудно определить. <...> У нас бывали лишь победы, Гнейзенау же вел к победе разбитую армию. Это высшее испытание мы еще не проходили».³⁶ Его тяготили пышные приемы, которыми его встречали в каждом немецком городе, и он все больше старался путешествовать инкогнито. В июне 1874 года фельдмаршал отдыхал в Швейцарии; хозяин небольшого трактира, куда он заглянул, спросил его: «Говорят, Мольтке сейчас отдыхает в наших краях?» — «Верно». — «А как он выглядит?» — «Ну, как он может выглядеть? Так же, как один из нас».³⁷ Юной даме из Эльзаса, написавшей его краткую биографию в стихах, Мольтке ответил, вежливо поблагодарив: «Из моей жизни трудно извлечь что бы то ни было поэтическое, и я не скрою, что охотно предоставил бы выносить суждения обо мне более позднему будущему».³⁸

Генри Бурт впоследствии рассказывал историю о том, как он вместе с Мольтке по окончании очередных маневров отправился в небольшой немецкий городок, чтобы спокойно переночевать в местной гостинице. Однако, вопреки желанию фельдмаршала, местные власти устроили ему торжественную встречу. Весь город был увешан флагами и цветами, жители восторженно приветствовали национального героя, а бургомистр уговорил его выступить с речью... Все продолжалось в том же духе и далее, пока утром следующего дня, после очередных почестей, фельдмаршал не вспылил (что случалось с ним крайне редко): «Я приехал сюда отдохнуть, а меня не оставляют в покое ни на минуту!» Ближайшим поездом он уехал в Берлин.³⁹ Скромность Мольтке вошла в поговорку. Он путешествовал без слуги, в вагонах второго класса, с минимумом багажа, при плохой погоде использовал наемный экипаж, чтобы поберечь собственный.

Благодаря своей популярности Мольтке внес огромный вклад в милитаризацию германского общественного сознания. Широкую известность получила его переписка с Иоханном Каспаром Блунчли, приславшим ему в 1880 году свою книгу о международном военном праве, которое должно сделать войны гуманнее. «Вечный мир — это мечта, и даже не прекрасная, — писал фельдмаршал. — Война — это элемент божественного порядка; самые благородные из человеческих добродетелей раскрываются в ней: мужество и самоотречение, верность долгу и дух самопожертвования <...> Без войн мир загниет и впадет в материализм». Международное военное право — в значительной степени фикция, ибо ни одно государство не вступит в войну ради его защиты. Гораздо эффективнее постепенное смягчение жестокостей войны — процесс, который уже идет полным ходом (здесь фельдмаршал глубоко заблуждался). И вообще, «наивысшее благо на войне — ее скорейшее окончание», поэтому любые ограничения недопустимы; удары должны наноситься по всем источникам силы противника, будь то его армии, финансы, железные дороги или престиж.⁴⁰

Письмо это быстро получило широкую известность, став своеобразным манифестом германского милитаризма. Конечно же, Мольтке не стремился создать апологию войны. Он считал ее необходимым и неизбежным злом, из чего и делал вполне логичные, на его взгляд, выводы. Не случайно иногда именно Мольтке упрекали в «тотализации» войны — не совсем справедливо, ведь на самом деле речь шла не о его личной воле, а об объективном процессе, который фельдмаршал лишь чутко уловил.

Письмо Мольтке вызвало бурю откликов — как положительных, так и отрицательных. На некоторые из них фельдмаршал даже ответил, как, например, русскому пацифисту Губареву, проживавшему во Франции. Война, писал фельдмаршал, это «последнее, но всецело справедливое средство утвердить существование, независимость и честь государства <...> Жизнь человека, да и всего живого — это борьба утверждающегося против существующего, и это правило действует в жизни народов. <...> То, что война имеет и свою прекрасную сторону, что она поднимает вверх добродетели, которые в противном случае угасли бы, вряд ли возможно отрицать».⁴¹ «Нападки прессы мало значат для меня, они покоятся на ложном — возможно, умышленном — понимании моих слов, будто бы я желаю войны, тогда как на деле я считаю ее неизбежным злом», — писал фельдмаршал в другом письме в апреле 1880 года.⁴²

Служебная квартира Мольтке располагалась в новом кирпичном здании генерального штаба на Кенигсплатц. Оно было выстроено в весьма простом и строгом стиле и скорее напоминало казарму. С балкона квартиры открывался великолепный вид на Тиргартен. Интерьер помещений, которые он занимал, представлял собой причудливое смешение различных стилей: конференц-зал с высокими стульями; курительная комната с восточным узором; музыкальный салон в стиле рококо. И по-солдатски простой рабочий кабинет фельдмаршала, в котором он проводил за работой долгие часы. Для Мольтке квартира была слишком велика, но он мирился с ее

размерами, считая их необходимыми для выполнения представительских функций.

Образ жизни Мольтке оставался весьма скромным. На стене спальни фельдмаршала висел потрет покойной супруги, рядом с кроватью лежала ветхая Библия, доставшаяся ему по наследству от матери. До последних дней Мольтке не признавал перины — на деревянной кровати лежало лишь тонкое шерстяное одеяло. Он не любил масштабных торжеств и, если ему выпадало произносить тост, поднимал бокал за здоровье кайзера. Однажды двое молодых офицеров поспорили; один из них утверждал, что фельдмаршал ограничится, как всегда, семью словами: «За здоровье Его Королевского и Императорского Величества!» Мольтке, однако, добавил к этой формуле обращение «мои господа». Проигравший пари заметил: «Старик становится болтлив с возрастом».⁴³

Фельдмаршал вставал очень рано, и времени на утренний туалет тратил немного: бриться ему не было нужды (облысение затронуло и лицо Мольтке), причесываться — тем более. Как правило, даже в домашней обстановке он носил униформу. После легкого завтрака начиналась работа с документами. В полдень следовал второй завтрак — мясное блюдо и стакан вина. Пиво он не любил и однажды, отхлебнув пару глотков, заметил: «Надо же, а ведь есть люди, способные выпить целый стакан!»⁴⁴ Мольтке практически каждый день гулял в Тиргартене; в пять часов вечера следовал скромный обед. Конец дня он проводил за вистом, порой устраивал у себя вечера для близких знакомых.

Летом Мольтке отправлялся в свое любимое имение Крайзау. Впрочем, и здесь он был далек от праздности: на лоне природы фельдмаршал занимался сельским хозяйством, а также решал многие текущие дела Генерального штаба. Кроме того, во второй половине лета он обязательно отправлялся на курорты Гаштайн или Рагац для укрепления здоровья, а если последнее доставляло особенно много неприятностей, как это было, например, зимой 1875—1876 годов, — в Италию.

Мольтке, как и прежде, оставался поклонником муз. Впрочем, к новому германскому искусству фельдмаршал относился с немалым скепсисом. «Мне больше нравится рейхстаг; там, по крайней мере, можно инициировать конец заседания», — прошептал он на ухо своей сестре на одной из опер Вагнера.⁴⁵ Гораздо сильнее вдохновлял его Моцарт. Бетховен и Шуберт также входили в число его любимых композиторов. Фельдмаршал много читал, особенно его интересовали исторические произведения. В списке его любимых книг фигурировали Библия, «Илиада», «Чудеса небес» Литтрова, «Письма о сельскохозяйственной химии» Либига и «О войне» Клаузевица; к числу своих любимых писателей он относил Шиллера, Гете, Шекспира, Вальтера Скотта и Карлейля.

Мольтке избегал светских приемов и с большой неохотой ходил, например, к Бисмарку, приглашение которого просто не мог отклонить. От приглашений личного банкира «железного канцлера» — Герсона Бляйхредера, одного из самых могущественных финансистов той эпохи — он отбивался, как мог. Рассказывают, что однажды он явился в салон графини Ориола и объяснил оторопевшей от неожиданности хозяйке дома: «Вы ведь приглашали меня? В любом случае, я только что отказал Бляйхредеру под предлогом, что уже принял Ваше приглашение».⁴⁶ Если собеседник интересовал Мольтку, фельдмаршал, как и в прежние годы, мог стать весьма общительным; и многие из тех, кто принимал на веру распространенную легенду о его экстраординарной молчаливости, были немало удивлены, встретившись с ним лично. «Я могу говорить, если меня хорошо слушают», — высказался по этому поводу сам «великий молчальник».⁴⁷ Однако такая честь выпадала не каждому.

Что Мольтке действительно экономил — так это не слова, а деньги. Даже в безумную «грюндерскую эпоху» после образования империи, когда капиталы создавались и проматывались в мгновение ока, он не позволял себе изменить старым привычкам. И это притом, что старый фельдмаршал был человеком отнюдь не бедным: после заключения мира

с Францией ему в качестве вознаграждения была выплачена дотация в размере 900 тысяч марок. Однако он с глубоким неодобрением смотрел на шумный деловой мир, на торжество капитала, которое переживала вновь образованная Германская империя. Биржевые спекуляции были ему, как всегда, чужды; свое состояние он вложил в надежные бумаги.

Мольтке по-прежнему был «патриархом», главой большой семьи, все теснее сплачивавшейся вокруг него. Его сестра Аугуста вела хозяйство; ее сын Генри Бурт продолжал оставаться адъютантом фельдмаршала. Переехал к Мольтке и его брат Фридрих, а также вдова умершего в 1871 году Адольфа, занимавшая вместе со своими сыновьями отдельный домик в Крайзау. О своих племянниках шеф Генерального штаба заботился как о родных детях; внуки его брата воспринимали Мольтку как родного дедушку, и он с удовольствием играл с ними.

Говоря о религиозности Мольтке, трудно подыскать для нее точные определения. Шеф Генерального штаба был глубоко светским человеком, однако вера играла в его жизни немалую роль. Он верил в загробную жизнь, считая, что «земное существование не может быть нашей конечной целью. Мы не молили о нем, оно было нам дано. У нас должно быть высшее предназначение, чем раз за разом обновлять круг этих печальных жизней»; «тело и разум служат душе, но у них есть и свои требования, и жизнь человека становится постоянной борьбой с самим собой. <...> Остается надеяться, что Господь, создавший нас несовершенными, не будет требовать от нас совершенства».⁴⁸

Другое дело, что он не мог целиком и полностью примкнуть ни к одной из конфессий. Воспитанный в протестантской вере, он обладал большой душевной склонностью к католицизму. В 1878 году он ответил на предложение вступить в Евангелический союз: «Велико число тех, кто честно ищет правды, но не пришел к тем истинам, которые закреплены в статутах и которые являются правилом для любого протестантского священника. И не являются лжецами или сомневающимися люди, которые, будучи честными сами с собой,

не могут утверждать, что эти статуты отражают их истинные убеждения. Именно к таким людям принадлежу я».⁴⁹ Шефу Генерального штаба импонировала строгая и могучая организация католической церкви, величественная пышность ее ритуалов.

Мольтке часто бывал за пределами Германии. Помимо уже упомянутых поездок в Италию, он в 1870-е годы ездил в Австро-Венгрию, Швецию и Данию. Любовь к путешествиям Мольтке сохранил до конца своих дней — правда, предавался ей уже не с такой пылкостью, как прежде. Годы брали свое...

На девятом десятке лет Мольтке все труднее было заниматься многочисленными служебными делами, руководить учебными поездками. Астма, болезни желудка ослабляли его и без того не слишком крепкий организм. В 1881 году он подал монарху прошение об отставке, которое тот, конечно же, отклонил. «Ваши заслуги перед армией слишком велики, для того чтобы когда-либо помыслить о Вашем уходе из ее рядов, Ваши совет и поддержку я ценю слишком высоко для того, чтобы когда-либо отказаться от них», — писал император.⁵⁰ Однако Вильгельм I, сам уже далеко не молодой человек, прекрасно понимал, каким тяжким бременем ложатся на плечи Мольтке его обязанности. Поэтому было принято решение о назначении ему заместителя в должности генерал-квартирмейстера. Подобрать подходящего человека оказалось непросто. Фельдмаршал требовал, чтобы его помощник был одновременно его наследником; таким образом, от занимающего эту должность офицера требовалось вникать во все дела, не выходя при этом из образа помощника, что было довольно трудно. Именно поэтому первоначальный кандидат — Блументаль — не смог занять этот пост: он был слишком самостоятелен.

Главным претендентом на роль генерал-квартирмейстера — человека, которому предстояло стать правой рукой, а затем и преемником шефа Генерального штаба, — оказался 49-летний граф Альфред фон Вальдерзее. Потомственный офицер, он в описываемый период был начальником штаба

Х армейского корпуса. Честолюбивый, умный, исполнительный, блестяще умеющий входить в доверие и плести интриги (в Генеральном штабе его называли «лисом») человек импонировал старому Мольтке, не замечавшему многих его отрицательных черт. В связи с ухудшением здоровья фельдмаршала Вальдерзее временно руководил учебной поездкой 1880 года, заслужив похвалу Мольтке. Правда, сначала фельдмаршал все-таки отнесся к этой кандидатуре с определенным недоверием, однако совместная работа в ходе учебной поездки 1881 года — последней, которой Мольтке руководил лично, — помогла в значительной степени развеять это чувство. К тому же у фельдмаршала и Вальдерзее было немало общих убеждений: оба являлись сторонниками превентивной войны, оба выступали за независимость Генерального штаба по отношению к остальным институтам. В самом конце 1881 года назначение Вальдерзее состоялось.

Генерал-квартирмейстер взял на себя основной объем текущих дел, Мольтке оставил себе лишь наиболее общие вопросы стратегического характера. Власть постепенно уплывала из его рук — но он слишком устал для того, чтобы пытаться исправить ситуацию, и вполне доверял своему ближайшему помощнику. К тому же Вальдерзее был предельно тактичен, что и позволило двум столь разным по характеру людям спокойно проработать вместе более шести лет. И это несмотря на то, что среди ветеранов Генерального штаба у Вальдерзее было немало противников.

Новому генерал-квартирмейстеру очень помогало то, что он всегда мог опереться на авторитет Мольтке. «Пусть Господь дарует этому замечательному человеку еще долгие годы, — писал он в своем дневнике. — Я не хотел бы себе лучшей судьбы, чем работать под его началом».⁵¹ В 1883 году ему с помощью Мольтке удалось добиться окончательной отмены подчинения Большого генерального штаба военному министерству, закрепив ситуацию, уже давно существовавшую на практике. Вальдерзее старался всячески усилить свое влияние и на внешнюю политику. Он горячо выступал за скорейшую превентивную войну. Ему не терпелось сни-

скать лавры на полях сражений. При этом он питал к политическому руководству страны еще меньше пиетета, чем Мольтке: «Государственная власть может лишь создать для нации наиболее благоприятную с военно-стратегической точки зрения исходную позицию, поскольку последнее слово все равно скажут мечи».⁵² Соответственно, достаточно быстро он вступил в конфликт с Бисмарком, изначально симпатизировавшим ему; уже в 1886 году пути двух деятелей окончательно разошлись.

Численный состав Генерального штаба в этот период продолжал увеличиваться. К концу 1880-х годов в нем проходило службу 197 сотрудников. Вальдерзее, как и Мольтке, заботился о сплоченности рядов учреждения, о том, чтобы в нем не было внутренних склок и раздоров — и в значительной степени добивался этого. В Генеральный штаб приезжали офицеры греческой, румынской, турецкой, итальянской, японской армий, чтобы перенять бесценный опыт; миссии во главе с прусскими офицерами отправлялись в азиатские государства для проведения там военных реформ.

Представлять дело так, что Мольтке совершенно отошел от дел и оставался лишь «свадебным генералом», было бы неверно. Он внимательно следил за международной политикой и по-прежнему создавал — часто с помощью Вальдерзее — планы новых кампаний. Уточнялись сценарии войны на два фронта; центр тяжести все в большей степени переносился на восток. С 1882 года велись активные переговоры с австрийскими военными, касавшиеся сценария будущей войны с Россией. Совместные планы составлялись в наступательном духе.

Последним по-настоящему крупным всплеском активности Мольтке стал кризис 1886—1887 годов, затронувший и внутреннюю, и внешнюю политику Германии. Обострение австро-русских противоречий на Балканах и связанный с именем генерала Буланже всплеск реваншизма во Франции привели к очередной «военной тревоге», вновь разразившейся при непосредственном участии Бисмарка. Война против России и Франции, казалось, маячила на горизонте. Моль-

тке, как и в 1875 году, готовился к войне вполне серьезно, и Вальдерзее поддерживал его в этом. В ноябре 1887 года шеф Генерального штаба сочинил памятную записку «Развитие вооруженных сил России с особым вниманием к текущему 1887 году», в которой доказывал, что восточный сосед готовится к скорой войне. Следовательно, необходимо как можно быстрее нанести упреждающий удар — возможно, уже этой зимой. Ознакомившийся с запиской, Бисмарк заявил, что считает «выводы графа Мольтке преждевременными»;⁵³ он только что заключил с Россией секретный «договор перестраховки» — пакт о ненападении, о котором Генеральный штаб не был извещен.

В ответ фельдмаршал отправил канцлеру письмо с доказательствами своей правоты. Одновременно он начал переговоры с австрийскими военными по поводу превентивной войны с Россией, уведомив о них монарха и ведомство иностранных дел. Главным действующим лицом на первом этапе стал военный атташе Германии в Вене майор Дейнес, который вышел далеко за рамки своих полномочий, обещая пересмотр договора 1879 года в наступательном духе и советуя австрийцам начать переброску войск к русским границам. Даже шеф Генерального штаба был вынужден впоследствии признать, что майор слишком увлекся. Однако затем Мольтке и Вальдерзее начали прямые переговоры с австрийским военным атташе в Берлине бароном Штайнингером.

Бисмарк резко протестовал против подобного вмешательства в сферу его компетенции; между ним и Мольтке разыгрался в конце 1887 года очередной конфликт. В итоге канцлер сообщил шефу Генерального штаба то, что тому уже давно положено знать — между Германией и Россией существует тайный договор. Фельдмаршал вынужден был уступить и выхолостить переговоры с австрийцами, к большому разочарованию последних. Военные официально заверили канцлера, что не собираются вмешиваться в сферу его компетенции.

Мольтке подробно прорабатывал сценарии будущей войны. В начале 1888 года из-под пера шефа Генерального шта-

ба вышел еще ряд памятных записок, посвященных войне на два фронта. Убедившись в готовности австрийцев воевать, Мольтке предусматривал теперь использование двух третей германской армии на западе; в этом случае отход к Рейну представлялся практически невероятным. Мощные силы на хорошей позиции смогут не пустить врага вглубь территории Эльзаса и Лотарингии — считал фельдмаршал. Кроме того, определенную часть французской армии должны были сковать итальянцы. Как именно они будут действовать — для Мольтке было неважно, главное, что они в любом случае притянут на себя несколько дивизий противника. Что касается итогов войны на западе, то Мольтке выступал за аннексию Бельфора, считая, что эта крепость необходима с военной точки зрения.

Кроме того, фельдмаршал активно лоббировал скорейшее увеличение германской армии.

9 марта 1888 года произошло событие, в последний раз перевернувшее жизнь Мольтке: скончался старый император Вильгельм I. Не подлежит сомнению, что фельдмаршал тяжело переживал потерю своего монарха, к которому питал искреннюю привязанность и уважение. Тем же самым платил ему и Вильгельм. Шеф Генерального штаба присутствовал у постели умирающего. Потрясение было настолько сильным, что Мольтке и Бисмарк, как это бывало нечасто, почувствовали себя близкими соратниками, внезапно лишившимися своего предводителя. «Однажды заведенные часы службы не дают нам свернуть с пути», — сказал канцлер, пожимая руку фельдмаршалу.⁵⁴

На трон возшел смертельно больной Фридрих III, страдавший от рака гортани. Одним из первых, кто получил у него аудиенцию, был Мольтке. «Непостижимо, как болезнь может изменить внешность — передо мной был совершенно другой человек! — вспоминал фельдмаршал. — Воистину трагическая судьба: одной ногой на троне, другой — уже в могиле».⁵⁵ Монарх не мог говорить и лишь написал своему бывшему адъютанту на листе бумаги: «Останьтесь для меня тем же, кем Вы были моему отцу — другом, доверенным

лицом, героическим советчиком ради блага нашей армии».⁵⁶ Служба новому императору продлилась недолго — 15 июня, после 99 дней правления, Фридрих III скончался.

На германском престоле оказался его молодой, честолубивый и энергичный сын — Вильгельм II. Он символизировал начало новой эры, новой главы в истории Германии, новой команды у руля. Мольтке прекрасно понял это и попросил 3 августа о своей отставке. «Я больше не могу сесть на лошадь, — писал фельдмаршал. — Вашему Величеству требуются более молодые сотрудники, а не шеф Генерального штаба, который уже неспособен к службе. Я прошу как о милости дать мне отставку».⁵⁷

Молодой император согласился быть милостивым. 9 августа он принял отставку Мольтке, написав множество красивых слов о сожалении, которое он испытывает при этом, о невосполнимой потере, которую понесла армия... Вильгельм и вправду относился к старому военачальнику с большим уважением — его детские воспоминания были связаны с победоносными войнами, и внешнеполитическая концепция будущего императора была во многом сформирована под влиянием взглядов, господствовавших в Генеральном штабе. Фельдмаршал был назначен главой комиссии по обороне страны — чисто декоративная должность без всякой функциональной нагрузки. «Я счастлив и дальше оставаться на службе», — отреагировал на это назначение сам Мольтке.⁵⁸ Ему была оставлена служебная квартира в здании Генерального штаба и личный адъютант. Вильгельм и в дальнейшем часто беседовал с бывшим шефом Генерального штаба, навещал его в Крайзу.

Время титанов прошло. Ушли со сцены Вильгельм I и Мольтке. Не понял этого лишь Бисмарк, попытавшийся сохранить свое положение и при новом императоре — и вынужденный уйти в отставку два года спустя. «Печальное зрелище, — прокомментировал это Мольтке. — Новый господин еще заставит нас удивляться».⁵⁹

«Его кожа была морщинистой и темной настолько, что его лицо казалось лицом мумии. Это контрастировало с глад-

кими каштановыми волосами. Черты лица были крупными и величественными, твердый подбородок и плотно сжатые губы выглядели так, словно были высечены из гранита. Из-под высокого лба смотрели пронзительным, острым взглядом серые глаза, которые, казалось, за один взгляд могли составить полное представление о человеке, ничуть не нарушая олимпийского спокойствия ума, отражавшегося в них. Мне показалось, что я увидел на этом лице опыт бесконечности, а также внутреннюю силу, подобной которой я не встречал до этого», — так описывал свои впечатления от встречи с Мольтке в конце 1880-х годов британский путешественник.⁶⁰

Фельдмаршал все больше времени проводил в своем любимом Крайзау. Постепенно имение превращалось в своеобразный прижизненный музей. Усадьба была построена в стиле Ренессанса и в плане напоминала букву «П»; главный корпус был трехэтажным. На воротах стояли статуи боргезских бойцов, в центре прямоугольного двора рос дуб, посаженный в честь седанской победы. Вход в дом охраняли две трофейные пушки последней кампании, внутри, рядом с лестницей, высилась конная статуя Вильгельма I. В гостиных висели памятные подарки, всевозможные дипломы и письма об избрании почетным гражданином. Рабочая же комната была обставлена весьма скромно: диван, кресло, письменный стол, простые гардины из тюля.

Сюда все чаще приезжали люди, желавшие пообщаться с фельдмаршалом — сильные мира сего, ученые, политики, историки. Для многих из них Мольтке охотно исполнял роль экскурсовода. Делал он это скорее из уважения к гостям, нежели из старческого тщеславия. Фельдмаршал по-прежнему предпочитал покой и уединение. Уже разросся посаженный им парк, которому он по-прежнему уделял большое внимание: подстригал деревья и кустарники, сажал цветы, распоряжался о прокладке дорожек и установке скамеек: «И через сто лет все здесь должно быть прекрасным!»⁶¹ В парке росли деревья из самых разных стран, в том числе редких пород. Через парк протекала быстрая речка,

на лужайках стояло несколько статуй. Любимым местом отдыха фельдмаршала была белая скамья под раскидистым дубом.

Мольтке вставал по привычке рано — в семь часов утра. День начинался с утреннего кофе, работы за письменным столом и небольшой прогулки на свежем воздухе. К 10 утра приходила почта — газеты и многочисленные письма, в том числе и деловые, из Генерального штаба, над которыми фельдмаршал просиживал порой целыми днями. Коллеги (в том числе и Вальдерзее) даже после отставки Мольтке нередко навещали его; старый полководец всегда принимал их радушно, польщенный таким вниманием. Для письменных работ фельдмаршал иногда прибегал к помощи адъютанта, хотя в принципе принимать какую-либо помощь, в том числе врачебную, он не любил.

Главным событием дня был начинавшийся в четыре часа пополудни обед, за которым собирались все домочадцы фельдмаршала. Здесь последний бывал весьма разговорчив, с удовольствием рассказывал анекдоты из истории прусской королевской династии, много шутил. Стол был обставлен довольно скромно; из напитков на нем присутствовали легкое рейнское или мозельское вино. После обеда вся семья нередко играла в крокет. В более поздние годы адъютант читал фельдмаршалу вслух книги или газеты. Вечером, как правило, следовала обычная игра в вист. В одиннадцать вечера Мольтке отходил ко сну.

В Крайзау вместе с Мольтке жил его племянник Гельмут (сын Адольфа), ставший в 1883 году его личным адъютантом, со своей семьей. Именно они были для старика самыми близкими людьми. Однако и на склоне лет фельдмаршал продолжал страдать от того, что ему так и не суждено было обзавестись собственными детьми. Встретив на курорте старого знакомого, отдохавшего там с сыном, он сказал ему со слезами на глазах: «Вы — счастливый человек!»⁶² Практически все его братья и сестры умерли; в 1874 году ушел в мир иной Фриц, в 1883 году — Аугуста. Еще были живы Людвиг и Лене, но с ними Мольтке встречался все реже.

Мольтке по-прежнему поддерживал отношения со всеми отпрысками своих братьев и сестер, нередко писал письма даже детям — своим внучатым и правнучатым племянникам. Когда они подрастали, он старался помогать им советами, а в случае необходимости — и деньгами. В частности, он оплачивал учебу многих из них — как писал Э. Кессель, «по большому счету все они зависели от него в финансовом плане».⁶³ Своему племяннику Людвигу он купил небольшое поместье; племянниц обеспечил внушительными суммами в качестве приданого. Однако было бы ошибкой полагать, что авторитет Мольтке в семье покоился только на его деньгах.

Иногда он предпринимал путешествия — в основном на курорты, для лечения своей астмы. Швейцарский Рагац, австрийский Гаштайн, итальянская Ривьера — вот география его поездок в этот период. Он испытывал блаженство, сидя на берегу Средиземного моря и слушая шум волн. «Какая прекрасная страна эта Италия!» — в очередной раз восклицал он.⁶⁴

Мольтке по-прежнему оставался депутатом рейхстага. 14 мая 1890 года он произнес речь, посвященную новому военному законопроекту, в которой отстаивал новое увеличение армии — конечно же, во имя мира. 16 марта 1891 года он в последний раз выступил в палате.

Преемником Мольтке на посту шефа Генерального штаба стал Вальдерзее, пользовавшийся особым доверием нового императора. Впрочем, стремление контролировать молодого монарха быстро стоило ему должности: в 1891 году ему на смену на целых 15 лет пришел Альфред фон Шлиффен. Одним из первых распоряжений императора, адресованных новому шефу Генерального штаба, было требование консультироваться с Мольтке по всем важнейшим вопросам. Мольтке горячо возражал против отставки Вальдерзее; Шлиффена он в свое время лишь с большими сомнениями оставил в рядах Большого генерального штаба.

Мольтке продолжал по мере сил заниматься военными вопросами. Так, в марте 1890 года им был составлен очеред-

ной проект «Концентрация против России». Что гораздо важнее, в последние годы своей жизни он четко сформулировал, какой будет следующая война — длительной всемирной бойней, в ходе которой погибнут миллионы людей. «Войны современности, — писал он в предисловии к своей увидевшей свет в 1887 году «Истории германо-французской войны», — зовут к оружию целые народы, и нет семьи, которая осталась бы не затронутой ими. Вся финансовая мощь государства находится в напряжении».⁶⁵ 14 мая 1890 года в рейхстаге он заявил: «Если разразится война, ее продолжительность и ее окончание нельзя предугадать. Великие державы Европы, вооруженные как никогда ранее, вступят в борьбу; ни одна из них не может быть разгромлена в ходе одной или двух операций настолько, чтобы объявить себя побежденной, согласиться на жесткие условия мира и отказаться от возобновления военных действий. Господа, это может быть семилетняя, даже тридцатилетняя война — и горе тому, кто вызовет европейский пожар, кто первым зажжет фитиль у пороховой бочки!»⁶⁶ Большинство современников оставили этот прогноз без внимания — но он оправдался четверть века спустя.

Военная литература тоже оставалась в поле зрения фельдмаршала, тем более что каждый автор считал своим долгом прислать ему экземпляр своего творения. Правда, относился Мольтке к большинству таких произведений довольно скептически. Получив «Стратегические письма» принца цу Гогенлоэ-Ингельфинген, он в своем любимом тоне воскликнул: «Как можно писать книгу о стратегии?! Об этом вообще ничего нельзя написать. Стратегия — не более чем применение здравого смысла, этому невозможно научить!»⁶⁷ К своей профессии фельдмаршал относился с известной долей иронии, его любимой шуткой был вопрос о том, кто являлся первым офицером Генерального штаба. «Моисей; потому что ему удалось водить евреев 40 лет по довольно маленькой пустыне», — отвечал сам Мольтке.⁶⁸

Старик без всякого энтузиазма смотрел на новую эпоху, эпоху империализма и триумфального шествия буржуазных ценностей в новой империи — несмотря на то, что он сам

в значительной степени подготовил ее приход. Шум и суета, речи ораторов и возня прессы были ему чужды и враждебны. Порой это выливалось в весьма пессимистические настроения. «Если вера индийцев в переселение душ верна, то я бы не хотел больше рождаться человеком; потому что человеческая жизнь, собственно говоря, состоит из одних разочарований». ⁶⁹ Рост влияния денежных тузов, проливаемая ради золота кровь вызывали у него отвращение — «в наши дни биржа приобрела такое влияние, что может послать целую армию сражаться за свои интересы». ⁷⁰

90-летие фельдмаршала отмечалось как общенациональный праздник. Торжественные мероприятия прошли во всех школах страны, в Берлине в честь Мольтке состоялось масштабное факельное шествие. «Мы благословляем день, который подарил немецкому народу Мольтке», — сказал бургомистр столицы Макс фон Форкенбек. ⁷¹ Вопреки традиции, Мольтке в этот день приехал в Берлин, сознательно оказавшись в самом центре торжеств. Его восторженно приветствовали десятки тысяч людей, собравшиеся у здания Большого генерального штаба. На праздничных балах и приемах он казался бодрым и свежим; создавалось впечатление, что время не имеет над ним никакой власти.

Но фельдмаршал уже ждал смерти — «прожив соломонов век, остается лишь молить о даровании Господом легкой смерти, без боли и старческой слабости». ⁷² Он писал «Утешительные мысли о земной и уверенность в загробной жизни» — свое последнее произведение, в котором пытался подвести баланс земному существованию и найти его смысл. Здесь он прославлял разум, конечная цель которого — истина; это ни в коей мере не противоречит религии, разве что «форме, в которой она нам преподносится». Разум находится в гармонии с моралью, «добро, в конечном счете, оказывается самым разумным». ⁷³ Человеческая воля не всегда прислушивается к разуму, но у каждого из нас есть справедливый и беспристрастный судия — его совесть. Совесть одинакова у каждого человека, вне зависимости от расы и вероисповедания; она — та частица добра, которая есть в любом чело-

веке, и именно в ней нужно искать божественное. Одно из главных ее проявлений — это любовь, любовь божественная и земная. Все равно, какому богу молится человек — Господь един, и все молитвы в конечном счете достигают его ушей.

24 апреля 1891 года Мольтке присутствовал на заседании прусской палаты господ. Вернувшись домой, он поужинал, сыграл несколько партий в вист (в последней ему удалось собрать «большой шлем») и попросил сыграть ему несколько произведений на пианино. Потом внезапно ушел в соседнюю комнату, словно почувствовав недомогание; вошедшие сюда немного позже родственники застали его уже без сознания. Мольтке отнесли в спальню, где несколькими минутами позже, в 21.45, его усталое сердце остановилось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПОЛКОВОДЕЦ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Смерть Мольтке завершила процесс его канонизации, начавшийся еще двадцатью годами ранее. «Меня словно оглушили! Я потерял армию, и это не умещается в моей голове!» — в свойственном ему пафосном тоне откликнулся на весть о кончине фельдмаршала Вильгельм II.¹ Немцы оплакивали почившего полководца и — Германию, потерявшую одного из лучших своих сыновей. Траурные мероприятия достигли невиданного ранее размаха.

Повсюду воздвигались памятники Мольтке, его именем был в начале XX века назван новейший линейный крейсер. Выходили многочисленные статьи и книги, посвященные памяти полководца, его имя к месту и не к месту употреблялось во множестве официальных речей. Когда в 1900 году одна авторитетная немецкая газета попросила своих читателей назвать самого выдающегося мыслителя XIX столетия, на первое место вышел именно покойный фельдмаршал (к слову сказать, как полководец он оказался лишь на втором месте после Наполеона).

Имя Мольтке стало важной составной частью государственной идеологии. В нем видели воплощение всего истинно немецкого — консервативный образ мыслей, верность государю, глубочайшая личная скромность, ничем не запятнанная честь, глубокий и спокойный ум. «Долг был осевой линией его долгой жизни, работа — его спутницей, вер-

ность — основой его существа. Никогда не искал он выгод для себя, всегда подчинял он личное тому делу, которому служил. Своему королю, своему народу, армии, к которой он принадлежал, были посвящены его труды и заботы, его работа и творчество», — заявлял его племянник Гельмут фон Мольтке-младший, к тому времени возглавивший Большой генеральный штаб, в 1910 году.²

Особенно силен был культ фельдмаршала в армии. Здесь его военный опыт был тщательно изучен, систематизирован и превращен в догму. Именно образ Мольтке вдохновлял немцев, когда они вступали в Первую мировую войну. Однако он совершенно не потускнел и после поражения. В Веймарской республике фельдмаршал остался символом непобежденной Германии, готовой возродиться к новым битвам. «Старый Мольтке нам исключительно необходим именно теперь, как высокий образец не только в области военных добродетелей, но и во всем своем творчестве. Мы нуждаемся в нем, чтобы вновь подняться», — сказано в предисловии к четырехтомному собранию его сочинений и писем, увидевшему свет в 1925 году.³ После прихода к власти нацистов это направление усилилось, Мольтке повсюду прославлялся как национальный герой. Поражение 1945 года, как и 1918-го, практически не затронуло светлую икону фельдмаршала. Правда, стиль изображения изменился: теперь Мольтке подавали как просвещенного человека, гуманиста, носителя общеевропейских ценностей.

Все эти образы были схематичны, грубы, упрощены и далеки от реального Мольтке. Несмотря на всю внешнюю простоту и прямолинейность, этот человек был весьма сложен. Пережив непростое детство, оставившее глубокие раны в его душе, он прошел долгий путь становления как личности. На этом пути он старался следовать принципам, во многом созвучным идеалам просвещенных людей той эпохи — идеалам добра, справедливости и порядка. Веривший в людей и старавшийся относиться к ним как можно лучше, Мольтке, тем не менее, поставил своему человеколюбию определенные, вполне обоснованные пределы. Во многом его выну-

ждала к этому профессия, которой он вольно или невольно посвятил всю свою жизнь — кадрового военного. Воспитанный в понятиях долга и дисциплины, он всегда ставил общее благо выше блага отдельной личности, понимая, что благоденствие каждого может обеспечить только сильная власть, не имеющая корыстных интересов и радеющая обо всех своих подданных. Именно такую власть он видел в прусской монархии. Это и привело его впоследствии в стан консерваторов, хотя многие взгляды роднили Мольтке с либералами.

Разносторонне образованная личность, он обладал широким кругом интересов. Страстный путешественник, прекрасный писатель, проницательный историк, замечательный художник, рачительный хозяин — многим из этих талантов не суждено было раскрыться в полной мере. Однако до последних лет своей жизни он не замкнулся в узком круге профессиональных интересов.

Мольтке был горячим немецким патриотом. Превыше всего фельдмаршал ставил интересы своего отечества и своего народа. Как бы ни старались современные авторы приписать ему «европейские» идеи, единственной таковой можно считать мысль о необходимости германской гегемонии в Европе. Именно ее реализации он фактически посвятил последние 20 лет своей жизни, выступая за превентивную войну против других великих держав.

В своей профессиональной области Мольтке составил целую эпоху. Он стал первым полководцем новой, индустриальной эры. Бесконечно можно перечислять то новое, что он внес в военное искусство: достаточно упомянуть организацию Генерального штаба современного типа и осмысление операции и оперативного уровня войны. Многие сформулированные им принципы военного искусства — такие, как «двигаться раздельно — сражаться вместе», стали символами своей эпохи.

Мольтке стал первым из крупных полководцев, который прославился делами не столько на поле брани, сколько в тиши кабинета. Он не вел войска в атаку через пороховой дым,

а оставался позади линии фронта, стремясь собрать наиболее полную информацию и ни на мгновение не потерять нити управления огромной армейской машиной. Именно такое поведение стало нормой для полководца следующего, XX столетия.

Мольтке принадлежит и еще один вклад в военное искусство. Именно он заложил основу концепции войны на два фронта, которая оставалась ядром германского военного планирования накануне Первой и Второй мировых войн. Создав перевес сил на одном фронте, разгромить противника в ходе молниеносного наступления — блицкрига — и затем обратить все силы против второго врага. Именно стратегии блицкрига немецкие войска обязаны своими успехами на начальных этапах обеих мировых войн. Однако в ней крылся один изъян — рассчитанная на использование высокопрофессиональными кадровыми армиями, поклонником которых являлся Мольтке, она была не лучшим образом приспособлена к тотальной войне XX столетия. Контур такой войны фельдмаршал ясно увидел незадолго до своей смерти, но так и не смог разработать соответствующую реалиям завтрашнего дня теорию. Во многом это произошло потому, что в длительной тотальной войне у Германии практически не было надежды на успех.

В отличие от большинства своих коллег, Мольтке был всегда открыт тому новому, что несла с собой эпоха. Было бы преувеличением говорить о том, что он благодаря гениальному чутью уловил все особенности новой страницы военной истории; однако он учился на своих и чужих ошибках, и делал это гораздо быстрее, чем большинство его соратников и противников.

Мольтке оказал большое влияние и на политическое развитие Германии. Заявляя о равноправии и независимости друг от друга военного и политического начал, фельдмаршал заложил основы мышления, которого будут придерживаться немецкие военные на протяжении почти целого столетия, что, в свою очередь, приведет к серьезным потрясениям в германской и мировой истории.

Подводя черту под биографией главного героя этой книги, автор намеренно хотел бы избежать обобщающих и предельно упрощенных характеристик личности Мольтке. Лишенным всякого смысла представляется также вопрос о «положительном» или «отрицательном» характере его вклада в историю. Главное, что этот вклад был весьма масштабным. И поэтому личность Мольтке — полководца, мыслителя, просто человека своей эпохи — будет и в дальнейшем привлекать внимание исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

К читателю

¹ Deutsche Militärgeschichte 1648—1939. Bd. 6. München, 1983. S. 406.

² Цит. по: *Kolb E.* Helmuth von Moltke in seiner Zeit. Aspekte und Probleme / Generalfeldmarschall von Moltke: Bedeutung und Wirkung. München, 1991. S. 6.

³ *Энгельс Ф.* Заметки о войне. Ч. X / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 17. М., 1960. С. 50.

Глава 1

¹ *Jessen O.* Die Moltkes. Biographie einer Familie. München, 2010. S. 25.

² *Moltke H. K. B. v.* Aufzeichnungen. Briefe. Schriften. Reden. Ebenhausen, 1923. S. 9.

³ *Moltke H. K. B. v.* Gespräche. Hamburg, 1940. S. 87.

⁴ *Moltke H. K. B. v.* Aufzeichnungen... S. 22.

⁵ *Jessen O.* Op. cit. S. 51.

⁶ *Moltke H. K. B. v.* Gespräche. S. 87.

⁷ *Moltke H. K. B. v.* Aufzeichnungen... S. 26.

⁸ *Müller-Bohn H.* Graf Moltke. Berlin, s.a. S. 15.

⁹ *Herre F.* Moltke. Stuttgart, 1984. S. 31.

¹⁰ *Moltke H. K. B. v.* Aufzeichnungen... S. 15.

¹¹ *Müller-Bohn H.* Op.cit. S. 19.

¹² *Herre F.* Op.cit. S. 31.

¹³ *Kessel E.* Moltke. Stuttgart, 1957. S. 30.

¹⁴ *Moltke H. K. B. v.* Aufzeichnungen... S. 16.

¹⁵ *Herre F.* Op.cit. S. 42.

¹⁶ *Kessel E.* Op.cit. S. 48.

¹⁷ *Herre F.* Op.cit. S. 42.

- ¹⁸ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 16.
- ¹⁹ *Moltke H. K. B.* v. Ausgewählte Werke. Bd. 4. Berlin, 1925. S. 6 (далее — AW).
- ²⁰ *Herre F.* Op. cit. S. 42.
- ²¹ *Kessel E.* Op. cit. S. 58.
- ²² *Мольтке Г.* Два друга. М., 1914. С. 2—17.
- ²³ *Herre F.* Op. cit. S. 46.
- ²⁴ *Strauss G. L. M.* Men who have made the new German Empire. Vol. 1. L., 1875. P. 56.
- ²⁵ *Müller-Bohn H.* Op. cit. S. 22.
- ²⁶ *Kessel E.* Op. cit. S. 53.
- ²⁷ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 20.
- ²⁸ Ibid. S. 22.
- ²⁹ Ibid. S. 25.
- ³⁰ *Ritter G.* Staatskunst und Kriegshandwerk. Bd. 1. München, 1970. S. 238.
- ³¹ *Moltke-Almanach.* Bd. 2. Moltke und Polen. Berlin, 1990. S. 59.
- ³² *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen.... S. 32.
- ³³ *Moltke H. K. B.* v. Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Grafen Helmuth von Moltke. Bd. 2. Berlin, 1891. S. 5. (далее — GS)
- ³⁴ Ibid. S. 46.
- ³⁵ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 35.
- ³⁶ Ibid. S. 48.
- ³⁷ *Herre F.* Op. cit. S. 58.
- ³⁸ *Moltke-Almanach.* Bd. 2. S. 61.
- ³⁹ *Kessel E.* Op. cit. S. 90.
- ⁴⁰ *Herre F.* Op. cit. S. 60.

Глава 2

- ¹ *Moltke H. K. B.* v. Unter dem Halbmond. Berlin, 1988. S. 51.
- ² Ibid. S. 53.
- ³ Ibid. S. 56.
- ⁴ Ibid. S. 62.
- ⁵ Ibid. S. 70.
- ⁶ Ibid. S. 74.
- ⁷ Ibid. S. 73.
- ⁸ Ibid. S. 92.
- ⁹ Ibid. S. 160.
- ¹⁰ Ibid. S. 173.
- ¹¹ *Moltke H. K. B.* v. Der türkisch-ägyptische Feldzug 1839. Berlin, 1935. S. 14.

- ¹² *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 52.
- ¹³ *Herre F.* Op. cit. S. 85
- ¹⁴ *Moltke H. K. B.* v. Unter dem Halbmond. S. 277.
- ¹⁵ Ibid. S. 298.
- ¹⁶ Ibid. S. 319.
- ¹⁷ Ibid. S. 323.
- ¹⁸ Ibid. S. 338.
- ¹⁹ Ibid. S. 342.
- ²⁰ Ibid. S. 346.
- ²¹ Ibid. S. 353.
- ²² *Müller-Bohn H.* Op. cit. S. 28.

Глава 3

- ¹ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 107.
- ² *Wilkinson S.* The early life of Moltke. Oxford, 1913. P. 22.
- ³ *Moltke H. K. B.* v. GS. Bd. 2. S. 317.
- ⁴ *Herre F.* Op.cit. S. 97.
- ⁵ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 47
- ⁶ Ibid. S. 126.
- ⁷ Ibid. S. 134.
- ⁸ Ibid. S. 127.
- ⁹ Ibid. S. 139.
- ¹⁰ Ibid. S. 143.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 17.
- ¹³ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 129.
- ¹⁴ *Herre F.* Op.cit. S. 108.
- ¹⁵ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 6.
- ¹⁶ *Kessel E.* Op.cit. S. 181.
- ¹⁷ *Moltke H. K. B.* v. Leben und Werk in Selbstzeugnissen. Leipzig, s. a. S. 128.
- ¹⁸ *Herre F.* Op. cit. S. 111.
- ¹⁹ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 92.
- ²⁰ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 162.
- ²¹ Ibid. S. 166.
- ²² *Müller-Bohn H.* Op.cit. S. 208.
- ²³ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 170.
- ²⁴ Ibid. S. 172.
- ²⁵ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 7.
- ²⁶ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 5.
- ²⁷ Ibid. S. 179.

- ²⁸ *Moltke H. K. B.* v. Leben und Werk... S. 167.
- ²⁹ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 186.
- ³⁰ Ibid. S. 178.
- ³¹ Ibid. S. 180.
- ³² Ibid. S. 6.
- ³³ *Kessel E.* Op. cit. S. 197.
- ³⁴ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 3. S. 368.
- ³⁵ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 187.
- ³⁶ *Brix M.* Marie von Moltke. Stuttgart, 1942. S. 129.
- ³⁷ *Herre F.* Op. cit. S. 140.
- ³⁸ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 191.
- ³⁹ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd.3. S. 379.
- ⁴⁰ Ibid. S. 380.
- ⁴¹ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 7.
- ⁴² *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 202.
- ⁴³ Ibid. S. 199.
- ⁴⁴ Ibid. S. 200.
- ⁴⁵ *Moltke H. K. B.* v. Briefe aus Russland. Berlin, 1877. S. 15.
- ⁴⁶ Ibid. S. 19.
- ⁴⁷ Ibid. S. 51.
- ⁴⁸ Ibid. S. 42.
- ⁴⁹ *Moltke H. K. B.* v. Leben und Werk... S. 215.
- ⁵⁰ *Moltke H. K. B.* v. Briefe aus Russland. S. 81.
- ⁵¹ Ibid. S. 90.
- ⁵² Ibid. S. 95.
- ⁵³ Ibid. S. 177.
- ⁵⁴ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 210.
- ⁵⁵ *Moltke H. K. B.* v. Briefe aus Russland. S. 170.
- ⁵⁶ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 210.
- ⁵⁷ *Herre F.* Op.cit. S. 165.
- ⁵⁸ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 211.
- ⁵⁹ Ibid. S. 212.
- ⁶⁰ *Herre F.* Op. cit. S. 168.
- ⁶¹ *Müller-Bohn H.* Op. cit. S. 252.

Глава 4

- ¹ *Herre F.* Op. cit. S. 172.
- ² *Kessel E.* Op. cit. S. 247.
- ³ *Kolb E.* Helmuth von Moltke in seiner Zeit. S. 11.
- ⁴ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 29.
- ⁵ *Kessel E.* Op. cit. S. 284.

- ⁶ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 3. S. 27.
- ⁷ *Kessel E.* Op.cit. S. 319.
- ⁸ *Helmert H.* Kriegspolitik und Strategie. Berlin, 1970. S. 44.
- ⁹ Прусско-германский генеральный штаб 1640—1965. М., 1966. С. 41.
- ¹⁰ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 3. S. 20.
- ¹¹ *Herre F.* Op. cit. S. 203.
- ¹² *Kessel E.* Op. cit. S. 376.
- ¹³ *Beumelburg W.* Bismarck gründet das Reich. Oldenburg, 1932. S. 220.
- ¹⁴ *Moltke H. K. B.* v. Leben und Werk... S. 264.
- ¹⁵ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 2. S. 44.
- ¹⁶ Ibid. S. 29.
- ¹⁷ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 229.
- ¹⁸ Ibid. S. 236.
- ¹⁹ *Mehring F.* Krieg und Politik. Bd. 1. Berlin, 1959. S. 122.

Глава 5

- ¹ *Herre F.* Op. cit. S. 213.
- ² Прусско-германский генеральный штаб. С. 42.
- ³ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 238.
- ⁴ *Moltke H. K. B.* v. Deutsche Kriegsführung. Leipzig, 1941. S. 32.
- ⁵ *Moltke H. K. B.* v. Moltkes militärische Werke. Bd. 1. Teil 2. S. 128. (далее MMW).
- ⁶ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 240.
- ⁷ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 213—214.
- ⁸ *Hessen R.* Deutsche Männer. Stuttgart, 1912. S. 316.
- ⁹ *Строков А. А.* История военного искусства. Т. 4. М., 1994. С. 535.
- ¹⁰ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 2. S. 54.
- ¹¹ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 67.
- ¹² *Moltke H. K. B.* v. MMW. Bd. 1. Teil 2. S. 178.
- ¹³ *Herre F.* Op.cit. S. 229.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ *Бисмарк О. фон.* Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940. С. 89.
- ¹⁶ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 2. S. 64.
- ¹⁷ *Moltke H. K. B.* v. MMW. Bd. 1. Teil 2. S. 234.
- ¹⁸ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 2. S. 70.
- ¹⁹ Ibid. S. 69.
- ²⁰ История войны 1866 года в Германии. СПб., 1870. С. 151.
- ²¹ *Шлиффен А.* Канн. М., 1923. С. 66.
- ²² Там же. С. 72.

- ²³ Там же. С. 96.
- ²⁴ *Мольтке Г.-К.-Б.* Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. М., 1938. С. 29.
- ²⁵ *Herre F.* Op.cit. S. 233.
- ²⁶ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 2. S. 73.
- ²⁷ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 75.
- ²⁸ *Прежнецов Я.* Кениггрецкое сражение. СПб., 1888. С. 6.
- ²⁹ *Herre F.* Op. cit. S. 239.
- ³⁰ История войны 1866 года в Германии. С. 328.
- ³¹ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 82.
- ³² Ibid. S. 99.
- ³³ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 242.
- ³⁴ *Шлиффен А.* Указ. соч. С. 127.
- ³⁵ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 242.
- ³⁶ *Бисмарк О. фон.* Указ. соч. С. 34.
- ³⁷ *Deutsche Militärgeschichte...* Bd. 2. Teil 1. S. 202.
- ³⁸ *Мольтке Г.-К.-Б.* Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. М., 1938. С. 68.
- ³⁹ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 84.
- ⁴⁰ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 248.
- ⁴¹ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 86.
- ⁴² Ebenda. S. 106.
- ⁴³ *Herre F.* Op.cit. S. 243.
- ⁴⁴ *Zuber T.* The Moltke Myth. Prussian War Planning 1857—1871. Lanham, 2008. P. 148.
- ⁴⁵ *Иссерсон Г.* Военное искусство эпохи национальных войн второй половины XIX века. М., 1933. С. 147.
- ⁴⁶ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 3. S. 390.
- ⁴⁷ *Herre F.* Op. cit. S. 271.
- ⁴⁸ *Helmert H.* Op. cit. S. 218.
- ⁴⁹ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 1. S. 388.
- ⁵⁰ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 246.
- ⁵¹ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 3. S. 389.
- ⁵² Ibid. S. 321.
- ⁵³ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 123.
- ⁵⁴ *Herre F.* Op.cit. S. 268.
- ⁵⁵ *Müller-Bohn H.* Op. cit. S. 371.
- ⁵⁶ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 246.
- ⁵⁷ Ibid. S. 247.
- ⁵⁸ *Herre F.* Op.cit. S. 252.
- ⁵⁹ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 4. S. 370.
- ⁶⁰ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 244—245.
- ⁶¹ Ibid. S. 256.

- ⁶² Ibid.
- ⁶³ *Kessel E.* Op. cit. S. 499.
- ⁶⁴ *Helmert H.* Op. cit. S. 226.
- ⁶⁵ *Moltke H. K. B.* v. Aus den Verordnungen für die höheren Truppenführer / *Helmert H.* Op. cit. S. 285.
- ⁶⁶ Ibid.
- ⁶⁷ Ibid. S. 286.
- ⁶⁸ Ibid. S. 306.
- ⁶⁹ Ibid. S. 287.
- ⁷⁰ Ibid. S. 305.
- ⁷¹ Ibid. S. 286.
- ⁷² Ibid. S. 309.
- ⁷³ Ibid. S. 306.
- ⁷⁴ Ibid. S. 309.
- ⁷⁵ Ibid. S. 311.
- ⁷⁶ Ibid. S. 312—313.
- ⁷⁷ Ibid. S. 306.
- ⁷⁸ Ibid. S. 288.
- ⁷⁹ Ibid.
- ⁸⁰ Ibid. S. 299.
- ⁸¹ Ibid. S. 301.

Глава 6

- ¹ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 116.
- ² *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 3. S. 62.
- ³ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 109.
- ⁴ Ibid. S. 126.
- ⁵ *Herre F.* Op.cit. S. 281.
- ⁶ *Бисмарк О. фон.* Указ. соч. С. 86.
- ⁷ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 260.
- ⁸ Ibid. S. 259.
- ⁹ *Herre F.* Op.cit. S. 283.
- ¹⁰ Ibid. S. 285.
- ¹¹ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 261.
- ¹² *Helmert H.* Op. cit. S. 261.
- ¹³ *Мольтке Г.-К.-Б.* Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. С. 33.
- ¹⁴ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 261.
- ¹⁵ *Millotat C. E. O.* Das preußisch-deutsche Generalstabssystem. Zürich, 2000. S. 71.
- ¹⁶ *Иссерсон Г.* Указ. соч. С. 192.
- ¹⁷ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 2. S. 89.

- ¹⁸ *Herre F.* Op. cit. S. 292.
- ¹⁹ *Иссерсон Г.* Указ. соч. С. 203.
- ²⁰ *Herre F.* Op. cit. S. 294.
- ²¹ Der Deutsch-Französische Krieg 1870—71. Teil 1. Bd. 2. Berlin, 1875. S. 1113.
- ²² *Herre F.* Op. cit. S. 297.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 262.
- ²⁵ Der alte Kaiser. Leipzig, 1925. S. 322.
- ²⁶ *Beumelburg W.* Bismarck gründet das Reich. Oldenburg, 1932. S. 410.
- ²⁷ *Seeber G., Wolter H.* Die preußisch-deutsche Reichseinigung 1870/71. Berlin, 1981. S. 141.
- ²⁸ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 263.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ *Verdy du Vernois J.* v. Im Großen Hauptquartier 1870/71. Berlin, 1896. S. 25.
- ³¹ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 267.
- ³² *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 150.
- ³³ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 264.
- ³⁴ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 2. S. 105.
- ³⁵ Ibid. S. 107.
- ³⁶ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 265.
- ³⁷ *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 2. S. 108.
- ³⁸ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 270.
- ³⁹ *Мольтке Г.* История германо-французской войны 1870—1871 гг. М., 1937. С. 183.
- ⁴⁰ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 265—266.
- ⁴¹ Ibid. S. 266.
- ⁴² *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 2. S. 142.
- ⁴³ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 162.
- ⁴⁴ *Буш М.* Граф Бисмарк и его люди за время войны с Францией. СПб., 1879. Т. 2. С. 9.
- ⁴⁵ *Herre F.* Op. cit. S. 315.
- ⁴⁶ Ibid. S. 314.
- ⁴⁷ Ibid. S. 318.
- ⁴⁸ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 157.
- ⁴⁹ *Мольтке Г.-К.-Б.* Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. С. 40.
- ⁵⁰ *Seeber G., Wolter H.* Die preußisch-deutsche Reichseinigung 1870/71. Berlin, 1981. S. 10.
- ⁵¹ *Herre F.* Op. cit. S. 325.
- ⁵² Ibid.

⁵³ *Moltke H. K. B.* v. Leben und Werk... S. XVIII.

⁵⁴ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 273.

⁵⁵ *Herre F.* Op. cit. S. 326.

⁵⁶ *Ibid.* S. 328.

Глава 7

¹ *Ibid.* S. 329.

² *Zuber T.* *Inventing the Schlieffen Plan. German War Planning 1871—1914.* Oxford, 2002. P. 53.

³ *Hindenburg P.* v. *Aus meinem Leben.* Leipzig, 1920. S. 57.

⁴ Прусско-германский Генеральный штаб. С. 64.

⁵ *Herre F.* Op. cit. S. 346.

⁶ *Meier-Dörnberg W.* *Moltke und die taktisch-operative Ausbildung im preußisch-deutschen Heer // Generalfeldmarschall von Moltke...* S. 39.

⁷ *Kessel E.* Op. cit. S. 512.

⁸ *Мольтке Г.-К.-Б.* Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. С. 188.

⁹ *Wallach J. L.* *Feldmarschall von Schlieffens Interpretation der Kriegsschule Moltkes d. Ä. / Generalfeldmarschall von Moltke...* S. 55.

¹⁰ *Moltke H. K. B.* v. *AW.* Bd. 1. S. 321.

¹¹ *Ibid.* S. 367.

¹² *Ibid.* S. 374.

¹³ *Salewski M.* *Moltke, Schlieffen und die Eisenbahn // Generalfeldmarschall von Moltke...* S. 89.

¹⁴ *Мольтке Г.-К.-Б.* Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. С. 14.

¹⁵ Там же. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 45.

¹⁷ *Tucco B.* *Путешествие в страну миллиардов.* СПб., 1876. С. 241

¹⁸ *Nationalzeitung*, N79 17.02.1874.

¹⁹ *Kessel E.* Op. cit. S. 661.

²⁰ *Moltke H. K. B.* v. *AW.* Bd. 3. S. 74—75.

²¹ *Moltke H. K. B.* v. *Aufzeichnungen...* S. 277.

²² *Tucco B.* *Указ. соч.* С. 242.

²³ *Des Volkes Feind.* Berlin, 1961. S. 19.

²⁴ *Moltke H. K. B.* v. *AW.* Bd. 3. S. 81.

²⁵ *Мольтке Г.-К.-Б.* Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. С. 6.

²⁶ *Чубинский В. В.* *Бисмарк.* М., 1988. С. 297.

²⁷ *Deutsche Militärgeschichte...* Bd.2. Teil 1. S. 224.

²⁸ *Herre F.* Op.cit. S. 356.

²⁹ Die große Politik der europäischen Kabinette 1871—1914. Bd. 3. Berlin, 1922. S. 75.

³⁰ Ibid. S. 123.

³¹ Ibid. S. 122—123.

³² *Moltke H. K. B. v. AW.* Bd. 3. S. 95.

³³ Прусско-германский Генеральный штаб. С. 69.

³⁴ *Förster S.* Dreams and Nightmares. German Military Leadership and the Image of Future Warfare 1871—1914 // *Anticipating Total War. German and American Experiences 1871—1914.* Cambridge, 1999. P. 347.

³⁵ *Kessel E.* Op.cit. S. 600.

³⁶ *Moltke H. K. B. v. AW.* Bd. 1. S. 429.

³⁷ *Moltke H. K. B. v. Gespräche...* S. 180.

³⁸ *Moltke H. K. B. v. Aufzeichnungen...* S. 285.

³⁹ Ibid. S. 289—290.

⁴⁰ *Müller-Bohn H.* Op. cit. S. 496.

⁴¹ Ibid. S. 498—499.

⁴² *Moltke H. K. B. v. AW.* Bd. 3. S. 405.

⁴³ *Herre F.* Op. cit. S. 341.

⁴⁴ Ibid. S. 339.

⁴⁵ Ibid. S. 336.

⁴⁶ *Stern F.* Gold und Eisen. Bismarck und sein Bankier Bleichröder. München, 2008. S. 660.

⁴⁷ *Moltke H. K. B. v. Gespräche.* S. 201.

⁴⁸ *Herre F.* Op. cit. S. 389.

⁴⁹ *Moltke H. K. B. v. Aufzeichnungen...* S. 285.

⁵⁰ Ibid. S. 297.

⁵¹ *Waldersee A.v.* Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Stuttgart-Berlin, 1922. S. 253.

⁵² *Jeismann K.-E.* Das Problem des Präventivkrieges. München, 1957. S. 144.

⁵³ Die große Politik der europäischen Kabinette 1871—1914. Bd. 6. Berlin, 1922. S. 25.

⁵⁴ *Klemm M.* Was sagt Bismarck dazu? Bd. 2. Berlin, 1924. S. 58.

⁵⁵ *Herre F.* Op. cit. S. 382.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid. S. 383.

⁵⁸ *Müller-Bohn H.* Op. cit. S. 511.

⁵⁹ *Herre F.* Op. cit. S. 384.

⁶⁰ *Wilkinson S.* Op. cit. P. 3.

⁶¹ *Müller-Bohn H.* Op. cit. S. 467.

⁶² *Moltke H. K. B. v. Gespräche.* S. 202.

⁶³ *Kessel E.* Op. cit. S. 759.

⁶⁴ *Moltke H. K. B. v. AW.* Bd. 4. S. 379.

⁶⁵ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 298.

⁶⁶ *Ibid.* S. 311.

⁶⁷ *Moltke H. K. B.* v. Gespräche. S. 210.

⁶⁸ *Kessel E.* Op. cit. S. 750.

⁶⁹ *Herre F.* Op. cit. S. 387.

⁷⁰ *Moltke H. K. B.* v. Aufzeichnungen... S. 299.

⁷¹ *Ibid.* S. 312.

⁷² *Ibid.* S. 309.

⁷³ *Ibid.* S. 316—317.

Заключение

¹ *Herre F.* Op. cit. S. 291.

² *Moltke H. K. B.* v. AW. Bd. 1. S. 9.

³ *Ibid.* S. 1.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Бисмарк О. фон.* Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940.
- Буш М.* Граф Бисмарк и его люди за время войны с Францией. СПб., 1879.
- Каульбарс Н.* Заметки о германской армии. СПб., 1878.
- Мольтке Г.* Военные поучения. СПб., 1913.
- Мольтке Г.-К.* Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. М., 1938.
- Мольтке Г.* Два друга. М., 1914.
- Мольтке Г.* История германо-французской войны 1870—1871 гг. М., 1937.
- Мольтке Г.* Первая датская кампания (1848—1849). СПб., 1898.
- Мольтке Г.* Русско-турецкая кампания в европейской Турции: В 2 ч. СПб., 1876—1883.
- Тиссо В.* Путешествие в страну миллиардов. СПб., 1876.
- Энгельс Ф.* Заметки о войне. Ч. X / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 17. М., 1960.
- Bismarck-Briefe.* Göttingen, 1955.
- Der alte Kaiser. Briefe und Aufzeichnungen Wilhelms I.* Leipzig, 1925.
- Deutschlands Einigungskriege 1864—1871 in Briefen und Berichten der führenden Männer. Teil 1—2.* Leipzig, 1912.
- Die große Politik der europäischen Kabinette 1871—1914. Bd. 1, 3, 6.* Berlin, 1922.
- Hindenburg P. v.* Aus meinem Leben. Leipzig, 1920.
- Klemm M.* Was sagt Bismarck dazu? Bd. 2. Berlin, 1924.
- Moltke H. K. B. v.* Aufzeichnungen. Briefe. Schriften. Reden. Ebenhausen, 1923.
- Moltke H. K. B. v.* Ausgewählte Werke. In 4 Bd. Berlin, 1925.
- Moltke H. K. B. v.* Briefe aus Russland. Berlin, 1877.

- Moltke H. K. B. v.* Der italienische Feldzug des Jahres 1859. Berlin, 1862.
- Moltke H. K. B. v.* Der türkisch-ägyptische Feldzug 1839. Berlin, 1935.
- Moltke H. K. B. v.* Deutsche Kriegsführung. Leipzig, 1941.
- Moltke H. K. B. v.* Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Grafen Helmuth von Moltke. In 8 Bd. Berlin, 1891—1893.
- Moltke H. K. B. v.* Gespräche. Hamburg, 1940.
- Moltke H. K. B. v.* Leben und Werk in Selbstzeugnissen. Leipzig, s. a.
- Moltke H. K. B. v.* Moltkes militärische Werke. In 15 Bd. Berlin, 1892—1912.
- Moltke H. K. B. v.* Unter dem Halbmond. Berlin, 1988.
- Nationalzeitung (Jahrgang 1874).
- Verdy du Vernois J. v.* Im Großen Hauptquartier 1870/71. Berlin, 1896.
- Waldersee A. v.* Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Stuttgart-Berlin, 1922.

Литература

- Боджолян М. Т.* Реформы 20—30-х гг. XIX века в Османской империи. Ереван, 1984.
- Воробьев С.* Новое ручное огнестрельное оружие европейских армий. СПб., 1864.
- Галкин И. С.* Создание Германской империи 1815—1871 гг. М., 1986.
- Герлиц В.* Германский Генеральный штаб. М., 2005.
- Германия. Отд. 2. Вооруженные силы. СПб., 1875.
- Германский империализм и милитаризм. М., 1965.
- Ерусалимский А. С.* Бисмарк: дипломатия и милитаризм. М., 1968.
- Записка об устройстве военного управления в Германии и Австрии. Б. м., 1881.
- Игольчатые ли ружья выиграли пруссакам кампанию? СПб., 1866.
- Иссерсон Г.* Военное искусство эпохи национальных войн второй половины XIX века. М., 1933.
- История войны 1866 года в Германии. СПб., 1870.
- История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996.
- Кауфман Г.* Политическая история Германии в XIX веке. СПб., 1909.
- Куль Г.* Германский Генеральный штаб. М., 1922.
- Петросян Ю. А.* Османская империя. М., 2003.
- Прежнецов Я.* Кениггрецкое сражение. СПб., 1888.
- Прокопьев В. П.* Военный институт в государственном механизме буржуазной Германии. Калининград, 1982.
- Прокопьев В. П.* Государство и армия в истории Германии X—XX вв. Калининград, 1998.

- Пруско-германский Генеральный штаб 1640—1965. М., 1966.
- Розен Д. Г.* История Турции от победы реформы в 1826 году до парижского трактата в 1856 году. Ч. 1. СПб., 1872.
- Свечин А. А.* Эволюция военного искусства. Т. 2. М., 1928.
- Строков А. А.* История военного искусства. Т. 4. М., 1994.
- Фон-Сотен О.* Как вели войну Наполеон и Мольтке. СПб., 1908.
- Чубинский В. В.* Бисмарк. М., 1988.
- Шлиффен А., ф.* Канны. М., 1923.
- Шнеерсон Л. М.* В преддверии франко-прусской войны. Мн., 1969.
- Anticipating Total War. German and American Experiences 1871—1914.* Cambridge, 1999.
- Baring-Gould M.* Germany. L., 1890.
- Beumelburg W.* Bismarck gründet das Reich. Oldenburg, 1932.
- Börner K. H.* Wilhelm I. Berlin, 1984.
- Born K. E.* Von der Reichsgründung bis zum I. Weltkrieg. München, 1978.
- Brandenburg E.* Die Reichsgründung. Bd. 2. Leipzig, 1916.
- Brix M.* Marie von Moltke. Stuttgart, 1942.
- Bühler J.* Deutsche Geschichte. Bd. 5. Berlin, 1954.
- Craig G.* Deutsche Geschichte 1866—1945. München, 1999.
- Craig G.* Die preussisch-deutsche Armee 1640—1945. Düsseldorf, 1960.
- Craig G.* Königgrätz. München, 1987.
- Das Militär und der Aufbruch in die Moderne 1860—1890.* München, 2003.
- Der Deutsch-Französische Krieg 1870—71.* In 5 Bd. Berlin, 1872—1881.
- Der Deutsch-Französische Krieg 1870—71. Vorgeschichte, Verlauf, Folgen.* Graz, 2009.
- Des Volkes Feind.* Berlin, 1961.
- Deutsche Geschichte in 12 Bd. Bd. 4.* Berlin, 1984.
- Deutsche Militärgeschichte 1648—1939.* In 6 Bd. München, 1983.
- Diplomatie und Kriegspolitik vor und nach der Reichsgründung.* Berlin, 1971.
- Dupuy T. N.* Der Genius des Krieges. Das deutsche Heer und der Generalstab 1807—1945. Graz, 2009.
- Engelberg E.* Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. Berlin, 1990.
- Engelberg E.* Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. Berlin, 1988.
- Engelberg E.* Deutschland 1849—1871. Berlin, 1959.
- Engelberg E.* Deutschland von 1871 bis 1897. Berlin, 1965.
- Eyck E.* Bismarck. Bd. 2, 3, Erlenbach-Zürich, 1943—1944.
- Feldmann E.* Die Sicherung der Westgrenze in der deutschen Wehrpolitik von 1871 bis 1914. Bonn, 1941.
- Friedjung H.* Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland. Bd. 1. Stuttgart-Berlin, 1916.
- Gebhardt Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. 3.* Stuttgart, 1973.

- Generalfeldmarschall von Moltke. Bedeutung und Wirkung. München, 1991.
- Grundkurs deutsche Militärgeschichte. Bd. 1. Die Zeit bis 1914. München, 2006.
- Haffner S.* Von Bismarck zu Hitler. München, 1987.
- Hartmann E. v.* Die politischen Aufgaben und Zustände des Deutschen Reiches. Berlin, 1881.
- Hartung F.* Deutsche Geschichte vom Frankfurter Frieden zum Vertrag von Versailles. Bonn-Leipzig, 1929.
- Helmert H.* Kriegspolitik und Strategie. Berlin, 1970.
- Helmert H., Usczeck H.* Preußischdeutsche Kriege von 1864 bis 1871. Berlin, 1988.
- Herbell H.* Staatsbürger in Uniform 1789—1961. Berlin, 1969.
- Herre F.* Moltke. Stuttgart, 1984.
- Hessen R.* Deutsche Männer. Stuttgart, 1912.
- Howard M.* The Franco-Prussian War. L., 1961.
- Jeismann K.-E.* Das Problem des Präventivkrieges. München, 1957.
- Jessen O.* Die Moltkes: Biographie einer Familie. München, 2010
- Kahlmeyer A.* „Den alten, etwas eingerosteten Krummsäbel alla franca anschleifen“. Die Militärmission Helmuth von Moltkes in der Türkei 1835—1839. Norderstedt, 2002.
- Kessel E.* Moltke. Stuttgart, 1957.
- Kolb E.* Umbrüche deutscher Geschichte. München, 1993.
- Kurzer Abriss der Militärgeschichte von den Anfängen der Geschichte des deutschen Volkes bis 1945. Berlin, 1977.
- Mehring F.* Krieg und Politik. Bd. 1. Berlin, 1959.
- Millotat C. E. O.* Das preußisch-deutsche Generalstabssystem. Zürich, 2000.
- Moltke-Almanach. Bd. 2. Moltke und Polen. Berlin, 1990.
- Müller-Bohn H.* Graf Moltke. Berlin, s.a.
- Naso E. v.* Moltke. Berlin, 1937.
- Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1866—1918. Bd. 2. München, 1995.
- On the road to total war. Cambridge, 1999.
- Otto von Bismarck und Wilhelm II. Repräsentanten eines Epochenwechsels? Paderborn, 2001.
- Paris F. A.* Heerwesen und Dienst des deutschen Reichsheeres. Gera, 1876.
- Pflanze O.* Bismarck. Bd. 1. München, 1997.
- Poidevin R., Bariety J.* Frankreich und Deutschland. München, 1982.
- Ritter G.* Staatskunst und Kriegshandwerk. Bd. 1. München, 1970.
- Ritter G. A., Tenfelde K.* Arbeiter im Deutschen Kaiserreich. Bonn, 1992.
- Schreiner A.* Zur Geschichte der deutschen Außenpolitik. Bd. 1. Berlin, 1952.
- Seeber G., Wolter H.* Die preußisch-deutsche Reichseinigung 1870/71. Berlin, 1981.

- Soldatisches Führertum. Teil 10. Hamburg, 1937.
- Stern F.* Gold und Eisen. Bismarck und sein Bankier Bleichröder. München, 2008.
- Strauss G. L. M.* Men who have made the new German Empire. Vol. 1. L., 1875.
- Thies J.* Die Moltkes: Von Königgrätz nach Kreisau. Berlin, 2010.
- Ullmann H.-P.* Das Deutsche Kaiserreich 1871—1918. Frankfurt-a.-M., 1995.
- Von Scharnhorst zu Schlieffen 1806—1906. Berlin, 1933.
- Wagner R.* Moltke und Mühlbach zusammen unter dem Halbmonde 1837—1839. Berlin, 1893.
- Walter H.* Preußische Heeresreformen 1807—1870. Paderborn, 2003
- Wilkinson S.* The early life of Moltke. Oxford, 1913.
- Wolter H.* Bismarcks Außenpolitik 1871—1881. Berlin, 1983.
- Zuber T.* Inventing the Schlieffen Plan. German War Planning 1871—1914. Oxford, 2002.
- Zuber T.* The Moltke Myth. Prussian War Planning 1857—1871. Lanham, 2008.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	3
Глава 1. Юность полководца	6
Глава 2. Восточная миссия	32
Глава 3. Зрелые годы	50
Глава 4. Шеф Генерального штаба	80
Глава 5. В лучах славы	101
Глава 6. За единую Германию!	147
Глава 7. Полубог	182
Заключение. Полководец индустриальной эпохи	218
Примечания	223
Библиография	234
Источники	234
Литература	235

Николай Анатольевич Власов

ГЕЛЬМУТ ФОН МОЛЬКЕ

Отец современной войны

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Научно-популярная литература»*

Редактор издательства *Л. А. Галаганова*
Художник *П. Палей*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Компьютерная верстка *О. В. Новиковой*

Подписано к печати 12.10.2017.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.0. Уч.-изд. л. 12.4.
Тираж 3000 экз. (1-й завод 1—1000 экз.). Тип. зак. № 230

Издатель: Санкт-Петербургский филиал
ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

ISBN 978-5-02-039677-7

9 785020 396777

Н. А. ВЛАСОВ

ГЕЛЬМУТ ФОН МОЛЬТКЕ ОТЕЦ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

Гельмут фон Мольтке (1800—1891) — одна из самых известных фигур в военной истории. Его личность, неожиданно выхваченная из сумерек яркими лучами мировой славы во второй половине 60-х годов XIX века, стала символом германской военной машины со всеми ее сильными и слабыми сторонами. Став начальником прусского военного штаба, Мольтке разработал планы франко-прусской войны 1870—1871 годов и знаменитой битвы под Седаном, где капитулировала французская армия во главе с императором Наполеоном III. Мольтке наряду с Бисмарком сыграл огромную роль в объединении германских земель и становлении Германской империи. Русское правительство пожаловало ему почетное звание генерал-фельдмаршала российской армии. Именно Гельмут фон Мольтке стоит у истоков военного искусства индустриальной эпохи, ему же во многом принадлежит заслуга создания «мозга армии» — генерального штаба современного типа.

Жизнь и деятельность Мольтке по сегодняшний день является предметом споров. «Великий мальчишка» оставил своим потомкам немало загадок. Автор книги, Н. А. Власов, поставил перед собой задачу не только познакомить российского читателя с этой неординарной и неоднозначной личностью, но и попытаться найти ответы на ключевые вопросы, связанные с биографией Гельмута фон Мольтке.